

10-3357
1964/2

№ 6 • 1964

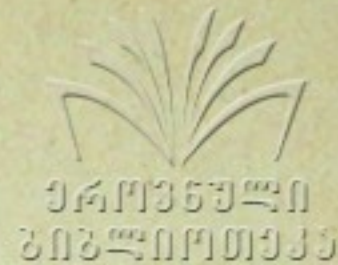
ქართული
ბიბლიოთეკა

литературная რუსია

1964. / 2

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

литературная **Г**рузия

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ ● ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЬМОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАУР БОЛКВАДЗЕ. Ленин. Стихи. Перевод с грузинского В. Дробышева	3
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Тагрия. Рассказ. Перевод с грузинского Б. Гасса	4
ОТАР ЧЕЛИДЗЕ. Из писем тысячи и одной ночи. Стихи. Перевод с грузинского Б. Окуджава	6
РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Марухские белые ночи. Повесть. Авторизованный перевод с грузинского Э. Фейгина и Б. Маринашвили	12
МОРИС ПОЦХИШВИЛИ. Смерть часов. Усталый дождик. Стихи. Перевод с грузинского С. Куняева	38
ОТАР ШАЛАМБЕРИДЗЕ Жди меня. Стихи. Перевод с грузинского Н. Алибеговой	38
ЭДИШЕР КИПИАНИ. Зеленый занавес. Рассказ. Перевод с грузинского К. Мжавия	39

ПУБЛИЦИСТИКА

МЭЛОР СТУРУА. Кандальные браслеты «свободного мира»	47
Р. ШЕНГЕЛИА. Абстракционизм — отрицание искусства и эстетики	53

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СЕРГИ ЧИЛАЯ. Поэзия гор	58
ОТАР ДЖИНОРИЯ. Ценное исследование	60
ГОГИ ЧАРКВИАНИ. Щедрость	66 ✓
ВАХТАНГ ЖВАНИЯ. Крепче гранита	68
ВАСИЛИЙ КИКНАДЗЕ. Страницы прошлого	70
ЛИЛЯ БРАИЛОВСКАЯ. Тепло человеческое	72

См. на обороте.

75-137.

6

И Ю Н Ь

1 9 6 4

ОЧЕРКИ

ВЛАДИМИР МАРГАНИДЗЕ. Тысячу раз «Орео!»	74
ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ	
МИХАИЛ ГОРГИДЗЕ. Грузины в «процессе 50-ти»	78
ЕЛЕНА ЧЕТРИКАШВИЛИ. М. Горький на страницах «Зари Востока»	85
ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	90

Редактор МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

**И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), М. ЗЛАТКИН,
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Заур БОЛКВАДЗЕ

Л Е Н И Н

Так было. Закачалась колыбель —
Трон рабства обреченно закачался.
Вся юность солнца и весны капель
Вошла в апрель. Так новый мир начался.

...Потом сердца глухая боль свела,
И тяжесть скорби ось земли согнула.
Виски эпохи цветом серебра
Покрыл январь, когда навек уснул он.

Но от январской стылой седины
Спасло людей апрельское начало:
Рожденье человека означало
Рожденье мира, света и весны.

Перевод с грузинского В. Дробышева

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

Тагрия

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Б. Гасса

«Кожа наша просвечивает, кишка за кишку цепляется», — жаловались мне крестьяне. Многие, впад в смиренное отчаяние, горько вздыхали: пока солнце взойдет, роса глаза выест.

Махнул на жизнь рукой и мой сосед Тагрия. В юности рослый, ладно скроенный, широкий в кости, с неизменной трубкой во рту, он стал хилым от частого недоедания, сгорбившимся от тяжелой жизни, пепельно-серым от невзгод и крепкого табака. Таким он и сейчас стоит перед моими глазами: покорный, полусонный, прибитый вечной нуждой.

И все же Тагрия оставался гордым. «В чужих подачках не нуждаюсь», — повторял он, бывало, терпя нужду с каким-то иступленным упрямством.

«Лежебока! Бездельник!» — называла его жена. Сама же с раннего утра до поздней ночи работала не покладая рук. Как никогда не уложишь неваляшку, так Тотола вечно была на ногах. Вот только в чем держалась душа у этой увядшей, как поздний виноград, женщины?

Милостью всевышнего Тагрия родился в рубашке. Но в спешке и суете повивальная бабка обронила

дар божий и... За что бы ни брался Тагрия, все не получалось у него. Эх, не потеряйся у Тагрия рубашка, вместо семи девок жена родила бы ему семерых парней.

И Тотолу не миловала судьба. Ее доле тоже нельзя было позавидовать. Хочешь отведать счастье, шептал ей тайный голос, так знай: спозаранку продень в золотое кольцо стебелек трилистника, и он принесет тебе счастье.

Как-то ранним утром, отвечала Тотола, я видела распускающийся цветок счастья. Долго я его обхаживала, облюбовывала, но откуда мне было взять золотое колечко. Ни в приданое я его не получила, ни в подарок от мужа. Вот и потеряла я счастье свое... Говорят, если подкрасться к дремлющей речке, то все, что бросишь в нее, обратится в золото. Что мне стоило бросить в сонную речку латунное кольцо и вынуть его золотым. Тогда б я сорвала цветок счастья. Но ведь не знала я, не ведала.

Прибитый нищетой, Тагрия иногда шел в поденщики. На стороне он работал радивее, чем дома, — там лучше кормили. А все заботы по дому переложил на плечи жены. Тагрия был подавлен нуждой. Никогда ни я, ни кто из соседей не видели его веселым. Лишь однажды, помню, он с песней толкнул ка-

Из цикла «Волшебное дерево».

литку. Вошел во двор, бросил шапку на землю, притопнул ногой и лег под деревом. К вечеру с тощей связкой травы вернулась Тотола. Увидя лежащего на земле мужа, подбежала к нему, приложила ко лбу мокрую тряпку. Потом сбегала к роднику, принесла кувшин студеной воды и опрокинула мужу на голову. Вне себя от гнева, Тагрия набросился на Тотолу с кулаками.

— Еретичка, как ты смела меня будить! — кричал он. — Я последний грош истратил, чтобы напиться, а ты... Креста на тебе нет, — уже со слезой в голосе говорил возвращенный к безжалостной действительности Тагрия.

Целыми днями сидел он на балконе и сосал неразлучную трубку. Но больше всего на свете, даже больше трубки, любил Тагрия поспать. Тотола называла его не иначе, как соня, на что Тагрия неизменно отвечал: «Круговорот жизни все равно не изменишь, а я могу недоспать».

— Этого не разбудит даже глас трубы второго пришествия, — говорил сельский поп.

А Тагрия... Тагрия спал упоенно, самозабвенно.

Наши дома были рядом, на слуху, и помню, с самого рассвета начиналась на их балконе возня. Утренний воздух отчетливо доносил каждое слово, у меня в ушах и сейчас стоит сварливая перебранка супругов.

— Лежебока, вставай, не насытился сном!?

— Отвяжись, не ори в ухо!

Тагрия лежал, натянув на голову одеяло, и думал: «Встать? Какого лешего. Словно ждет меня налившийся сладким соком виноград. Или наточенный плуг. Или арба в парной упряжке. Или стадо тучных овец. Встать? Или потускнеет лоснящаяся на белом хлебе икра?».

— Вставай, лодырь, рассвело уже. Вставай, проспишь все на свете.

— Чего разоралась? Весь мир

огласила! Смотри, землю сдвинешь с оси.

— Вставай, даже ласточка над тобой смеется. Солнце уже взошло.

— За кого ты меня принимаешь? Кто я такой, чтобы опережать солнце. Пусть сперва оно пожалует, потом и я встану.

Тотола терялась, не находила, что ответить мужу, и на время оставляла его в покое.

Потом все начиналось сначала.

— Вставай, непробуда!

— Папа, папочка, папуля, — ласково окружали его тоненькие чумазы девочки и подавали кто носки, кто каламани, кто лохмотья, почему-то называемые архалуком и брюками. Годовалая Иамзэ бережно подносила отцу шапку. Наконец Тагрия брал в руки носок и вдруг, словно его одолевали великие думы, задумывался. Стоит или не стоит вставать? Это выводило из себя Тотолу. «Горе мне с тобой», — говорила она.

— Нашла время гнать меня на работу, не видишь разве, как зло кусается июльское солнце, — стыдливо роптал Тагрия, но площадка для молотбы уже заждалась его. Дети сидели на доске и подбадривали ленивого отца. Наконец Тагрия выходил к ним, гундося оровелу.

Тяжелой была работа на току. Целый день торчали на солнечном припеке, молотили, веяли зерно. Ничего не поделаешь, вздыхали крестьяне, коли летом не кипят мозги в голове, зимой не сваришь обед в котле.

Мы, дети, любили кататься на молотилке, словно на салазках, отвеивать мякину от зерна. А вечером сидеть у костра с красным чубом, петь, танцевать, считать звезды или смотреть на серебристую чешую реки: в ней плавала медная, улыбающаяся луна.

Не знали мы тогда, чем вызвана скорбь крестьян, не знали, что жизнь их была беспросветной.

Отар ЧЕЛИДЗЕ

ИЗ ПИСЕМ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Наступил новый год.
Подоспело мгновенье.
Я опять, как всегда, тебе письма пишу.
О мои вдохновенье и благоговенье,
удивленье, что льются по карандашу!
Но опять, как всегда, околдован поземкою,
я отправить тех писем тебе не могу.
Рву бумагу и комкаю, комкаю, комкаю,
словно снег, как школяр молодой на бегу.
Эти снежные комья в тебя я бросаю.
Ты теперь далеко и с тобой тишина.
Я бросаю, как память о прошлом спасаю,
я хочу, чтоб в тебе взбунтовалась она.
Через версты и дни, через боль и желанье
я хочу, чтоб она проникала скорей,
чтобы я, словно снежное изваянье,
вдруг растаял под теплой слезою твоей.

А иначе? Что стоят иначе удачи?
Приходи и спасай. На земле — снегопад.
А иначе пойду я, как странник незрячий,
по январской земле за тобой наугад.
Новый год.
За окном белых хлопьев паренье.
Я опять, как всегда, тебе письма пишу...
О мои вдохновенье и благоговенье,
что бесшумно стекают по карандашу!

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Растаял снег.
Апрель горяч и светел.
Пишу письмо. В окно шмели летят.
Меж нами дым и ветер, дым и ветер,
как год назад, как двести лет назад.
Опять меж нами ветер. Дым и ветер
по улицам, и улицы гудят.
Пишу письмо. А там гремят трамваи,

смеются пешеходы как назло.
Пишу письмо... Куда послать?.. Не знаю.
Все временем и болью занесло.
Другой тебя своею называет...
Пишу письмо. Смешное ремесло.
Уж сколько лет нет без тебя спасенья.
Ну где ты там? Молчишь который год.
Быть может, дуновением весенним
к тебе письмо, как щепочку прибьет.
Плывет письмо, над городом кружится,
как птица, поднебесна и чиста,
и вдруг в Куру, как тот самоубийца,
кидается с Верийского моста.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Холодно, холодно. Небо свинцовое рушится.
Ночь тбилисская опадает шурша.
Все на свете в вечном поиске кружится:
сердце тянется к сердцу, к душе—душа.
В кровь мою проникает молчание,
чахнет вера моя, как в плену,
псом голодным горячо и отчаянно
одиночество молится на луну.
Я пишу тебе письма, тебе их пишу я
сквозь тбилисскую ночь, сквозь года, в никуда...
Я пишу тебе письма, и огня не гашу я...
И швыряю их в ящик стола навсегда.
Я пишу тебе письма. Холод. Ночь не развеивается —
снисхождения я у нее не прошу.
Я пишу тебе письма. Там кто-то посмеивается.
Ничего, пусть смеются, я письма пишу.
Ты живешь в моей памяти прежнею, прежнею,
Где-то вне унижения и обид.
Между нами — что-то вьюжное, снежное...
Время — лучший помощник — исцеленье сулит.
Я вручаю ему свои письма, на счастье,
и маячит оно на пороге твоём.
Ты дверь перед ним раскрываешь настезь...
...Почему ж мы надежды не бережем?

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Я не буду писать тебе писем, не стану
лгать себе самому, горевать невпопад.
Десять лет караваном прошли неустанным,
и десятый уже прошумел листопад.
Десять лет без тебя!
За минутой — минута,
час за часом, и день удивленный — за днем.
Словно ночь, я холодною тенью окутан,
но душа моя грезит грозой и огнем.
Моя комната — гулкая клетка загона,
зверь кидается к стенам, не удержишь его...
По каким-то, еще неизвестным законам
изменяется странно мое существо:
сердце тянется вверх и уже над плечами,
словно красное солнце, готово взойти.
Вместо глаз, удивленных моих и печальных,
два огня. И горячая рана в груди.
И уже не слова и не слабые жесты,
не молчанье, а эта разверстая плоть
пусть кричит обо мне.
Ты сумеешь по-женски
различить этот крик и себя побороть...
Ты придешь мне на помощь... Но если, но если

этот крик, мимо слуха пройдет твоего,
если смех твой, как ветра осеннего песня,
вдруг прольется... и больше уже ничего,
если нет и крупницы надежды на свете,
если только бессонница — ночью и днем,
я из памяти вырву тебя! Письма эти,
будь я проклят, гори они жарким огнем!
...Ты не верь мне, не слушай меня, ради бога,
десять лет лгу' себе самому невпопад,
десять лет без тебя! Это боль и тревога...
И десятый уже отшумел листопад.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Как странен март. Откуда что берется?
То грустные раздумья, то полет;
то в платье он, то в шубе; то крадется,
то вдруг бежит; то плачет, то поет.
Размахивает март мечом картонным,
то синева по небу, то свинец...
и ты сама, как сказка, у которой
уж не связать начало и конец.
Ты утро для меня, когда там полночь,
но — черная судьба, когда там свет...
Ты помнишь обо мне? Ты помнишь? Помнишь?
О письмах этих знаешь или нет?
Как я пишу их долгими ночами,
как комкаю в полночной тишине?..
Соперник мой поводит лишь плечами —
он ничего не знает обо мне.
Но! ты проходишь мимо окон этих,
от старых клятв своих — на волоске,
как будто бы меня и нет на свете:
спокойна жилка на твоём виске.
Другая ты. Как март. Совсем другая.
Что письма все в сравнении с судьбой!
Любовь свою по крохам сберегая,
поникнув, я стою перед тобой.
Я старые признанья повторяю,
надеждами какими-то живу,
и все тебя теряю, все теряю,
десятый год теряю и зову.
Наверно, врут, что эти вот страницы
когда-нибудь куда-нибудь придут.
За все, за все наказан я сторицей.
О том, что мне уже спокойно, — врут.
Нет, нет, мы рано боль свою хороним,
на откуп отдаем своим стихам.
Я сам тебя однажды проворонил
и раздарил тебя по пустякам.
Когда бы ты вошла хоть ненадолго,
ну хоть одной ногой в мое жилье!
Когда бы ты увидела, как колко
и грустно одиночество мое!..
Там март спешит за окнами, он бьется,
как будто рыба — головой об лед...
То в платье он, то в шубе; то смеется,
то хмурится, то долго слезы льет.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Осень, осень в груди.
Сентябрем, зная, лицо облицовано.
Ты глаза свои только на миг
подними на меня,
и тогда, как счастливый паяц,

я пойду, пританцовывая,
по ресничке твоей прямо в пламя пойду из огня.
Годы мимо проходят задумчиво, по-стариковски,
тает сердце мое понемногу, как будто свеча.
Мы с тобой еще встретимся
где-нибудь на перекрестке,
я еще прокричу тебе
горечь свою сгоряча.
Изменяется все: голоса, настроенья, одежда...
Только я, как и прежде,
пишу тебе письма... Люблю...
Я, как проданный раб, собираю минуты надежды,
под насмешки и ругань коплю свое время, коплю.
Даже малый осколочек времени мной не потерян,
Даже в снах никогда я беспечно и праздно не жил...
Мы когда-нибудь поровну это богатство поделим —
все, что мной без тебя передумано,
все, что скопил.
И когда пред тобою я душу свою раскрываю
и повязку срываю, прилегшую мне на глаза,
я тогда словно душу свою пред тобой разрываю:
двое суток проходят за двадцать четыре часа.
Каждый час равен двум, каждый день равен двум, каждый месяц...
Вдвое боли и горечи, вдвое суровой молва,
вдвое больше потеряно и пересчитано лестниц...
Мне не просто под сорок: умножено это на два.
Под рукой остается все меньше не звякнувших клавиш.
Где-то в разных концах под луной
на ветру мы стоим...
Что же ты все молчишь?
Отчего ж ты меня не поздравить
вот с таким юбилеем,
внезапным и горьким моим?

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Небеса надо мной нависают сурово.
Я не знаю, к каким берегам мне грести.
Только ты в состоянии, честное слово,
появиться хотя бы на миг и спасти.
Ну хотя б на мгновение, хоть вполвину,
чтобы кровь покатила по жилам, чтоб сок,
как весенний поток напоил сердцевину,
чтобы света — глазам, хоть единый глоток.
Я на многие годы уже не загадываю,
берегов я не вижу в тумане твоих.
Просто я в наше прошлое с грустью заглядываю:
почему не хватило его на двоих?
Перепутали строки слова и равенье
и дрожат, от бессилья устав моего,
и горят мои письма в огне, как поленья...
Что за черт! Или кроме тебя—никого?
Синий дым в дымоходе теряется где-то,
вновь связать нас пытается синяя мгла.
И огромная флейта
фальшивит фальцетом,
словно пес из какого-то стонет угла.
Наши головы, милая, стали седее.
Не отходит от окон осенняя ночь.
Что со мной происходит?
О чем это?.. Где я?..
Почему я не в силах себя превозмочь?!
То утра не дождусь, то всей ночи мне мало,
то смеюсь, то горюю, то словно горю,
то хочу, чтоб тебя то письмо не застало,
то на ветер швыряю, как будто дарю.

То в постель ледяную бросаюсь в отчаянье,
словно наглухо в шар зарываюсь земной,
и, как братья-разбойники, в полном молчанье,
все минувшие годы встают надо мной.
Не дают мне уснуть, стол ломают со скрипом,
как сокровище, письма берут из стола,
и нелепо толкуются, покуда не вскрикну...
Ночь пушинки густые роняет с крыла.
Письма в ящике стынют. Их целые горы.
Их история, словно ребенок, чиста...
Но прошедшие годы, они, словно воры,
мои тайные думы читали с листа!
Я не сплю, я слежу, чтоб она не прокралась,
эта свора, ночные виденья клубя.
Я хочу уберечь ну! хоть самую малость,
что осталась еще у меня от тебя.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Спят горы и доли, и ласточка спит, и пчела.
Не спим только я и мой чайник —
товарищ мой старый.
Таинственно тянется тонкая ниточка пара
куда-то туда, к потолку, к небесам от стола.
У чайника черное дно. Ночь, как чайник, черна,
Я слышу спокойное вечное пенне жести.
У чайника черное дно, безмятежные жесты.
И жар вдохновенный всплывает от самого дна.
В глухой тишине полуночной
бездушный предмет,
он вдруг обретает дыхание,
он, словно муза,
поет мне тихонько о жаре бывшего союза,
о ранних утратах, о грусти осенних примет.
Как будто бы Черное море вместилось в него.
И он, как бумажный кораблик, свой якорь забросил
в том доме, где я тебя жду уж десятую осень
и где без тебя для меня нет уже ничего.
Бормочет вода и бубнит, и бунтует вода.
Я слушаю эти признания пьяный от жажды.
Но каждое слово как будто я слышал однажды
в те давние-давние юности нашей года.
И солнечный свет наполняет внезапно мой дом,
и теплое-теплое что-то
струится сквозь крышу...
Как будто я снова рождаюсь...
Я вижу... Я слышу...
Как будто бы миро разлито на теле моем.
Когда бы вот так навсегда этот плеск и покой,
и чайник, кадящий в меня бормотанием сонным...
Но кто-то как будто по крышке ударил со звоном,
и черное облако вдруг потекло под рукой.
Как будто бы это злой дух пролетел по жилью:
кирпичные стены обмякли, и окна намокли,
и встала ты вновь предо мною... Будь трижды я проклят
за непоправимую злую ошибку свою.
Вина моя давняя полночи этой черней,
чернее, чем чайника черное дно и чернее,
чем все наговоры крикливые, и тем вернее
уже никогда, никогда не забыть мне о ней.
И снова привычно к перу припадает рука,
привычно перо припадает к бумаге,
и снова пишу тебе письма.
За словом торопится слово
и фраза — за фразою,
и за строкою — строка.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Ты мелькнула вчера у меня за окном
кипарисом прибрежным и птицей случайной.
Ты качнула вчера разноцветным крылом
у меня за окном и исчезла в молчанье.
Вдруг мне вспомнилось: часто стучат каблуки,
а по платью как будто рассыпаны листья.
Ты глядишь в мою сторону из-под руки...
и веселые сумерки катят в Тбилиси.
Это было. И это прошло, как «вчера».
Это было и жаром меня одарило,
и во мне бушевала весенняя сила...
И застыли чернила на клюве пера.
И когда я увидел тебя за окном,
исчезающей в той суматохе осенней,
я на улицу выбежал — не за спасеньем...
Просто вспомнил о том, о другом, о былом.
Десять лет сумасшествия замерли вдруг,
и в себя приходя на углу, и трезвея,
я увидел, как ветер твой образ развеял,
но швырнул мне былого спасательный круг:
мы с тобой где-то там, на пороге весны,
всходит солнце, и ветер старается ранний,
и глаза твои, влажные-влажные ланьи,
на меня с удивлением устремлены.
Ты совсем еще девочка, ты, как птенец,
на плечо мое голеву ты уронила...
...В пальцах бьется перо.
Остывают чернила.
Я пишу тебе.
Ночи приходит конец.

Перевод с грузинского Б. Окуджава

Реваз ДЖАПАРИДЗЕ

Марухские белые ночи

П О В Е С Т Ь

Авторизованный перевод с грузинского Э. Фейгина
и Б. Маринашвили

*Путник, передай спартанцам, что мы лежим здесь,
послушные их законам.*

Надпись на надгробном камне тремстам спар-
танским воинам.

*Славна участь погибших у Фермопил. Время, превращаю-
щее все в прах, не может покрыть тенью их могилы. Под
курганами, где лежат дружины смелых, живет имя Эллады.*

Симонид Кеосский.

1

Ранним августовским утром Нико Схиртладзе купался в море. Он заплыл далеко. Этот двадцатидвухлетний парень был крепок в плечах и коленях. Но и море не было слабым. Они схватились. То волна накрывала его, то он, как птица, взмывал на ее высокий гребень.

Пицундский мыс выступает в открытое море. Берега его круты, и до дна здесь нелегко достать. Некогда океанский корабль под британским флагом подошел к самому берегу и высадил полк морской пехоты. И сейчас места эти доступны для вражеских кораблей. Поэтому командующий 46-й армией генерал Леселидзе решил усилить оборону побережья от Пицундского мыса до Гудаута 808-м и 810-м стрелковыми полками 394-й дивизии, артиллерией и отдельными батальонами.

815-й полк, а также первый батальон 808-го полка заблаговременно были направлены на Клухорский и Санчарский перевалы, где после падения Ростова и Краснодара можно было со дня на день ожидать появления альпийских соединений немцев.

Вдоль моря на разном отдалении от берега были построены необходимые укрепления для долговременной обороны.

На позициях дежурили батальоны, и их наблюдатели день и ночь не спускали глаз с далекого изменчивого морского горизонта.

Нико знал, что со скалистого берега за ним дружески следят солдаты возраста его отца и что в душе они радуются и по-доброму завидуют молодости и силе своего командира. Парень легко подчинял себе тренированное тело. То он плыл на спине, одновременно загребая обеими руками, то на боку, то нырял и плыл под водой, все дальше и дальше уходя

от берега. Вода вдруг стала прохладной. «Откуда-то идет холодное течение», — подумал Нико. Он отфыркнулся и поплыл по течению, а оно увлекало пловца все дальше и дальше от берега. И хотя, оглядываясь, Нико еще хорошо видел береговые скалы и фигурки солдат на них, но лица он уже не различал.

Внезапно пришла тревожная мысль: «А вдруг, как вчера, появится «мессершмитт»? Нико резко повернулся на спину и увидел небо. Оно было высокое и синее, слепящая его синева роняла на море свое отражение, и оно великим множеством жемчужин рассыпалось по морской глади. Зачарованный причудливой игрой красок, Нико почувствовал необычную легкость. Но тут же упрекнул себя. «Я, конечно, поступил неправильно. Надо было сообщить домой свой новый адрес. Может, и сегодня еще не поздно. Самое большое за десять-двенадцать часов можно добраться сюда из Тбилиси. А Елена у меня бойкая. И ребенка привезет. Ведь к комбату Рухадзе приехала жена с детьми. Они и сейчас еще здесь».

Нико почувствовал усталость, но он знал — это не потому, что далеко заплыл. Он закрыл глаза и попытался представить себе Елену и маленькую Нелли. Но мысли, как назло, разбегались, и Нико, сколько ни силился, не мог вспомнить дорогие черты своей крохотной дочурки.

Схиртладзе торопливо поплыл к берегу.

«На почту самому сходить или послать кого?» И тут же недобрым словом помянул сшитые в Ленинакане хромовые щегольские сапоги. Сапожник перестарался, голенища сделал такие узкие, что натягивать их одно мучение. «Пока доплыву, пока оденусь и натяну эти проклятые сапоги, уже будет полдень. Хорошо, если Елена сегодня же получит телеграмму. Сейчас каждая минута дорога».

Нико нагнул голову и поплыл кролем.

— Товарищ лейтенант! — услышал он.

Удивленный, Нико быстро протер ладонью ослепленные волной глаза. Не верилось, что кто-то еще заплыл так далеко в море. И тем более удивился, когда рядом с собой увидел обожженное солнцем лицо Левана Мшвениерадзе, командира отделения первого взвода.

Нико хотел было пожуричь Левана за рискованный заплыв, но тот опередил его.

— Товарищ лейтенант! — громко закричал Леван. — Вас вызывает комбат.

— Мог с берега позвать. А где он сам?

— Вон сидит на камне.

— Что-нибудь случилось? — Схиртладзе, прищуриль глаза, посмотрел на пылающий под полуденным солнцем берег.

Солдат там уже не было. Синее море мирно покачивалось и лизало ленивыми волнами скалистые берега.

— Не знаю, — ответил Леван. — Мне начальство не докладывает. Они плыли плечом к плечу.

— Не думал, что ты так хорошо плаваешь, — сказал Нико.

Леван зажмурил глаза, защищая их от слепящего света, и на его мокрых щеках заиграли маленькие радуги.

— Молодец! Плаваешь как рыба!

Сухощавый, ростом с добрую сосну, Мшвениерадзе, или, как звали его однополчане, «полтора Левана», по-детски наивно улыбнулся. Он всегда был на виду у всех — и по службе его обычно ставили в пример, а уж в часы отдыха и веселья парень этот был, что называется, первым заводилой. И все же слова одобрения, сказанные Схиртладзе, были приятны Левану.

Плыть стало труднее. Вот уже два часа, как Нико в море.

Леван умышленно чуть-чуть поотстал — он не хотел обижать горячего, как скаковая лошадь, Схиртладзе.

Нико первым вышел на берег, и хотя от усталости у него слегка кружилась голова и рябило в глазах, он сразу же стал одеваться. И без того узкие сапоги и вовсе уже не лезли на мокрую ногу.

— Мшвениерадзе, ты где?

— Я здесь, товарищ лейтенант.

— Сбегай, доложи комбату, что я иду... Вот только влезу в эти черговы сапоги. С кем ты там разговариваешь?

— Это я, — отозвался вместо командира отделения коренастый офицер лет сорока с низко посаженной головой и покатым лбом, над которым торчал непокорный пилотке жесткий чуб. Комбат обошел со стороны моря обломки скалы и направился к Схиртладзе.

— Сиди, сиди, обувайся!

Нико обеими руками ухватился за голенище, потянул что было сил. Комбат с неодобрительной усмешкой следил за поединком Нико с сапогами. Затем он задумался на мгновение, нахмурил брови, и две, свидетельствующие об его упрямстве, вертикальные морщинки глубоко врезались в лоб.

Командиру третьего батальона 808-го стрелкового полка старшему лейтенанту Василию Рухадзе сейчас показались неуместными эти щегольские сапоги лейтенанта. Да и не только сапоги, а все, что было связано с довоенной мирной жизнью, казалось ему сейчас неуместным.

Комбат знал, что молодой лейтенант оставил дома жену и новорожденного ребенка. Рухадзе сам был отцом троих детей, и поэтому трудно было ему начать разговор, ради которого он и пришел в расположение восьмой роты.

— Ты что, в этих сапогах воевать собрался? — совсем по-домашнему спросил он. — Да ведь их надевать и снимать сущее самоубийство. Жмут, наверно, очень?

— Да нет... Я в них, как в шерстяных носках, — заступился Нико за свои любимые сапоги.

— Форсишь, лейтенант, — улыбнулся Рухадзе. Но глаза его оставались по-прежнему грустными.

— Поклясться? — обижаясь почему-то, задорно спросил Нико. Но когда увидел серьезные, подернутые грустью глаза комбата, на лицо его набежала тень. — Плохие новости?

— Сегодня засветло мы должны быть в Захаровке.

— Только мы?

— Пока наш батальон. Майор получил радиogramму из штаба корпуса.

Нико в сердцах плюнул на сапоги, надел гимнастерку, застегнул все пуговицы и подпоясался ремнем с медной пряжкой.

— В пятнадцать часов за нами придут машины, — сказал Рухадзе.

— И мы там останемся? — спросил Нико и тут же пожалел об этом: как бы Рухадзе не подумал, что он чего-то испугался.

— Кто знает! Боевую задачу нам поставят в Захаровке. Там нас встретит представитель штаба корпуса. Боеприпасы и провиант тоже забросят туда. Первым выступает наш батальон, а завтра или послезавтра весь полк двинется. — Рухадзе помолчал немного и, будто между прочим, добавил: — Вчера Сухуми бомбили.

— Кто вам сказал? — У Нико пересохло в горле. Он вдруг представил себе глаза Елены. Взмахом руки Нико отогнал это видение.

— Слышал в штабе полка. У тебя больные есть?

— Трое.

— Возьмешь с собой. Медсанбат стоит в Захаровке. Там и оставим больных. — Рухадзе отогнул рукав гимнастерки, посмотрел на часы. — Я буду у себя в землянке. Через час доложите о готовности.

— Марджанишвили предупрежден?

— Да, я только от него.

Они вместе пошли вдоль берега, обогнули скалу и направились в сторону укрытых в эвкалиптовой роще землянок. Там уже шли приготовления к предстоящему маршу.

2

Враг был еще далеко, но Сухуми уже походил на фронтовой город. Бомбежка не причинила ему большого ущерба. В порту загорелись две баржи, груженные оружием, и на Гудаутском подъеме было разрушено два дома. И все же ни в одном здании не осталось целых окон. Дома с выбитыми стеклами казались слепыми. Улицы были усеяны осколками стекла — в эти дни никто их не подметал.

Как раз за несколько дней до бомбежки была начата эвакуация из Сухуми детских садов и научных учреждений. Большая часть гражданского населения тоже покидала город. Длинные колонны грузовых машин и эшелоны железнодорожных поездов шли на Восток. Некоторые семьи, в которых были маленькие дети и глубокие старики, укрылись в окрестных селениях.

На пустынных улицах теперь лишь изредка появлялись прохожие или патрульные ополченцы с красными повязками на руках. Давно Сухуми не жил такой тревожной жизнью.

Когда в город вошла колонна грузовых машин, укрывающиеся в подвалах жители высыпали на улицы.

— Люди, это наши! — слышались радостные возгласы на каждом шагу. — Они идут закрывать перевалы!

Кто мог подумать, что после эвакуации в Сухуми осталось еще столько народу.

Тяжелые военные машины шли по улицам, усыпанным битым стеклом, и город наполнился непривычным сухим хрустом.

— Да сохранит вас бог, дети мои, — воскликнула какая-то древняя старуха, глядя незрячими глазами на солнце. — Да сохранит вас святой Георгий и не оставит сиротами ваших детей. Вы бы железные кольчуги надели, дети мои, чтобы вражеские пули от вас отскакивали.

Машины одна за другой шли по улице, колонна растянулась по всему городу.

— Да сохранит вас святой Георгий, — громче запричитала высохшая старуха, и слезы катились по ее впалым щекам. — Не давайте радоваться насильнику, не давайте этому супостату осквернить могилы ваших отцов и дедов!

— Теперь куда? — спросил шофер головной машины, когда остались позади усыпанные стеклом сухумские улицы.

— Езжай прямо, — ответил Рухадзе и, развернув планшет с картой, еще раз проверил маршрут. — Правильно едем. До Мажары дорога идет вдоль берега моря, а там сворачивает налево в ущелье. Перед поворотом надо будет остановить колонну, проверить, не отстал ли кто.

Шофер прибавил газу, и машина помчалась по разбитому асфальту. Мысли комбата перенеслись на сухумский вокзал, где он оставил свою семью. Смогут ли они сегодня уехать? Вокзал и прилегающие к нему улицы полны беженцев. С севера идут эшелон за эшелон. Много раненых. Кому сейчас дело до населения. Может, было бы лучше довести семью до

Мажары на машине. От Мажары, конечно, легче добраться до Тбилиси и опасности меньше.

Эта мысль пришла Рухадзе еще в Сухуми, но тогда ему показалось неудобным посадить жену и детей в одну машину с истосковавшимися по своим семьям бойцами. Вдруг кто-нибудь подумает, что комбат пользуется своим положением.

Машина остановилась. Шофер приоткрыл дверцу, высунулся и посмотрел назад. Колонна несколько поотстала, но ветер донес отрывочные звуки барабана и гармони. Музыка и веселые голоса, приближаясь, нарастают. Вскоре послышался скрежет тормозов. Это остановилась машина взвода ПТР. За ней пристроились и другие взводы. А барабан и гармонь по-прежнему наявлялись. В их песню вплетались голоса развеселившихся бойцов, и все это сливалось с рокотом безбрежного моря, раскинувшегося под их ногами.

— Что там за свадьба? — спросил Рухадзе, выйдя из машины.

— Это ребята лейтенанта Свинтрадзе, из восьмой роты, товарищ командир, — ответил низкорослый юноша с нежным пушком на верхней губе. Он стоял в кузове машины, набитой солдатами. — Леван Мшвениерадзе прихватил гармонь, а Гоги Чавчавадзе где-то раздобыл барабан. Для свадьбы, товарищ комбат, только невесты не хватает.

В кузове дружно захохотали. Шофер, высунув голову в окно, весело подмигнул товарищам. Рухадзе вдруг полегчало на душе и он тоже улыбнулся.

Пожилой, лет пятидесяти, солдат с пышными усами накрыл плоской, как лопата, рукой голову юного шутника. Хохот перекинулся на вторую машину, потом захлестнул все остальные. Вспыхнув в головной машине, он обежал всю колонну, словно пламя, бегущее от цистерны к цистерне с бензином, и зажег батальон весельем.

Рухадзе сел в машину. Колонна снова тронулась. Дорога шла в гору. Внизу, у подножья отвесной скалы, бурлила сумасшедшая горная речка. Зеленоватая вода, которая видна была с дороги, временами терялась в лесных зарослях, и тогда слышалось только ее глухое недовольное урчание. Горные склоны по обеим сторонам реки были покрыты густым лесом, а у самого берега деревья были вырублены. Местами у дороги валялись стволы бука. Бог знает, кто и когда приволок их сюда. Виноградари Колхидской долины, которые молча стояли в машинах и с трудом удерживались на ногах из-за ухабистой дороги, не могли оторвать глаз от этого беспризорно валяющегося добра. Ведь распили такое бревно — и на две арбы не уместишь дров. А как горит здешний бук! Он вспыхивает словно лучинка — даже керосина не надо.

Головная машина остановилась у родника. Шофер торопливо выпрыгнул из кабины. Наполнив помятое ведро, он наспех утолил жажду и побежал к машине. Вода звонкими струйками лилась из худого ведра на землю. Открывая пробку, шофер чуть не обжег себе руку — вода в радиаторе кипела.

На дороге толпились красноармейцы, каждый спешил смочить горло родниковой водой. Водители бранились, расталкивая собравшихся у родника бойцов.

Несмотря на то, что море осталось далеко внизу и из лесу веяло горной прохладой, солнце здесь, как и на берегу моря, изрядно припекало.

Дорогу пересек, устремившись к речке, небольшой мутный ручей. Бойцы неторопливо собирались у машин. Командиры еще раз пересчитали своих солдат и прикрикнули на опоздавших.

У Мерхеули дорога немного выпрямилась, но вскоре, когда баталь-

он миновал выстроенные в ряд мегрельские домики, вода в радиаторах вновь закипела.

Босоногие сельские мальчишки, сроду не выдавшие столько машин и солдат, проводили колонну за околицу села. Они что-то кричали солдатам не то на мегрельском, не то на абхазском языке, но из-за гула машин ничего нельзя было разобрать.

Лохматые собаки, непрерывно лая, бежали за рокошущими машинами до самого края деревни и, довольные тем, что добросовестно выполнили свой долг дворовых сторожей, задрав хвост трубой, возвратились в село.

Шум реки постепенно стихал и наконец исчез — река ушла куда-то в сторону.

Машины то поднимались вверх, и казалось, что вот-вот упрушься головой в небо, то спускались вниз, на самое дно глубокого ущелья. Следы автопокрышек на дороге свидетельствовали о том, что кто-то еще раньше батальона проехал к перевалу. «Может, это след 815-го полка», — подумал Рухадзе.

По диспозиции, утвержденной командиром корпуса, первый батальон 808-го полка, высланный на Санчарский перевал раньше, должен был держать оборону за весь полк, а в случае наступления немцев оборонять перевал до подхода остальных подразделений.

Командирам батальонов было сказано, что боеприпасы и продовольствие будут поджидать их у подножия горы Санчаро. Рано или поздно полк двинется с места и укрепитя на позициях, занимаемых сейчас первым батальоном. Рухадзе не сомневался, что так оно и будет. Но когда новый командир полка, майор Шалва Телия, вызвал его в штаб и приказал немедленно отправиться с батальоном в Захаровку, комбат этому не очень удивился. Видно, еще не было нужды посылать сразу весь полк. Второй батальон капитана Лало Татарашвили, рота автоматчиков, минометный батальон и полковая школа стоят еще на Пицундском мысе. Если сегодня же наши машины успеют благополучно вернуться на мыс, то завтра к полудню они смогут перебросить эти подразделения в Захаровку.

— Вижу Кодори, — вслух сказал Рухадзе и посмотрел на шофера. Парень так был изнурен тяжелой дорогой и находился в таком напряжении, что не услышал слов командира. А Кодори действительно был виден. Машина осторожно спускалась вниз.

— Здесь дождь прошел, — сказал Рухадзе. Ему очень хотелось с кем-нибудь поговорить.

Шофер протер рукой ветровое стекло и сбросил газ.

— Какой-то болван провел через дорогу воду на свой участок.

— Осторожно, — сказал комбат. — Здесь скользко. Может, бойцам пешком пройти?

— Как-нибудь просдем, — ответил шофер.

— Смотри внимательнее! Правое колесо у тебя чуть не в воздухе повисло.

Потное, измазанное лицо шофера побледнело. Он зло переключил скорость, машина дрогнула, и кабина наполнилась едким, спирающим дыханием отработанным газом.

— Останови! — крикнул Рухадзе и машинально ухватился за руль. Но шофер притворился глухим, еще раз переключил скорость, и машина проскочила опасное место.

— Упрямый ты, — сказал Рухадзе, переводя дыхание. Однако в голосе его не было упрека.

— Знакомое местечко, — сказал шофер. — На днях я чуть не

сковырнулся. Послушайся я вас, товарищ командир, остановил бы машину, так бы и застряли.

— Почему? — удивился Рухадзе, и вертикальные морщины вновь прорезали его лоб.

— В таких случаях самое главное решительность. Если не рискнешь на горячее сердце, то все пропало, останешься посреди дороги. Наверное, и в бою так же. Вы воевали, товарищ комбат?

— А ты как думаешь?

— И были ранены?

— Я еще не был на фронте.

— О-о! — почему-то удивился шофер. — А разве так можно?

— Что?

— Чтоб не фронтовик и...

Рухадзе улыбнулся. Он только сейчас обратил внимание, что шофер, от которого зависела судьба стольких людей в кузове, ровесник его старшего сына. Еще молоко у мальчишки на губах не обсохло, а вот, гляди, уже собственные принципы имеет. А ведь прав оказался. Затормози он там машину, не вылезли бы, пожалуй. И верно: в таких случаях самое главное — решительность. Если не рискнешь на горячее сердце — ничего не сделаешь.

Уже темнело, когда они увидели на склоне горы маленькие хатки. Рухадзе узнал Захаровку. Он больше не боялся дороги. Самая трудная и опасная ее часть осталась позади.

3

Захаровка — село разноязычное. Здесь издавна живут мегрелы, абхазцы, спустившиеся с гор сваны. Из пришлых здесь обосновались греки и русские. Между собой жители Захаровки говорят на каком-то странном, только им понятном наречии, в котором уживаются грузинские, абхазские, греческие и русские слова.

Услышав далекий гул моторов, жители Захаровки вышли встречать машины. Снизу люди были отчетливо видны на сером полотне неба.

Старики и дети с молчаливым, несколько настороженным любопытством разглядывали спустившихся с машин воинов. Утомленные трудной и долгой дорогой, красноармейцы устало шли в строю, даже не проявляя обычного интереса к новому месту и к новым людям. В большинстве своем это были бойцы, призванные из запаса, люди в возрасте, оторванные войной от повседневных забот крестьянского труда. И в те месяцы, когда их обучали солдатскому делу, они без особой охоты усваивали все его премудрости, убежденные, что, кроме меткого выстрела, из всей этой науки им вряд ли что-нибудь пригодится на войне.

Среди этих пожилых крестьян, одетых непривычно, в словно с чужого плеча гимнастерки, немало было и совсем не оперившихся юнцов — вчерашних старшеклассников. Они тоже, подобно своим пожилым товарищам, еще не нюхали пороха. И кто знает, что им было страшнее: принять смерть или оказаться перед необходимостью убивать...

Голова колонны достигла школьного двора. Ворота были сняты и прислонены к перекосившемуся забору. Двор уже и до этого был обжит солдатами — повсюду виднелись остатки костров.

На каменном крыльце, прилегающем с правой стороны к длинному, когда-то выкрашенному в зеленый цвет двухэтажному зданию, стоял щеголевато одетый молодой лейтенант и, не скрывая удивления, смотрел на валившихся с ног бойцов.

Василий Рухадзе быстро взбежал по каменной лестнице. Лейтенант,

увидев старшего по званию, лихо пристукнул каблуками, вытянулся четко, по-уставному приветствовал Рухадзе.

— Я ищу штаб корпуса, — сказал Рухадзе, задерживаясь на крыльце.

— Вы командир батальона? — спросил его лейтенант.

Рухадзе показалось, что этот вопрос вызван праздным любопытством, и он сердито ответил лейтенанту:

— Извольте показать мне, где штаб корпуса.

— Штаб здесь, в учительской. — Молодой офицер мгновенно вытянулся в струнку. — Полковник Абрамов вас ждет.

— Кто?

— Полковник Абрамов — заместитель командира корпуса, товарищ старший лейтенант.

— Заместителем был другой.

— Полковник Абрамов только три дня как назначен, и мы сразу поднялись сюда.

— А где сейчас штаб дивизии?

— Мы их опередили. А сам командир дивизии на Клухорском перевале вместе с командующим армией.

— Абрамов один?

— С ним комиссар корпуса Буинцев и штабные. Проходите, проходите, вас ждут. А батальон пока пусть во дворе расположится. Вам придется здесь переночевать.

— Я уже распорядился.

— Прошу вас.

Полковник Абрамов, полный, с поредевшими волосами, человек лет под шестьдесят, выглядел крепким и моложавым, и усы его, покрывавшие всю верхнюю губу, были аккуратно подправлены ножницами. Разговаривая, он щурил узкие, прикрытые стеклами пенсне, монгольские глаза, и тонкие морщинки разбежались к вискам. Комиссар Буинцев казался намного моложе Абрамова. Его белое лицо было чисто выбрито, и над высоким лбом торчал черный густой вихор. Он часто улыбался, и тогда казалось, что комнату освещают не керосиновые лампы, а его белые зубы.

Комиссар встретил Рухадзе у дверей, поздоровался с ним по-грузински, и хотя сам видел комбата впервые, представил его склонившимся над картой штабным командирам.

— Будьте знакомы, товарищи, старший лейтенант Василий Раженкович Рухадзе, командир третьего батальона 808-го полка.

Склонившийся над картой Абрамов выпрямился и снял пенсне.

— Здравствуйте, товарищ Рухадзе.

Невольно смутившись, Василий поздоровался со всеми и стал неподалеку от стола, на котором была разостлана освещенная лампами большая карта. В комнате стоял запах нагретого керосина. На потолке и стенах колебались удлинённые тени склонившихся над столом людей.

— Батальон полностью здесь? — вновь нарушил минутную тишину Буинцев.

— Так точно, товарищ комиссар, полностью, — ответил Рухадзе и смутился оттого, что для большей убедительности чуть было не пристукнул каблуками, точно так же, как встретивший его на крыльце щеголеватый лейтенант.

— Никого не оставили?

— Никак нет, товарищ комиссар, всех привели, даже больных.

— Много их?

— Человек десять.

— Ну десять — это не страшно. Уложим их в санбат, потом догонят вас в дороге. А что с ними?

— Малярия, товарищ комиссар. Пицундский мыс кишит комарами. Мы все опухли от их укусов. Ну, здесь, в горах, это, наверно, пройдет.

— Как вас по отчеству, извините, я не расслышал? — неожиданно прозвучал чуть приглушенный голос Абрамова.

— Ражден... Василий Ражденович, товарищ полковник.

— Так вот что, Василий Ражденович, — продолжал Абрамов, оглядев улыбающихся товарищей, — вы, наверно, устали с дороги, вы и ваши люди, не правда ли?

— Не без этого, товарищ полковник.

— Ну что ж, пока что идите. Расквартируйте батальон. Люди голодные?

— Завтракали. Мне сказали, что обед и ужин нам дадут здесь.

— Вот что, с вами сейчас пойдет лейтенант. На складе получите сухой паек на двое суток. Предупредите людей, что с продовольствием туго. Если сегодня ночью нам ничего не подкинут из Сухуми, придется вам довольствоваться всю неделю тем, что есть. Нам точно известно, что ваш провиант послан в Санчаро. А это мы выдаем вам из неприкосновенного запаса.

— Слушаюсь, товарищ полковник.

— Что еще... Назначьте полевой караул, и на северных окраинах деревни выставьте посты. Людей много не надо: два-три отделения. Будут сменять друг друга. Батальон заночует здесь, в школе. Штабу хватит и этой одной комнаты. Минометы взяли с собой?

— Все взяли, что имели в батальоне, товарищ полковник.

— А станковые пулеметы?

— И пулеметы. Был приказ...

— Отлично! Молодец. Ну, выполняйте. Боевой приказ получите на рассвете. Завтра в это время вы уже должны быть в селении Лата.

«В селении Лата, — думал Рухадзе, следуя за щеголеватым лейтенантом, — что это может значить? Так и уйдем отсюда, не дождавшись остальных подразделений полка?»

Бойцы батальона повзводно расположились у забора на школьном дворе. Слышался громкий разговор, шутки, смех. Кое-где уже горели костры. Было приятно посидеть у огня в такой обычный для гор прохладный вечер. Костры, весело потрескивая, бросали дрожащие отблески на двор и разбросанные по двору строения.

Рухадзе подошел к костру бойцов лейтенанта Свинтрадзе, присел на камень и раскрыл планшет с картой. «Вот Лата. Она на правом берегу реки Кодори. Туда ведет тропа. Она тянется по Кодорскому ущелью. Вот и Чхалта». Рухадзе бывал в этом селении. Там и знакомые у него есть — доводилось гостить у них. За Чхалта тропа разветвляется — одна извивается в сторону Клухори, другая через Марухский перевал и Аксатское ущелье сбегает на кубанские просторы.

«Если батальон и в Чхалта не дождется главных сил полка, то без сомнения нам придется двинуться в сторону Клухори. С кубанской стороны немцы к Маруху на колесном транспорте никак не доберутся, там дорога для них и вовсе непроходима. Вероятнее всего, они полезут на Клухори. Что же это выходит? Утвержденный командиром корпуса план нарушен, а оборона Санчарского и Клухорского перевалов поручается другим полкам...»

Василий Рухадзе умел заглядывать вперед. И сейчас он безошибочным чутьем угадывал, что такое поспешное изменение плана не сулит ничего хорошего всему полку, а особенно его батальону. «Видимо, с продо-

вольствием и боеприпасами нам придется туго. Перевал далеко, а грузовые машины и до Захаровки с трудом доходят. Так на чем же думают доставлять грузы на верхотуру, если горные тропы так узки, что два человека с трудом на них расходятся? Кроме того, бойцы и командиры одеты по-летнему, а на перевалах всегда холодно. У бойцов вместо теплых ушанок летние пилетки, да и обуты они неподходяще для гор. На весь батальон и пятнадцати шинелей не считаешь. А есть ли в корпусе зимнее обмундирование на всех нас?»

От этих тяжелых и тревожных дум комбата отвлек лейтенант Котэ Свинтрадзе, который пригласил его поужинать вместе с другими командирами.

Котэ Свинтрадзе, двадцатипятилетний, рано начавший полнеть, широкоплечий и рослый человек, был любимцем командира батальона. До войны Свинтрадзе работал заместителем районного военного комиссара во Мцхета и вместе со своим комиссаром добровольно пошел в действующую армию. Свинтрадзе все время рвался в бой, а командование Закавказского фронта послало его в Краснодар с заданием перевести через горный хребет многотысячные гурты скота, пригнанные из южных районов российских степей. В течение трех месяцев Свинтрадзе был прикован к горным тропам и пастбищам, и только после выполнения этого задания был назначен командиром взвода в батальон Рухадзе.

Бойцы во взводе подобрались подстать своему командиру. Тут собралась одна молодежь, готовая пойти за своим бесстрашным лейтенантом в огонь и воду.

Свинтрадзе привел комбата в один из школьных классов. Учительская кафедра была отодвинута к стене, поверх парт положили испачканную мелом классную доску. Ужин был собран на скорую руку.

Командиры встретили появление Рухадзе веселым гомоном. Здесь был командир седьмой роты Шалва Марджанишвили и политрук Тариэл Мачавариани, начальник штаба батальона Андрей Басиули и комиссар Серго Киладзе, рядом у классной доски сидели лейтенанты Нико Схиртладзе, Сабир Юсубов и Мамия Маглакелидзе.

Командир противотанкового взвода Сабир Юсубов до войны был студентом последнего курса Ташкентского университета. Он вместе с Нико Схиртладзе окончил Бакинское пехотное училище и считал себя счастливым, что приходится выполнять долг солдата на земле своего друга и однокашника. Этот стеснительный, чернявый парень покорял всех серьезным знанием дела, трезвым умом и разумностью суждений. Сабир увлекался фольклором, мечтал о научной деятельности и, собирая народные пословицы, поговорки, прибаутки, обошел множество кишлаков. Он был привычен к ходьбе настолько, что если бы пришлось ему идти без остановки три дня и три ночи, то и тогда не подогнулись бы у него колени и не померкла радость жизни.

Тут же за этим импровизированным столом сидели взводные командиры Чимакадзе и Чхатарашвили. А между Рухадзе и Чхатарашвили сели к столу командир девятой роты Арташес Вартамян и батальонный врач Иванэ Швангирадзе.

— Не вижу Барамидзе, — сказал комбат, оглядев товарищей.

— Он назначен начальником полевого караула, товарищ старший лейтенант, — доложил Шалва Марджанишвили и улыбнулся.

— Что же тут смешного? — удивился комбат, но когда увидел расплывшееся в улыбке лицо ротного, у него тоже дрогнули уголки губ.

— Командиры взводов бросили жребий, и Барамидзе выпало идти в караул.

— Ну, а если и завтра ему выпадет?

— И завтра пойдет. Что ему остается делать.

— И ты согласишься?

— А как же, товарищ комбат. — Марджанишвили улыбнулся еще шире и посмотрел на остальных. Они тоже расплылись в улыбке. Когда посылаешь сам, — шутя продолжал ротный, — вслух никто не возразит, а в душе ругает тебя — другого, мол, не мог найти?! А вот жребий — самое справедливое, никто даже про себя не возразит. Правильно, комиссар?

— Смотрите, у них целая теория на этот счет. — Рухадзе засмеялся и, словно ища поддержки, тоже посмотрел на Киладзе. — А поужинать они успели?

— Сухой паек захватили, — сказал Марджанишвили.

— Барамидзе знает, когда надо снимать посты?

— На рассвете сам догадается...

Раздался взрыв смеха. Рухадзе невольно заразился весельем товарищей. Он даже подумал, что мрачное настроение, которое весь вечер преследовало его, вызвано надвинувшимися сумерками и усталостью. Ночью человек становится болезненно мнительным и чувствительным.

— Угощайтесь, — сказал Свинтрадзе и приподнял развернутую газету, под которой лежала прямо на классной доске еще дыщащая паром, отваренная в соленой воде рыба.

— Это солдаты взвода ПТР наловили для своего командира Юсубова. А он поделился с нами.

— Ух ты! Молодец Юсубов, — слышались возгласы одобрения. Гора рыбы таяла на глазах.

Юсубов смущенно улыбнулся:

— Не слушайте их, товарищ комбат, это они шутят. Я рыбы не ем, и... мои бойцы это знают. — Но его слова утонули в новом взрыве хохота.

— Тише, Абрамов нас примет за сумасшедших, — первым опомнился Рухадзе и с волчьим аппетитом набросился на рыбу.

Во дворе сначала робко, а затем все смелее и смелее заиграла гармонь. И тогда бок о бок с нею вступил в песню барабан — он нагрелся у солдатского костра, и от этого голос его стал еще звонче. Вскоре захлопали в ладоши, и на освещенном кострами дворе кто-то удачно крикнул:

— Шире круг!

Командиры вышли во двор. Вокруг Левана Мшвениерадзе, как всегда, толпились бойцы, а он, растянув гармонь, тонкими длинными пальцами перебирал клавиши, то и дело подмигивая сидящему на корточках Гоги Чавчавадзе, который бил в барабан, подзадоривая его, хотя Гоги не очень в этом нуждался. Перетянутый бечевкой барабан бился в его руках, словно живой, он трепетал и извивался в неистовой жажде танца.

4

Тревога Рухадзе оказалась не напрасной. Согласно приказу, его батальон должен был провести ночь на двадцать первое августа в Чхалта, с рассветом выйти на клухорскую дорогу и не позже 18 часов двадцать третьего августа занять оборону на перевале.

Полковник Абрамов кончиком карандаша пометил на карте Рухадзе место, где его батальон должен был встретить офицер штаба 394-й дивизии и от имени командования поставить дальнейшую боевую задачу.

Ночью в Чхалта машины из Сухуми не поднялись. И хотя Рухадзе заранее знал, что это так и будет — ведь по таким дорогам и в ясный день с трудом пробираешься, а в темноте и вовсе не проедешь, — но в глубине души он все же еще надеялся: может, все-таки доберутся.

На рассвете в Захаровку пришли крестьяне из Мерхеули. Они привели с собой двадцать четыре ишака и семь лошадей. Рухадзе тут же пошел к Абрамову и попросил для своего батальона пять лошадей и пятнадцать ишаков. Полковник поспешил: выделил всего три лошади... Ишаки же... Пришедшие из долины крестьяне не прихватили ни одного седла. А на что годится ишак без седла? На лошадей навьючили станковые пулеметы, остальное тяжелое оружие и боеприпасы бойцы должны были нести на своих плечах.

— А как будет с продовольствием и с теплой одеждой? — настойчиво спросил Рухадзе у полковника.

— Вот только придут машины, перегрузим на лошадей, и они догонят вас в Чхалта.

В шесть часов утра батальон построился повзводно и двинулся вверх по Кодорскому ущелью. Солнце не торопилось взойти. В ущелье все еще стоял предрассветный сумрак. От сырой земли поднимался туман и сливался с серым небом, которое, казалось, лежало на кронах столетних буков.

— Будет дождь, — заметил пожилой, седоусый боец и, будто в подтверждение его слов, вскоре посыпал мелкий, нудный дождик.

Снизу подул свежий ветерок и сорвал повисшие на листьях дождевые капли.

С тропы не видно было реки, но все время слышался ее голос, вначале глухой, протяжный, а затем громкий, рокочущий, и нельзя было понять — то ли прибавилось в Кодори воды, то ли она вошла в тесные крутые берега. Но вот за поворотом тропы перед батальоном вдруг открылась неожиданная картина: набухшая полноводная река легко, словно перышко, ворочала огромные камни и с грохотом свирепо набрасывалась на скалистые берега.

Комбат шел с бойцами седьмой роты. Тут же находились комиссар Серго Киладзе, начальник штаба Басиули, командир роты Шалва Марджанишвили и врач Иванэ Швангирадзе.

Батальонную колонну возглавлял первый взвод восьмой роты. Котэ Свинтрадзе много ходил в свое время в горах Абхазии и Сванетии, и поэтому его поставили в голове колонны.

Листва уже не могла укрыть бойцов от становившихся все крупнее и крупнее капель дождя.

Ущелье теперь было плотно набито густым, молочного цвета туманом. Неожиданно потемнело, невдалеке ослепительно сверкнула молния. Где-то совсем рядом ударил гром. Казалось, что над вершиной дремучего леса раскололся гигантский кувшин с водой, и на людей тяжело обрушился ливень. Идущие в гору спокойным шагом солдаты смешались. Из леса под ноги бойцов низринулся поток мутной воды и перебежал тропинку. Тяжелые капли дождя беспощадно хлестали по листьям, деревьям, земле. Лес и ущелье наполнились оглушительным шумом.

Рухадзе надеялся на то, что проливной дождь не может долго продолжаться, еще минут десять-пятнадцать, и он отшумит. Но вопреки ожиданиям, ливень все усиливался, все больше сгущалась темень. «Надо укрыться в лесу. Идти сейчас по тропе небезопасно», — подумал Рухадзе. Он хотел было позвать связных, чтобы отдать этот приказ, но тут же передумал: свернуть с тропы хотя бы на полчаса, значит, потерять время, а у батальона не то что часы — каждая минута на счету.

— Не робейте, ребята, шагайте смелее! Еще немного — и передохнем у скалы! — крикнул Рухадзе и, обогнав седьмую роту, пошел в голову колонны. Бойцы молча, нахохлившись, шагали под ливнем. Кто цеплялся за торчащие из скал корни деревьев, кто хватался за ветки дубняка, но

дождь безжалостно хлестал людей по лицам, плечам, спинам. Рухадзе догнал пулеметную роту. У пулеметчиков случилась беда — одна лошадь оступилась и, падая, ударилась о ствол дерева. Бойцы сняли с нее вьюк с пулеметом, но лошадь подняться не сумела. Рухадзе спустился к пулеметчикам, позвал еще бойцов, и коня в конце концов удалось поднять на ноги.

— Не нагружайте его, пусть немного отдохнет, — велел комбат. Он поднялся на тропу и поставил измазанные руки под струи дождя. — Ничего не потеряли?

— Ствол соскользнул, но мы вовремя подхватили.

— Не ходите за конем со стороны обрыва.

— Товарищ комбат!

— Да. — Василий Рухадзе замедлил шаг.

— Враг далеко?

— А вам разве командир взвода не говорил?

— Сказал, но...

— В Чхалта все узнаем, — уклончиво ответил Рухадзе. — А вы что, уже устали?

— От ходьбы не устаем, к этому мы привычные. Вот только дождь выматывает душу.

— Неужели дождя испугался? — вступил в разговор другой пулеметчик. — Эка невидаль — дождь. Дождь как дождь, а ты не конфетка, не растаешь.

— Беда будет, если горючее кончится.

— Какое еще горючее?

— Известно какое у солдат горючее — харчи.

— Да, харч на исходе. У меня в мешке кусочек хлеба завалялся, да и тот промок так, что хоть выжимай. Съем я его лучше сейчас, а то пропадет зазря.

— Ну, о еде не беспокойтесь, ребята, — вмешался в разговор комбат. — В Чхалта получим все, что положено. Вот увидите, — громче обычного сказал он, так как вдруг показалось, что сказал он это не так убедительно, как сейчас было нужно. — Продовольствие и боеприпасы нам послали на конях. Они нас нагонят, мы ведь пешком идем.

— Чудаки! Лучше бы все это нам дали с собой. Мое добро — хочу на коне везу, хочу на себе тащу, это уж дело хозяйское.

— Пожалели тебя, — посмеиваясь сказал согнутый под тяжестью пулеметной станины молодой, с легким пушком на верхней губе боец. И увидев, что все улыбаются, добавил уже более решительно: — Да, да, сам полковник говорил — как же можно Викентия Цуцкеридзе так нагружать. Еще надорвется с непривычки, бедняга.

— А тебе бы все паясничать, — огрызнулся Викентий, пожевываясь в своей промокшей насквозь гимнастерке. К удивлению товарищей, его вдруг задела эта безобидная шутка в присутствии комбата. Но тем не менее бойцы продолжали подшучивать над Викентием, играя на этой его слабости. И даже Рухадзе не удержался от смеха.

Но смех смехом. Комбат понимал, что шутки этих промокших до ниточки людей имеют дальний прицел. Они ведь не дети и, конечно, чувствуют, как где-то кто-то напутал, допустил ошибку и что теперь именно им, а не кому-либо другому придется за эту ошибку расплачиваться.

Впереди слышались какие-то возгласы, но сквозь шум дождя Рухадзе не сразу разобрал, о чем кричат, тем более, что голоса раздавались то спереди, то с боков, то опять спереди. Эта перекличка голосов суматошно вертелась по лесу. Но когда наконец она вырвалась из заколдованного круга, то радостная весть будто с неба упала перед пулеметчика-

ми: взвод Свинтрадзе, оказывается, уже подошел к долгожданной скале. Бойцы его уже разожгли костер и сушили у огня одежду.

«Слава богу, — подумал Рухадзе, — отдохнут ребята, обогреются».

5

В полдень батальон прошел Квемо Лата. Жители этой деревни даже испугались, когда увидели столько промокших до ниточки, с головы до ног заляпанных грязью солдат. «Неужели враг перешел перевал? Иначе куда им так торопиться?». Крестьяне еще больше уверились в этой мысли, когда продрогшие, изнуренные люди отказались хоть немного отдохнуть у их гостеприимных очагов. Посиневшие от стужи командиры торопили своих бойцов и даже не смотрели на стоявших у каждой калитки сельчан. А те удивленно пожимали плечами. Видно, приказ какого-то большого начальника запрещает войску остановиться в их селе.

С самого утра дождь еще ни на минуту не прекращался. Ноги вязли в нанесенной с гор грязи. Крохотные наделы, огороды, укутанные в кукурузу горные склоны были изрезаны мутными ручьями. Такие ручьи встречались на каждом шагу. Петляющие тропы были занесены топкой грязью, принесенной с гор. Маленькие ручьи так набухли, что вода лизала животы лошадей. Бойцы по пояс погружались в бурлящие водовороты и, взявшись за руки, с трудом перебирались на противоположный берег.

Земо Лата, где, согласно приказу, батальон должен был остановиться на ночевку, была уже совсем близко — рукой подать, но эти несколько километров до нее оказались самыми тяжелыми, безбожно длинными. Наконец показались первые строения.

Батальон разместился в школе и колхозной конторе. Был сразу разведен огонь в железных печах, и всю ночь бойцы сушили свою одежду. А дождь лил не переставая. Холодный горный ветер доносил глухой рокот дальних рек.

Только у немногих, самых запасливых бойцов нашлись в вещмешках остатки хлеба и селедки из последней выдачи. Они расположились у печки и, нанизывая нарезанную селедку на оструганные палочки, стали поджаривать ее на огне. Аппетитный запах жареной селедки наполнил комнату.

Те, кто съел свой двухдневный паек еще в Захаровке, не смог выдержать этот берущий за душу запах и, приткнувшись в уголке, пытался вздремнуть. Их место у огня сразу заняли другие. Рыбий жир с шипением капал на головешки, возбуждал у изголодавшихся за целый день людей волчий аппетит.

Утром батальон продолжил путь. Дождь барабанил по листве. Неподвижный туман лежал в ущелье, в трех шагах ничего не было видно. Идущий впереди колонны лейтенант Свинтрадзе вдруг замедлил шаг и прислушался. Кто-то спускался по тропе. Вскоре и другие бойцы ясно слышали шаги. Затем из-за деревьев показался ходивший в дозор Леван Мшвениерадзе. Увидя лейтенанта, он побежал к нему.

— Почему ты вернулся? — крикнул обеспокоенный Свинтрадзе, не дожидаясь, пока тот подойдет к нему.

— Мы встретили людей, товарищ лейтенант.

— Что за люди? — Несмотря на то, что холод пронизывал его до самых костей, Свинтрадзе мгновенно покрылся потом. — Военные?

— Женщины и дети. Они плохо одеты, и некоторые даже босые, — с дрожью в голосе доложил Леван и, словно устыдившись, отвел глаза. По его бороде, колечкам каштановых усов скатывались на шею капли дождя и исчезали за воротником гимнастерки.

Новость, принесенная Леваном, встревожила всех. Откуда могли взяться здесь, в горах, женщины, дети, да еще неодетые, необутые? Если бы эту весть принес кто-нибудь другой, а не Леван Мшвениерадзе, можно было бы усомниться и послать еще кого-то для проверки.

Беженцы? Не толкни людей большое горе, разве пошли бы они в такую стужу через перевал. А единственным и самым большим горем могло быть приближение вражеских орд.

Неужели после взятия Краснодара немцы продвинулись еще дальше? А вдруг уже поздно подниматься на перевал...

Свинтрадзе послал связного в штаб батальона, а сам пошел с Леваном.

Он хотел до подхода всех рот лично увидеть и расспросить обо всем неожиданно появившихся в горах женщин и детей.

Свинтрадзе и Леван поднялись на лысую высотку и с нее сбежали в ложбину. Лейтенант внезапно остановился у разбухшего ручья и, пораженный увиденным, отступил на несколько шагов.

В темной глубине букового леса чуть не под каждым деревом стояли изорванные и наспех залатанные носилки. На них лежали укутанные в какое-то рваное тряпье дети лет десяти-двенадцати и смотрели на приближавшихся военных давно отвыкшими от радости и улыбок глазами. «Что же это такое!» — подумал Свинтрадзе, и он даже не заметил, как по колону вошел в мутный ручей.

Дети по кубикам в петлицах признали командира и, приподнявшись на своих носилках, протянув к нему худенькие, кожа да кости, руки, закричали в один голос:

— Дяденька, хлебушка! Хлеба, дяденька! Немного хлеба!

Единственная мысль, промелькнувшая у Свинтрадзе, была: почему они на носилках? Почему они не встают? Свинтрадзе зажал уши ладонями и некоторое время ошеломленный, подавленный, не мог сделать и шага.

У него не было хлеба, здесь ни у кого не было хлеба, но дети есть дети, и они умоляюще просили: «Хлеба...».

— Взрослые здесь есть кто-нибудь? — собрался, наконец, Котэ с силами и обшарил лес глазами.

Возле крайних носилок поднялись две женщины в рваной одежде и еле волоча ноги, пошли навстречу лейтенанту.

— Кто вы такие? — крикнул Свинтрадзе, и голос его словно прорвал застрявший в горле кляп. Он впился взглядом в окаменевшие лица этих двух пожилых женщин.

— Я Давлианидзе, а она Ведерникова, — глухо ответила одна из них, и лейтенант увидел, что она еле стоит на ногах.

— Не бойтесь, — скорее себя, чем лейтенанта, подбодрила женщина, и к ее усохшему рту подбежали неисчислимы морщинки. — Я не упаду. Нам еще долго идти.

— Откуда вы идете, мамаша?

— Из Теберды.

— А что вы там делали?

— Мы тебердинцы. Санаторий у нас там в сосновом лесу для парализованных детей. Я санитарка, а она фельдшерица. Санаторий дважды бомбили, много детей погибло. Сегодня уже четырнадцатый день, как идем с детьми.

— Немцы близко?

— Мы ничего не знаем. В Клухори было тихо.

— А дети все живые?
— Трое умерли, а шестерых оставили в Чхалта. Не смогли больше нести.

— А сейчас куда?

— В Грузию. Говорят, там нет немцев.

— Чем вы кормите детей? У вас есть что-нибудь кушать?

— Последний раз в Чхалта покормили.

— Чем же вам помочь? Еды у нас нет. Разве что денег соберем.

— Деньги и у нас есть, сынок, да что на них здесь купишь!

— Мшвениерадзе!

— Слушаюсь!

— Зови всех! Пусть здесь соберутся.

— Наш взвод? Вот и командир роты нас догнал.

— Что здесь происходит, Котэ? — Нико Схиртладзе подбежал к лейтенанту и, увидев оборванных женщин и детей с остановившимися глазами, оторопело спросил: — Кто это такие?

— Беженцы, товарищ командир, из Теберды идут.

Дети примолкли. Они чутьем угадали, что пришел еще бóльший начальник. Сейчас все они верили, что большой начальник прикажет — и эти обросшие щетиной и вымазанные в грязи дяденьки дадут каждому по кусочку хлеба. Но каково было разочарование малышей, когда вместо того, чтобы сразу отдать приказ, командир растерянно уставился на свои разбитые хромовые сапоги, затем рассеянно посмотрел на подчиненных, словно просил совета, ощупал карманы и, так как все смотрели на него, сказал заплетающимся языком:

— Что нам делать, братцы? Чем этим несчастным поможешь?

Помочь никто ничем не мог.

Упала гнетущая тишина. Ее нарушали только рокот ручья и шаги спускающихся в ложбину солдат.

Постепенно в ложбине собралась вся восьмая рота. Пришел и Юсубов со своим взводом ПТР. В глазах Юсубова стояли слезы.

По скользкой тропе осторожно спускался первый взвод седьмой роты.

Григол Барамидзе и Шалва Марджанишвили подошли первыми.

— Беженцы?

— Да. Парализованные дети и сестры.

— А как они попали сюда?

— Из Теберды идут, через Клухорский перевал.

— Бог ты мой!

Весть о встрече с беженцами стремительно переходила из уст в уста. Пожилые крестьяне, добрые отцы семейств, юноши, еще недавно покинувшие школьные парты, смотрели на больных, прикованных к носилкам детей и не хотели, не могли еще поверить своим глазам — неужели такое может быть на свете? Кто это натворил, какой злодей это сделал, неужели нет больше на земле добра и человечности?

— Что же мы, братцы, стоим, опустив руки? — крикнул за спиной Нико Схиртладзе пожилой ссутулившийся боец, и голос его вывел всех из оцепенения. — Если осталось у кого что-нибудь, отдадим им все, ради наших детей...

Все схватились за свои вещмешки, раскрыли их, хотя хорошо знали, что там ничего нет, но все же надеялись, а, может, завалились какие-нибудь крохи, хоть на один зубок голодным детишкам.

Дети во все глаза с надеждой смотрели на эту не очень понятную им сцену.

Хлеба ни у кого не оказалось. Нашлось только несколько кусочков селедки и десятка полтора кукурузных початков.

Пожилой боец собрал все это и положил на плоский камень неподалеку от носилок.

6

Батальон достиг Чхалта раньше назначенного часа. Уже спускались сумерки, когда взводы арьергарда миновали центр села и пошли в гору, где среди вековых верб и сосен стояло выстроенное за год до этого довольно-таки большое здание школы — гордость села.

Местные власти были предупреждены штабом корпуса и успели кое-что подготовить к приходу батальона.

На школьном дворе бойцы увидели трех буйволов и двух яловых коров — подарок от местного населения. На балконе лежало четыре мешка с мукой.

Передав военным все эти блага, председатель сельсовета, пожилой, наголо обритый сван Исмаил Гулбани выложил комбату нерадостные сообщения: непрерывные дожди размыли во многих местах дорогу между Сухуми и Мерхеули. До восстановления дороги — а для этого понадобилось бы не меньше недели — ни одна машина сюда подняться не могла. Так что надежда на доставку из Сухуми продовольствия и боеприпасов была бы напрасной. Кроме того, прошлой ночью со стороны Клухори был слышен подозрительный гул. Кое-кто поговаривал, что это пушки, но сам Гулбани сомневался. Впрочем, может, он и не сомневался, но говорить об этом не хотел.

Рухадзе снова созвал командиров. Что он скажет завтра батальону? От самой Захаровки комбат твердил, что в Чхалта они получают все необходимое для встречи врага. Вот тебе и Чхалта! Почему он уверил самого себя, что в Чхалта закончится самое трудное, а дальше все пойдет легко. Ведь он не раз ходил по этим дорогам. Возможно, что маленькая горная деревня у слияния двух рек — Марух-Чхалта и Гвандра и есть рубеж между жизнью и смертью.

Теперь пройденный батальоном путь казался Рухадзе уже не таким страшным, он ушел в прошлое, а вот будущее — предстоящая дорога — таило неведомые угрозы и опасности.

До последней комнаты первого этажа, где собрались офицеры батальона, еле достигал веселый гомон со школьного двора. Там уже была зарезана одна корова. Ее освежевывали три человека. Остальные стояли и, сложив руки, наблюдали, кто ловчее других орудует острым как бритва ножом.

Под вербами горел большой костер. Языки пламени извивались и опаляли сверкающие, как новенькие копейки, нижние листья.

Зарезать буйвола выпало на долю девятой роты. Несколько самых ловких парней должны были повалить его. Буйвол был сильным и злым, никак не давался в руки. Отдыхающие у костров бойцы, посмеиваясь, подзадоривали незадачливых охотников. Буйвол отчаянно заревел, и привязанные к деревьям остальные животные тревожно замычали, хотя сегодня их не собирались резать.

На обреченного буйвола обрушился сильный удар, он рухнул на колени и, высунув шершавый язык, надрывно застонал.

— Эх, настали времена... На таком буйволе еще пахать да пахать, — вздыхая, говорили пожилые бойцы и отворачивали головы от этого жалкого зрелища. Но врожденное любопытство брало свое.

— Эх, бедняга! Смотрите, он словно подставляет шею под нож.

Длинно сверкнуло в свете огня лезвие кинжала, буйволиная кровь фонтаном брызнула в небо, окрасив все в багровый цвет.

Почуввав запах крови, сбежались сюда собаки со всей деревни и, путаясь под ногами у бойцов, затеяли свару.

— Пошел, пошел, — слышалось со всех концов двора, — вон отсюда, дурной пес, а то и тебя прирежут.

В комнату, наполненную табачным дымом и чадом от единственной керосиновой лампы, последними вошли комбат Рухадзе, комиссар Киладзе и председатель сельсовета Гулбани.

Собравшиеся здесь командиры с нетерпением ждали результатов разговора со штабом корпуса. Рухадзе и вошедшие с ним держались бодро, и все подумали о том, что разговор со штабом был обнадеживающим.

По допотопному телефону, установленному на местной почте, комбату с трудом удалось соединиться с Захаровкой. Он обрадовался, когда услышал знакомый мальчишеский голос адъютанта полковника Абрамова. Лейтенант поздравил с благополучным прибытием в Чхалта и, не дав Рухадзе ответить, тут же прибавил, что в штабе остались только младшие офицеры, так как все начальники уехали в Сухуми. Там со дня на день ожидается приезд генерала Леселидзе.

Рухадзе попросил связать его с Сухуми. Лейтенант вежливо отказал, мол, если Рухадзе хочет что-нибудь передать, он может это сделать только через него.

Еще немного и чрезмерная развязность лейтенанта вывела бы Рухадзе из себя, но он предпочел сдержаться и продолжал расспрашивать.

Дорогу действительно размыло. На восстановление ушла бы целая неделя. Встревоженный Абрамов начал переговоры с авиацией фронта и, чтобы ускорить это дело, лично поехал в Сухуми.

Как только прояснится небо, непременно доставят на транспортных самолетах продовольствие, боеприпасы и одежду. Командиру батальона предлагалось идти по точно указанному маршруту, чтобы летчикам легче было обнаружить походную колонну.

Это походило на сказку. Шутка ли — доставить в эти горы военные грузы на самолетах! Здесь не было места, чтобы на скорую руку соорудить посадочные площадки. А искать батальон с воздуха в таких дремучих лесах дело почти безнадежное.

«Так на что же тогда надеяться? Я ничего не могу скрыть от своих людей», — твердо решил Рухадзе и обвел ожидающих его слова командиров тяжелым взглядом. — «Будет лучше, если они сейчас узнают, что нас ждет. Я в ответе перед страной и своей совестью, перед женами и детьми своих бойцов, ведь завтра они могут стать вдовами и сиротами. Батальону предстоят тяжелые испытания».

Рухадзе подумал и о своей семье, оставленной на взбаламученном сухумском вокзале буквально на произвол судьбы. Глаза его повлажнели. У него не хватило решимости спросить у лейтенанта, бомбили ли немцы еще раз Сухуми. Возможно, что на том самом месте, где вчера еще был город, остались только развалины и пожарище.

Рухадзе сжался как пружина, весь как-то подтянулся, словно в теле его проснулись дремавшие, прежде ему самому неизвестные силы. В глазах появился сухой блеск. Сейчас он был уже совсем другим человеком.

Офицеры, которым передалось волнение своего командира, молча слушали Рухадзе. Он скупно обрисовал обстановку на Кавказском фронте. Данные были устаревшими, и выводы, в силу этого, весьма приблизительными. Но все слушали напряженно. О том, что размыло дороги, Рухадзе сказал между прочим, мельком, словно это не имело существенного зна-

чения, и все внимание сосредоточил на той ответственной задаче, которую поставило перед батальоном командование. Сообщение о том, что грузы для батальона будут доставлены по воздуху на транспортных самолетах у Рухадзе вышло таким убедительным, что все облегченно вздохнули.

— А сейчас идите в свои подразделения и разъясните бойцам задачу, — сказал Рухадзе, заканчивая совещание. И в знак того, что самое трудное — встреча лицом к лицу с подчиненными — уже позади, отодвинул пилотку на затылок, проведя ладонью по жестким, коротко остриженным волосам. — Завтра с рассветом выходим. Схиртладзе!

— Слушаюсь, товарищ комбат.

— Что это с твоими сапогами?

— Настроение у них неважное, каша просят, — смущенно отшутился Схиртладзе.

Все невольно посмотрели на свои ноги.

— Жаль, — покачал глубоко ушедшей в плечи головой комбат и сам тоже улыбнулся. — Ну что ж, зато теперь жать не будут.

Офицеры вновь рассмеялись. Сшитые знаменитым ленинканским мастером сапоги Схиртладзе и теперь, обшарпанные и разбитые, все еще сохраняли следы своего бывшего изящества. Да и у других командиров сапоги выглядели не лучше. У самого Рухадзе подметки на сапогах были прикреплены проволокой. Только у Швангирадзе и Баснули была годная для похода обувь.

— Если вы не будете смеяться, я вам дам хороший совет, — сказал Швангирадзе, откинув со лба прядь седеющих волос. — Говорить?

— Говори, говори, мы тебя слушаем. — Товарищи думали, что врач и в самом деле скажет что-нибудь смешное, и заранее улыбались.

— Никакая обувь не поспорит здесь, в горах, с нашими дедовскими каламани.

— А где сейчас достанешь каламани? — спросил у врача Схиртладзе.

— Почему же, можно достать. Кожи у нас сколько угодно. — И Швангирадзе бросил лукавый взгляд на председателя сельсовета Гулбани.

Командиры недоуменно переглянулись. Они еще не совсем поняли, куда гнет их находчивый врач.

— Разве есть на свете что-нибудь крепче буйволиной кожи? Найдем в ротах мастеров, они нам такие каламани соорудят, заглядишься.

— Да-а, — только и сумел вымолвить Рухадзе и, не сдержав улыбки, подмигнул товарищам.

— Нет, правда, правда, я не шучу, — разгорячился Швангирадзе. — Из кожи трех буйволов на всех бойцов каламани, конечно, не сделаешь. Но и то учтите, что не у всех разбились сапоги.

— У тебя не голова, а сущий клад, дорогой Швангирадзе, — сказал комиссар и живо повернулся к Рухадзе: — А ведь он дело предлагает, Васо. Очень дельная мысль. Молодчина, Иванэ. Товарищ Исмаил, — обратился он к председателю сельсовета, — если захотеть, можно здесь достать кожу для каламани? Деревня ведь горная, здесь все носят каламани.

— Носят, как же.

— А ну, давай, проверни это дело по-своему.

— Спрошу у людей... — Гулбани просунул палец под папаху и почесал бритую голову. — И если у кого есть...

— Добро, — сказал Рухадзе. — Поручим это дело Киладзе и врачу. Его идея, пусть доведет ее до конца. Схиртладзе!

— Слушаю, товарищ комбат.

— Завтра твоя рота снова возглавит колонну. В полдень тебя сменяют. Дорога плохая, не очень-то забегай вперед, не отрывайся. Пошлешь

взвод в головную заставу. За тобой пойдет Юсубов, за ним — пулеметчики. Коней с вьюками поставим в середину колонны. Дальше девятая рота, минометчики, санитары, штаб. Замыкает колонну седьмая рота. Что-то я не вижу Марджанишвили и Мачавариани.

— Мы здесь, товарищ старший лейтенант.

— Вы что, в прятки играете? Может, девятую роту оставить в арьергарде? По-моему, так будет лучше. Арташ, больные у тебя есть?

— Одиннадцать человек, товарищ комбат. Температурят. Рецидив малярии.

— Их надо здесь оставить?

— И сюда они еле доплелись.

Рухадзе вновь повернулся к врачу.

— А как с медикаментами?

— Если нас всех сразу ранят, то, конечно, не хватит, — сказал Швангирадзе.

— Тебе все шутки шутить, — отмахнулся Рухадзе.

— Извините, товарищ комбат, медикаменты у нас есть, — уже деловито сказал Швангирадзе. — Хотя кое-что мы дали детям из Теберды. Но это вы знаете.

— Тише! — одновременно вырвалось у нескольких человек.

Командиры насторожились и жадно прислушались к тому, что так давно ждали услышать. Далекий грохот глухо грянул в горах. Эхо трижды повторило этот грозный раскат, затем он исчез, словно сорвался в какую-то бездонную пропасть. Мгновенная тишина, и новый раскат грома.

Внезапно распахнулась дверь. Командиры обернулись. У порога стояло несколько бойцов. Они прибежали сообщить тревожную новость, но когда поняли, что и здесь все слышно, смутились и нерешительно остановились в дверях.

Школьный двор был освещен пламенем костров. Греющиеся у огня солдаты оставили горячий, только что снятый с огня ужин и молча, сосредоточенно вглядывались в непроглядную тьму, откуда время от времени доносился грохот. Горы были укутаны темнотой, дождь прекратился, но низко, почти над самой головой, грузно проплывали облака, готовые каждую минуту обрушиться на людей новым ливнем.

Канонада то слышалась отчетливо, то глухо и неясно, будто звуки ее шли из подземных глубин. Сейчас уже никто не сомневался в том, что враг ступил ногой на Кавказский хребет, и 815-му полку 394-й дивизии, ротам 155-й бригады и 3-му дивизиону 156-го артиллерийского полка пришлось принять неравный бой на Клухорском перевале. Неисчислимые полчища врага непременно сомнут горстку защитников перевала, если к ним вовремя не подоспеет подкрепление. А потерять перевал — это значит открыть врагу ворота в Абхазию. Тогда враг неудержимо хлынет по Кодорскому ущелью и на третий день выйдет к Черному морю. А отсюда рукой подать — все жизненно важные центры Закавказья.

Судьбу сражения сейчас решала быстрота маневра. И хотя бы ценой тысяч жизней нужно удержать Клухорский перевал, чтобы спасти многострадальные народы Грузии, Азербайджана и Армении от виселиц и пожаров.

О ночевке в Чхалта не могло быть и речи. Комбат отдал приказ строиться. Батальон вышел на тропу. До Клухорского перевала оставалось около тридцати километров. Если идти без отдыха, без передышки, то это расстояние можно покрыть за семь-восемь часов. Малейшая задержка в пути грозила гибелью. Каждый боец должен понять, что если встреча с немцами произойдет на южном склоне хребта, то из недолгой схватки с врагом никто из них не выйдет живым. Верхний нижнего всегда сильнее.

Быстрее, быстрее, еще быстрее, несмотря ни на какие трудности!

И вновь самые большие тяготы выпали на долю первого взвода восьмой роты. Сам командир роты Котэ Свинтрадзе, правда, неплохо знал местные тропы, но в ночной тьме, когда не видишь даже свою протянутую руку, ему нелегко было отыскивать путь. Повесив автомат на шею, Свинтрадзе буквально наощупь узнавал верную тропу. Снизу, из темного, невидимого ущелья доносился шум воды. Это все еще была Гвандра. Узкая тропа то удалялась от края ущелья, то лепилась над самым обрывом. Бойцы так близко шли друг за другом, что каждый чувствовал на своем затылке горячее дыхание товарища. Один неверный шаг — и крикнуть не успеешь, как черная пропасть поглотит человека.

По расчетам Свинтрадзе, где-то здесь, очень близко, за рекой должно быть село Земо Ажара. Но как он ни вглядывался — впереди ни огонька. Видно, голос пушек напугал жителей села, и они, притаившись, сидели в темноте.

В ущелье шумела напоенная двухдневным проливным дождем река. Она заглушала все другие шумы. Но когда из-под чьей-то ноги срывался с обрыва камешек и, падая, увлекал за собой вниз большие и малые камни, возникал такой грохот, словно рушился сложенный из крупного булыжника забор.

— Леван, ты видишь что-нибудь? — шепотом спросил Свинтрадзе.
— Да что здесь увидишь!

Мшвениерадзе, прислонившись к скале спиной, всмотрелся в темноту. Ничего нельзя было разобрать. Свинтрадзе прошел вперед, нагнулся и ощупал пальцами сырую землю. Леван чуть было не наткнулся на него.

— Осторожнее, медведь! — огрызнулся Котэ.
— Товарищ лейтенант, вы слышите?
— Левуша...а! — отчаянно кричал кто-то в ущелье.
— Левуша, Левуша...ааа... — повторяли горы.

— Что они разорались? — выпрямился Свинтрадзе и поправил сбившиеся на живот противогаз и кожаные подсумки. — Дай знак, пусть идут.

— Вернуться мне?
— Да просто крикни, услышат.

Мшвениерадзе сложил ладони рупором и стал звать оставших товарищей. Они не так далеко от ядра взвода. И там непременно должны были услышать зов Мшвениерадзе. Но оба очень удивились, когда вместо того, чтобы голоса умолкли, крики людей и ночная перекличка гор и ущелий усилилась. Они приумолкли и вслушались. Где-то очень близко от них сорвался камень и с грохотом покатился в ущелье. Котэ и Леван прижались к скале. Со стороны села кто-то торопливо шел по тропе.

— Стой, кто идет? — укрывшись за выступом скалы, крикнул Леван и вскинул автомат.

По обрывистому склону покатались камни. Трудно было понять, остановился неизвестный или продолжал идти. Мшвениерадзе повторил окрик чуть дрогнувшим голосом.

«Испугался», — подумал не меньше его испуганный Свинтрадзе и схватил рукой дуло его автомата. — погоди, не стреляй.

— Кто здесь кричит? — спросил голос из темноты.
— А сам ты кто?
— Мы курсанты сухумского училища.
— Курсанты? Что вы здесь делаете?
— Раненого товарища несем. И сами мы ранены.
— А где остальные?

— Позади идут. Я опередил их. Услышал ваши голоса и побежал навстречу. Мы разыскиваем медсанбат.

— Стой, не двигайся, а то стрелять буду.

Раненые сообщили дурные новости: враг обошел со всех сторон наши части, державшие оборону на северных склонах перевала. Вчера с темнотой остатки 815-го полка отступили. Немцы уже на перевале. Те артиллеристы 156-го полка, которые спаслись от смерти, не успели вынести орудия, и все попало в руки врагу. Последний свой резерв — батальон курсантов — генерал Леселидзе лично повел в бой. Батальон погиб, генерал убит.

Командиры хотели сохранить втайне страшную новость, однако о случившемся на Клухорском перевале и в верховьях Кодори вскоре узнал весь батальон.

— Генерал Леселидзе убит! Убили нашего генерала! Враг спускается к Кодори.

— Вперед, ребята! — крикнул Рухадзе и вместе со штабом поспешил к голове колонны. — Мы заставим плакать их матерей. Кто дрогнет — позор тому! Что хуже смерти будет с нами!

Бойцы приободрились. И в самом деле — смерти бояться — в бой не ходить.

Сейчас на каждом шагу они могли напороться на вражескую засаду. И взвод Свинтрадзе все время был начеку — первый удар он должен был принять на себя, чтобы дать батальону возможность развернуться.

В ротах роздали ручные гранаты, с коней сняли вьюки со станковыми пулеметами. Пара буйволов, которых не успели зарезать в Чхалта, лениво плелась в хвосте колонны и несла на себе ящики с патронами.

Санитарный взвод Иванэ Швангирадзе, после того как перевязал раны шедших с поля боя курсантов и поделился с ними сваренной в соленой воде буйволятиной, нагнал штаб батальона. К этому времени стало светать. Сквозь туман начали прорезаться зубчатые вершины гор. Небо на востоке засветилось блеклым голубиным цветом. И вот первые лучи солнца проникли в ущелье. Тучи над хребтом разорвались и медленно поплыли на юг. Они низко прошли над ущельем, цепляясь за кроны деревьев. Вскоре показались нависшие над лесом отвесные скалы. Еще выше, зазеленели альпийские луга — Клухорский перевал был где-то там, за ними.

7

Два всадника в бурках спустились по тропе, и разгоряченные кони по грудь вступили в воду. Дозорные Свинтрадзе быстро укрылись за деревьями. На тропе появились еще четыре всадника. Котэ незаметно обошел их лесом и спрятался за стволом старого бука. Отсюда тропа была вся как на ладони. Всадники продолжали путь, все так же разбившись на две группы. И даже неопытный человек сразу мог догадаться, что все шестеро всадников местные и хорошо знают дорогу. Их мокрые по живот кони свободно и смело скакали по тропе.

Когда первые два всадника поравнялись с буком, Свинтрадзе узнал их и, удивленный, протер глаза.

— Действительно это они, а не призраки?

На ладном рябом коне, который опережал чернолознящегося высоконогого жеребца, сидел генерал Леселидзе, а второй всадник был похож на командира дивизии полковника Кантария. Лицо генерала было прикрыто белым башлыком и видны были только его глаза, но для Котэ

было достаточно увидеть эти спокойные, медового цвета глаза, чтобы узнать любимого командарма.

«Значит, курсанты наврали, значит, он жив. Может, и все остальное тоже неправда? И перевал в наших руках?»

Свинтрадзе вышел на открытое место и шагнул навстречу командарму. Генерал придержал коня и еще издали крикнул:

— Какой части?

— Третий батальон 808-го полка, товарищ генерал.

Свинтрадзе выпрямился и, вскинув руку к виску, приветствовал генерала.

— Кто командир? — спросил Леселидзе.

— Старший лейтенант Василий Рухадзе, товарищ генерал.

— Рухадзе? Который это Рухадзе? — Генерал обернулся к полковнику. Крепко натянув поводья, он еле удерживал на месте горячего коня.

— До войны он работал в Абхазии директором Очамчирского лесного хозяйства, товарищ генерал, — ответил Кантария. — Не так ли, лейтенант?

— А-а, Василий! — не дождавшись ответа лейтенанта, вспомнил генерал. — Как же, знаю, знаю. Осенью прошлого года мы ехали вместе в одном вагоне. А как твоя фамилия, парень?

— Свинтрадзе, товарищ генерал.

— Откуда родом?

— Из Кутаиси. Там у меня родители живут, — смущаясь ответил Котэ и, уловив вопросительный взгляд генерала, добавил: — До войны я работал заместителем военного комиссара во Мцхета...

— А кто комиссаром был?

— Капитан Ладо Татарашвили, товарищ генерал.

— Это который командует батальоном в вашем полку?

— Так точно. — У Свинтрадзе заблестели глаза.

— Эх... — думая о чем-то своем, генерал махнул рукой и выпрямился в седле. — Рухадзе далеко?

— Вот и он!

За это время бойцы вышли из-за деревьев и окружили всадников. А снизу все подходили и подходили изнуренные долгим переходом по висящим над пропастью тропам и бессонной ночью люди. Имя генерала Леселидзе переходило из уст в уста. Радостная весть, что генерал жив и невредим, мгновенно облетела всю растянувшуюся по ущелью колонну.

Задыхаясь от быстрой ходьбы и опираясь на ходу порванную в двух местах гимнастерку, Рухадзе, бесконечно счастливый, что видит своего любимого генерала целым и невредимым, подбежал к всадникам.

— Здравствуй, Василий, — генерал еще издали узнал коренастого офицера с вмятиной на лбу и, перегнувшись с коня, протянул ему узкую белую руку. — Когда вышли?

— Из Чхалта этой ночью, в двадцать три часа двадцать минут, товарищ генерал.

Всегда сдержанный Рухадзе сейчас заметно волновался. Он не мог скрыть радости и неотрывно смотрел на озаренное внутренним светом лицо генерала.

— Молодцы, быстро ходите, — улыбнулся Леселидзе и теплым взглядом обвел солдат.

Обрадованные и гордые, как и их командир, бойцы смотрели на всадников широко открытыми глазами.

— Здравствуйте, ребята!

Ребята? Солдаты вдруг оживились. И вместо принятого в армии приветствия, поздоровались со своим командиром кто как умел.

— Побрататься тебе с победой! — крикнули одни. Другие совсем просто, по-домашнему ответили:

— Живи долго, дорогой.

А третьи по старинке благословили:

— Пусть дарует тебе бог победу.

— Очень устали? — спросил у солдат генерал.

Действительно уставшие люди весело загоготали.

— Какая там усталость? При чем тут усталость? Прикажи только — в десять раз больше пройдем.

— Я обращаюсь к вашему мужеству. — Со светлого лица генерала не сходила грустная улыбка. — Что от вас скрывать — трудно приходится стране. Никогда еще не угрожала ей такая опасность.

— Веди нас, за тобой в огонь пойдем! — крикнул кто-то из толпы.

— Спасибо, братья, — уже совсем тихо поблагодарил Леселидзе и посмотрел на этих рвущихся в бой солдат затуманенными влагой глазами. Нижняя губа его чуть дрогнула. Он помолчал мгновение и уже окрепшим голосом произнес:

— Не дадим врагу топтать нашу землю. Эта страна, — Леселидзе откинул бурку и обвел хлыстом горы и погруженные в утренний туман долины, — всегда была нашей, и нашей останется, пока мы будем в силах носить на себе рубашку. Недостатка во врагах мы никогда не испытывали. И наголову разбили всех. Все, кто положил жизнь за Родину, были такими же, как и мы, а родную землю никому не дали на поругание. Правильно я говорю, Свинтрадзе? Чем мы хуже своих предков?

— Да здравствует генерал Леселидзе! — раздалось в задних рядах.

— Да здравствует!.. — в едином порыве воскликнули бойцы.

Горы подхватили этот клич и бросили его далеко-далеко в дремучие леса и глубокие ущелья.

В эти минуты люди забыли об опасности, которая подстерегала их на каждом шагу. Генерал, которого еще полчаса назад они считали погибшим, стоял перед ними. Он был для них живым олицетворением того, что бойцы оставили под родным кровом. Сейчас не было на свете такой силы, которая могла согнуть и поставить на колени этих изнуренных, измотанных, но упрямо стоящих на ногах людей.

Победа или смерть! — третьего пути не было.

Командующий армией, коротко поговорив с Рухадзе и попрощавшись с батальоном, скрылся за деревьями.

— Что он сказал? Что приказал делать? — спрашивали бойцы друг у друга и озадаченно смотрели вслед всадникам, пока те не скрылись за деревьями.

Людей удивил внезапный отъезд командарма. Почему-то всем казалось, что генерал спустился для того, чтобы, возглавив батальон, тотчас же вернуться обратно и, опередив врага, укрепиться на перевале. В батальоне был лишь один человек — Василий Рухадзе, который был в курсе действительного положения дел.

Он вызвал командиров рот и ознакомил их с новым приказом командования.

Батальон должен был немедленно вернуться в Чхалта. За короткое время, пока он подымался из Чхалта, ход событий на перевале резко изменился, и защита верховьев Кодори была поручена другим частям. Вернувшийся в Чхалта третий батальон застанет там главные силы полка, так как Шалва Телия уже выступил из Захаровки, и получит от него новую боевую задачу.

Рухадзе оставил за себя комиссара Киладзе, замыкающей назначил роту Марджанишвили, а сам, согласно приказу генерала, поспешил со штабом в Чхалта.

8

В Чхалта полка еще не было. Дороги все еще были размыты, машины так и не смогли прийти в Захаровку, и майор Телия повел полк горными тропами. В таком же положении оказался и 810-й полк. Но зато сюда перебросили штаб 394-й дивизии. В Чхалта стоял и штаб Леселидзе.

В штабе дивизии уже был разработан план боевой операции. Выбить немцев с Клухорского перевала и надежно прикрыть Кодорское ущелье вряд ли под силу находившимся там частям. Поэтому было решено обойти врага с фланга и нанести ему удар в спину. Главным препятствием являлось отсутствие всяких дорог. Нацеленные на фланги части должны были совершить траверс по ледникам Главного Кавказского хребта и внезапно напасть на врага. Кроме того, надо было удержать еще один перевал — Марухский, потеря которого грозила смертельной опасностью Кодорскому ущелью, Абхазии и всей Грузии.

Авиаразведка доносила, что немцы еще не подтянулись к Марухскому перевалу. Значит, наши войска еще имели время и возможность упредить врага и закрепиться на ледниках и господствующих высотах.

Была создана специальная марухская группа, которая в свою очередь разделилась на два отряда. Первый отряд включал в себя: первый батальон 810-го полка вместе с приданными ему минометными и пулеметными подразделениями, роту автоматчиков и четыре миномета 155-й бригады. Этот отряд должен выйти на Марухский перевал и, преодолев на востоке от него гору Кара-Кай, со стороны истоков реки Алибек ударить по правому флангу врага.

Не менее трудная задача выпала на долю второго отряда. Его должны были составить из третьего батальона 808-го полка, полковой школы, взвода автоматчиков и из двух взводов пятидесятимиллиметровых минометов 155-й бригады. Ему предстояло действовать левее первого отряда, имея задачу, обойдя фланги, ударить в тыл врага.

Рухадзе побледнел, когда услышал последний пункт приказа: одну из рот его батальона оставляли в Чхалта. А остальные подразделения батальона должны были безотлагательно отправиться вверх по реке Чхалта, не ожидая прибытия других подразделений, включенных во второй отряд.

Рухадзе понимал, что оспаривать такое решение бессмысленно. Родина требует жертв. Он только лишь осмелился спросить у командующего армией, следует ли ждать у подножия Маруха подхода остальных подразделений отряда или самому занимать перевал.

Леселидзе предполагал, что другие подразделения отряда опередят батальон Рухадзе и встретят его на перевале, поскольку они легко снаряжены и идут к Маруху более коротким путем. Если же на перевале этих подразделений не окажется, Рухадзе должен продолжать путь к истокам реки Гоначхири и во взаимодействии с первым отрядом зайти в тыл врага.

Девятая рота Вартаняна осталась охранять штаб армии.

Батальон наспех снарядили, и после двухчасовой ходьбы по бездорожью он втянулся в узкое Чхалтское ущелье.

Стояло раннее утро. Но в ущелье, заросшем огромными буками и обвитыми плющом липами, было еще темно. Взводы спокойно следовали по тропе, которая ничем не отличалась от узких тропинок Кодорского

ущелья. Тропа то спускалась вниз, к самой реке, то круто взбиралась в гору. Тяжело нагруженных оружием и продовольствием трех лошадей и двух буйволов пустили вперед. Привычные к горным тропам буйволы шли так быстро, что лошади едва поспевали за ними.

По обоим берегам реки лесистые горы пестрели чищами — эти вырубленные участки леса были засеяны кукурузой. Издали островки зрелой кукурузы казались темносиними. Чем выше поднимались бойцы, тем более зелеными и незрелыми были кукурузные початки. А к вечеру и вовсе трудно было найти годный для еды початок.

Бойцы помоложе, да и пожилые, у кого еще сохранились силы, рассыпались по лесу. Земля здесь была густо устлана мягким, желтым ковром из прелой листвы бука, граба, а местами сыроежкой и лисичками.

Взвод Юсубова наткнулся на ствол давно сваленного бука — по всему его телу белыми гроздьями росли грибы. Солдаты оживленно наполняли грибами свои вещмешки. Этот сорт очень вкусных грибов, по местному — чкубла, растет только на стволе сгнившего бука. Чкубла — мелкий и упругий гриб, набиваешь им свой мешок, влезает сколько тебе захочется. Бойцы мгновенно очистили ствол. Некоторые набили свои мешки по самое горло, даже трудно было завязать. Выше в горах чкублу уже не найдешь. Умело приготовленные, эти грибы вкуснее жареного цыпленка. Чуть поджаришь гриб на сковородке, дашь ему немного пошипеть в горячем масле и — о чем еще мечтать! Но где здесь достанешь к нему масло и тонко нарезанный молодой лук.

Островки кукурузы и гнезда вкусной чкублы остались далеко внизу. Теперь встречались только незасеянные, заросшие колючими сорняками чищи.

Бойцы головного взвода остановились и стали смотреть вниз. Идущие за ними ускорили шаг. Интересно, на что они смотрят, не отрывая глаз? Далеко внизу лежало море. Озаренное заходящим солнцем, оно простиралось за почти невидимый горизонт. Там проходила тончайшая грань земли и бесконечности.

Море! Настоящее море! Никто не мог глаз отвести от этого волшебного видения. Море было отсюда таким недосыгаемым, словно увиденное во сне. Таким приманчивым и влекущим никто из бойцов еще не видел моря, хотя многие из них всю жизнь прожили на его берегах.

Батальон подтянулся, и голова колонны снова потерялась в лесу. Грустно было расставаться с морем. Там, внизу, были виноградники, солнце, море, а наверху — голые скалы, пастбища облаков, серн и туров.

Окончание следует

Морис ПОЦХИШВИЛИ

СМЕРТЬ ЧАСОВ

Остановился маятник в тиши.
Часы замолкли — время их убило.
Стоит футляр, как тело без души,
молчит, как одинокая могила.

Секунды плачут — места не найти.
А было время — жили не тужили.
Часы молчат. Крест-накрест на груди,
как руки, стрелки черные сложили.

УСТАЛЫЙ ДОЖДИК

Я не спрошу: откуда мчишь,
усталый дождик?
Ответь, прошу: куда летишь,
усталый дождик?

Где ты прольешься —
под горой?
Над светлым лугом?
Нам, верно, по пути с тобой,
пойдем друг с другом!

Перевод с грузинского С. Куняева

Отар ШАЛАМБЕРИДЗЕ

ЖДИ МЕНЯ

В глухом лесу у родника на мшистом камне
Слова простые высечены: «Жди меня».
Кто так покинул человека и на память
Оставил надпись лишь, надеждою дразня?

Я слушаю земли зеленое молчанье,
Кустарников, деревьев, что стоят века...
Как за покойником, под тихое стенанье
Плетутся так неторопливо облака.

Но память светлая навеки дорога мне
О той, которая милей день ото дня.
И не она ль в глухом лесу на мшистом камне
Слезами родника рыдает: «Жди меня...»?

Перевод с грузинского Н. Алибеговой

Эдишер **КИПИАНИ**

Зеленый занавес

РАССКАЗ

Перевод с грузинского **К. Мжавния**

Посвящается Ушанги Чхеидзе

I

Пол студии весь усыпан обрывками магнитофонной ленты. Леван и Гизо, присев на корточки посреди комнаты, подбирают их с паркета и внимательно рассматривают.

Вот такой, совсем небольшой кусочек ленты, на котором было записано одно-единственное слово, Леван случайно отрезал от очень ценной записи.

«И как это меня угораздило?» — переживал он.

«Если не найдем, у отца будут неприятности», — думал Гизо.

На душе у Левана тревожно — время не ждёт, а потерянное слово непременно должно быть найдено. И чем скорее, тем лучше. В любую минуту может позвонить председатель радиокomiteта и потребовать запись на прослушивание. Если слово не найдётся, надо что-то придумать — самому произнести его перед микрофоном или попросить кого-нибудь... А если передача назначена на сегодняшний вечер?.. Тогда председатель, вероятно, уже позвонил Уча Аргветели, этому удивительному человеку, осведомился о его здоровье и потом сказал: вечером, в таком-то

часу, будем передавать вашу запись... Что тогда? Тогда произойдет страшное, непоправимое — тонкий слух артиста уловит в записи чужой голос и...

Случись такое с записью другого артиста, разве стал бы Леван так волноваться? Конечно, и тот, другой, обнаружил бы подделку, возмутился. Но Уча Аргветели не возмутится, не предъявит претензий, на студии никто ничего и не узнает. Уча Аргветели ничего не скажет, он молча снесёт обиду. И это ужаснее всего.

Сколько безнадежных больных довелось видеть Левану за свою жизнь, но такого, как Уча Аргветели... Леван глядел на Уча, и казалось, перед ним не живой человек, а гипсовый слепок этого человека. В слепок вдохнули жизнь, но так скупно, с таким дьявольским расчетом, что Уча дышал и не дышал, жил и не жил. Казалось, злой дух прокрался в мозг артиста, чуть заметно сдвинул какие-то клетки и освободил место неверию, которое с тех пор навсегда поселилось там. И Уча уже ни во что не верил...

Не верил, что может бороться с затемненным зрительным залом, который вдруг стал ему враждеб-

ным, не верил, что сможет, как прежде, безбоязненно появляться в ярком освещении рампы, не верил, что может перенести живительную прохладу кулис...

— Намотать, что ли? — спросил Гизо.

— Да, да... Намотай! — Леван с трудом очнулся от этих мыслей.

Из склеенных ацетоном обрывков получилась довольно длинная лента. Её свободный конец Гизо прикрепил к магнитофонному диску. Руки юноши работали легко, проворно.

Наконец лента была намотана. Леван волновался. Если на склеенной из обрывков ленте не окажется потерянного слова, тогда...

— Готово?

— Да, отец.

— А ну, посмотрим. — Леван взглянул на диск: всё было в порядке. — Включаю, — сказал он. — Слушай внимательно, чтоб не пропустили.

— Помнишь, какое слово?

— «Быть»!

Леван резко нажал пальцем серую пластмассовую клавишу.

Отец и сын затаили дыхание.

Раздались звуки рояля. Леван вспомнил: утром записывали молодого пианиста. Горбоносый, худой юноша так нервничал, словно от этой записи зависело всё его будущее. А вот это место он заставил переписывать чуть ли не десять раз. Потом выбрали лучший вариант. Аккорды рояля сменила незнакомая песня, потом магнитофон на некоторое время умолк, — должно быть, Леван и Гизо подобрали с полу куски неиспользованной ленты.

Дальше один за другим зазвучали отрывки записей, над которыми сегодня работали на студии:

— «Сладко замира-ало сердце...»

— «Во время пребывания в Москве Норберт Винер заявил...»

— «...в текущем году колхозники Нагомари в два раза...»

Отрывок футбольного марша...

Звучали отдельные слова и даже слоги, незаконченные мелодии, снова слова. Лента кончалась. Наконец она перемоталась на второй диск, её освободившийся конец затрепетал, как раненая птица. Слово, которое они искали, так и не прозвучало.

Отец и сын переглянулись.

— И куда оно запропастилось? — как бы про себя проговорил Гизо.

Леван подошел к окну. Утром шёл дождь. Теперь небо над Мтацминдой прояснилось, только кое-где на кустах еще лежали белые хлопья тумана.

— Улицы до сих пор не просохли... Сколько народу перебивало за день в этой комнате. А что если кто-нибудь унёс его на мокрой подошве?

— Папа! — Гизо подошел к отцу. — Может, он и не произносил это слово, или, может, ты опоздал включить магнитофон и...

— Всё было как надо. — Леван устало махнул рукой.

— А что, если переписать отдельно второе слово?

— Второе слово? Какое?

— «Не быть».

Леван улыбнулся. Он догадался, что сын предлагает отрезать от переписанной ленты «не» и оставить только «быть».

— Нельзя. «Не быть» он произносит совсем по-другому, почти шепотом. Если сделать так, как ты предлагаешь, получится однообразно, монотонно... Тут не то что Уча Аргветели — любой радиослушатель заметит.

— Папа, — снова начал Гизо. — Ведь ты помнишь его голос... Может...

— Эх! Думаешь, я не пробовал? — снова угадал мысль сына Леван. — До твоего прихода стоял я перед микрофоном и словно заправский артист твердил на все лады: «быть», «быть», «быть»... Записал, прослушал. Ничего похожего... Как не помнить, отлично помню... Но передать не могу... Не получается.

Неожиданно дверь распахнулась, и на пороге появился человек среднего роста, совершенно лысый. Леван побледнел — это был председатель радиокомитета.

— Ну, как дела? Аргветели принял тебя? — спросил председатель и выглянул в коридор. Он стоял в дверях, и казалось, что от ответа Левана зависело, уйдет он или останется.

— Принял, Константин Николаевич!

— Принял, говоришь? — Константин Николаевич вошел в комнату и закрыл за собой дверь. — И ты записал его?

— Да.

— Так почему же ты не сообщил мне об этом сразу?

— Да вот... только что вернулся и... — ответил Леван и положил руку на плечо Гизо.

— Что же ты записал?

— «Быть или не быть».

— О! Великолепно! Великолепно! — воскликнул Константин Николаевич, потирая от удовольствия руки. — А что, он волновался?

— Очень.

— Я так и думал! Расскажи-ка все по порядку:

— Сначала он долго лежал в кресле, не говоря ни слова. Я даже подумал: не забыл ли он обо мне. Потом он встал и сказал: «Что ж, начнем!», прошелся по комнате и остановился перед микрофоном. Но как только я включил магнитофон, он вдруг разволновался, да так, что не смог произнести ни звука...

— Потом?

— Потом мы решили повесить простыню — это он сам предложил... Он стал за простыней, чтобы не видеть ни микрофона, ни магнитофона. И опять у него ничего не получилось — невидимый микрофон взволновал его еще больше.

— Дальше, дальше...

— Он вышел в соседнюю комнату и через некоторое время позвал меня... Извинился: «Может, здесь получится»... Я принес магнитофон, установил. Смотрю, он стоит у окна,

перед занавесом; одной рукой ухватился за него... и начал монолог.

— Да... мне известна история этого занавеса, — задумчиво проговорил Константин Николаевич. — У этого самого окна ему впервые стало плохо... двадцать лет тому назад... Поздно ночью вернулся он из театра, хотел открыть окно... и вдруг ему что-то померещилось... закружилась голова... он упал. Больше Уча Аргветели не видели на сцене. А окно тогда же завесили этим занавесом.

— Так ни разу и не вышел на сцену?

— Один раз решился. Весь сезон готовился. Что тогда творилось в городе! Уча Аргветели возвращается в театр! С трудом провел он первое действие... Прямо со сцены его увезли в больницу...

— Вот и сегодня... — сказал Леван. — Только закончил монолог, упал в кресло и замер...

— Это и есть его болезнь. Ему кажется, что он больше ни на что не способен. Он не верит ни себе, ни другим... — Константин Николаевич задумался. — А, может, мы неправильно поступили, побеспокоив его? Может, не надо было этого делать? — обратился он к Левану.

— Что вы? Что вы? Вы большое дело сделали. Такая запись останется! Наоборот, он благодарил нас за внимание. Кроме того, кто знает, что может случиться? — Леван умолк, потом опять заговорил: — Я с самого начала сказал ему — «Если вам трудно сегодня, запишем в другой раз». Но он и слушать не захотел. «Нет! Нет! Сегодня, сегодня запишем.»

— А запись прослушал?

— Нет. Я предложил, а он опять разволновался: «Нет и нет!» Я не настаивал.

— Боится, — грустно сказал Константин Николаевич. — Чувствует, что голос уже не тот, и боится убедиться в этом.

— А вы, Константин Николаевич?.. Не хотите ли прослушать? — неожиданно вырвалось у Левана, и он едва не схватился руками за го-

лову... Он совсем забыл о происшедшем.

— Я очень спешу, — сказал председатель и открыл дверь. У Левана и Гизо отлегло от сердца. — Прислушаю завтра утром, а в двенадцать передадим. Да, чтобы не забыть: надо позвонить сестре Уча Аргветели — предупредить...

Константин Николаевич вышел, но через минуту вернулся.

— У тебя нет сегодняшней «Правды»? — спросил он Левана.

— Нет.

— В Сахаре французы взорвали атомную бомбу...

— Что?..

Константин Николаевич ушел. Отец и сын молча прислушивались к затихающим шагам.

— А что, если ты пойдешь к нему и все расскажешь, извинишься... Ведь только одно слово... одно слово... — заговорил Гизо.

— Ты с ума сошел? — Леван так и подскочил. — К кому пойти? Кому рассказать?

— Уча Аргветели. Извинись, скажи, что...

— Ты слышал, что говорил Константин Николаевич?

— Слышал.

— Значит, плохо слышал. Ведь Аргветели этому не поверит, он решит, что монолог звучал плохо и мы просто ищем повода, чтобы записать его еще раз. Да ты понимаешь, что предлагаешь?

Леван взял кепку.

«Что-то придумал», — решил Гизо. Отец с сыном вышли на улицу.

— Я зайду в театр, — сказал Леван. — Может, застану кого-нибудь...

2

Уча Аргветели полулежал в удобном глубоком кресле, по грудь укрытый тонким одеялом. Край одеяла свешивался на пол, из-под него выглядывали носки текинских чуств. Больной опирался локтями на ручки кресла, и, казалось, на них приходилась вся тяжесть согбенных плеч.

Под густыми бровями горели си-

ние глаза. Едва заметно покачивалось кресло, а, быть может, это колыхался зеленый занавес, который скрывал окно и большой город, раскинувшийся за ним. Сколько лет не поднимался этот занавес... Два зеленых полотнища, простроченные посередине, немного расходятся у пола и напоминают театральный занавес, каким его рисуют обычно на пригласительных билетах.

Уча Аргветели пытался что-то вспомнить и не мог. Было ли это минуту назад... или утром... а может быть, вчера... Он не помнил. Он знал только одно: что-то огорчило, взволновало его. Когда же это было? Он ничего не мог вспомнить. Одно он знал твердо — его огорчил человек; человек встревожил и без того взволнованную душу. Но странно! Ведь кроме сестры он никого еще не видел сегодня. А она сидит сейчас за стеной и, наверное, стегает для него теплое одеяло. Да, похолодало... Никто не приходил, но кто же, кто взволновал его? Впрочем... были из радио...

Взгляд Уча Аргветели задержался на зеленом занавесе. Уча вспомнил свою молодость, теплые ночи, когда он возвращался из театра. Он обязательно открывал настежь это окно — иначе спектакль оставался для него незавершенным, роль недоигранной. Часто он возвращался домой не один. Тогда в этой самой комнате до рассвета грустила гитара, и в бокалах мерцало вино, друзья выходили на балкон и при зыбком свете луны долго говорили о театре, о великом режиссере, о его неустанных поисках. Новое время требовало нового искусства, и это искусство призывало их — молодых актеров.

Прожитые годы представляются Уча лестницей, на которой сменяют друг друга ступени страданий и ступени радостей. 1921 год — это первая ступень; чуть выше и вкось — 1922 год; еще выше — 1923, 1924. Уча поднимается все выше и выше. Поднимается медленно, порой этот подъем невыносимо труден. Уча все же упорно взбирается на следую-

щую ступень. 1925 год. За ним 1926. Последняя ступенька — 1934 год. Вот тут и сорвался Уча. Ступени бегут вниз — и он летит во тьму. Где-то наверху остались лестница, весь мир, а сам он неудержимо скользит вниз. Падение длится долго, бесконечно долго, потому что оно — века... века в обратном порядке — девятнадцатый, восемнадцатый, семнадцатый, шестнадцатый..

— ...Кто убил командора?

— Фуэнте Овехуна!

— ...Кто убил командора?

— Фуэнте Овехуна!

...Вновь проносится Уча через века. Вот женщина в черном смотрит в окно, замерла, ввергнутая в отчаяние. Уча машет ей рукой и вдруг слышит ее голос: «Идет! Идет направо, к синагоге!»

Окно исчезло, исчезла Юдифь...

Вновь несется Уча через века.

Вспоминается Кваркваре¹ — и полные губы Уча трогают легкая усмешка. А «Затмение солнца в Грузии»? Уча беззвучно смеется. Всплывают в памяти голодные студенческие годы... студенческий кружок. Режиссер, приглашенный из театра. А артистов вдруг оказалось удивительно много. Это объяснялось просто — приглашенный режиссер настоял, чтобы по ходу действия подавался настоящий обед. И снова Уча смеется. Наконец воспоминания, как всегда, приводят Уча к одному и тому же — его одевают все в тот же плащ — плащ датского принца, дают ему в руки все ту же шпагу — шпагу датского принца.

«Чувства! Больше чувства!» — и сейчас слышит Уча голос режиссера.

«Чувства! Больше чувства!» Это постоянное требование довело Уча до того, что муки Гамлета превратились в его собственные, образ Гамлета постепенно обрел плоть и кровь, превратился в реальное существо. Так возник новый человек.

¹ Персонаж из пьесы П. Какабадзе «Кваркваре Тутабери».

в котором жили двое — датский принц и он — Уча Аргветели...

Как только Уча оставался один, Гамлет возобладал над ним, и Уча бежал от сцены, потому что сцена вдруг стала враждебной ему, бежал от зрительного зала, потому что не узнавал его. Но ему как воздух было необходимо дыхание театра, свет ramпы, шелест занавеса. Ему непреодолимо хотелось вновь видеть своих товарищей, слышать знакомые реплики, после которых начинались его монологи.

И однажды это всепоглощающее желание превратило маленькую комнату в зал, сам Уча перевоплотился в тысячу зрителей, в тысячу глаз и ушей. Свешивающийся от потолка до пола зеленый занавес каждый вечер поднимался, и в воображении Уча разыгрывалась пьеса, которая шла на сцене театра, за несколько кварталов от дома Аргветели. В первые годы болезни эта иллюзия ничем не отличалась от действительности. Уча наизусть помнил каждую сцену, каждую паузу. И происходило удивительное — когда Уча в своей комнате открывал глаза и в его сознании опускался занавес, что означало конец воображаемого спектакля, под его окнами раздавались шаги и звучали голоса возвращающихся из театра зрителей.

Но с годами способность Уча вызывать эти видения угасала, он забывал последовательность сцен, не мог вспомнить реплик. Да и время делало свое дело: из старых спектаклей в репертуаре театра не осталось почти ни одного, появились новые драматурги, они создали новые, незнакомые Аргветели пьесы. Уча не имел представления о том, что происходило в любимом театре. Это было страшно...

И однажды зимним вечером Уча надел пальто, закутал шею теплым шарфом и незаметно вышел из дому. Неузнанный никем, сидел он на галерке и смотрел новую пьесу. Это было одиннадцать лет тому назад, во время войны.

Прохладные пальцы осторожно коснулись лба Аргветели. Вспугнутые этим прикосновением, мысли тотчас рассеялись. Он поднял глаза — перед ним стояла Нино. В руках она держала пузырек с лекарством.

— Выпей, Уча!

— Опять? Я ведь недавно пил?

— С тех пор прошло четыре часа.

Уча покорно проглотил бесцветную жидкость.

— Нино! Что ты сказала? Что прошло?

— Четыре часа. Я сказала — прошло четыре часа.

— Ну вот! — с облегчением вздохнул больной. — Вспомнил!!

Часы...

Это они разволновали его утром. Нет, не утром — это было ночью.

Уча взглянул на старинные стенные часы. Они шли, отсчитывая минуты, всю его жизнь. Покачивался их маятник и тогда, когда Уча родился, когда учил грузинскую азбуку, когда впервые увидел женщину, которая должна была стать его женой, когда в первый раз вышел на сцену и когда, возвращаясь домой после спектакля, он впервые заметил, что за ним идут молодые почитатели его таланта... Когда в поезде передавали по радио монолог Уриэля Акоста в его исполнении и какой-то мальчик узнал его и поцеловал ему руку... Когда совсем один лежал он в высокой зеленой траве и никто на свете не знал, где был в эти минуты Уча Аргветели...

Маятник все так же покачивался и тогда, когда в стеклах этого окна увидел он удивительно знакомого и в то же время незнакомого человека... и — сорвался с тридцать четвертой ступеньки.

Кто знает, долго ли еще будет раскачиваться этот маятник, долго ли он еще будет перебрасывать минуты справа налево, справа налево?

Да, его взволновали часы, но то — совсем другие часы. Про те часы он прочел в журнале, который вчера вечером принес ему из театральной библиотеки товарищ. В нем —

статья о современном испанском театре, потому-то он и принес его.

Статью Уча прочел вечером тайком от Нино — сестра не разрешала ему читать. Чтение утомляло его. Он хотел было лечь спать, как вдруг его внимание привлек заголовок одной из статей. «Без одной минуты двенадцать» — так называлась статья. Уча прочел первые строки и уже не смог оторваться. Не столько любопытство, сколько страх заставил его дочитать статью до конца. Французский журналист писал об опасности атомной войны. Статья заканчивалась словами: «В США выходит «Бюллетень ученых-атомщиков». На первой странице обложки изображены часы. Раньше их стрелки показывали без восьми двенадцать. После первого взрыва атомной бомбы изображение изменилось: теперь на часах — без трех минут двенадцать. Может быть в это мгновение в нашем распоряжении осталось каких-то шестьдесят секунд?..»

Сам Уча читал газеты очень редко — в те минуты, когда болезнь хотя бы ненадолго отпускала его. Обычно ему читала Нино. Уча был уверен, что находится в курсе всего, что происходит в мире. И вдруг эта статья... Он понял, что сестра, оберегая его покой, многое скрывала от него.

«Через несколько часов после начала атомной войны прекратится на земле существование рода человеческого», — писал французский журналист.

Всю ночь не мог уснуть Уча — всю ночь думал он об этой страшной статье. Оказывается, мир — на грани катастрофы, а он ничего не знал...

И вдруг ему стало мучительно стыдно — он понял, что стремясь уйти от пугавших его видений, он убежал от жизни, от действительности. А может он, Уча Аргветели, еще нужен людям?

Всю ночь он не мог уснуть.

А утром попросил Нино позвонить в радиокомитет. Вот уже год, как

оттуда ему принесли магнитофон, научили им пользоваться, поставили в его комнате и сказали: «Магнитофон к вашим услугам. Запишите что-нибудь, когда захотите».

Но после этого болезнь долго держала его в своих тисках. Так долго, что он забыл, как пользоваться магнитофоном. И вот, только сегодня утром...

Сегодня утром он попросил Нино позвонить в радиокомитет.

3

Подходя к театру Руставели, Леван замедлил шаг. На залитом солнцем тротуаре стояла группа людей. Среди них было несколько молодых артистов. К ним-то и направился Леван.

— Бондо! — окликнул он одного из них. — Можно тебя на минутку?

Темноволосый молодой человек в коричневом пальто подошел к Левану и пожал ему руку.

— Домой, Леван Александрович?

— Нет... У меня к тебе одна просьба, — начал Леван.

— Хоть сто.

— Знаешь, Бондо, я записал Уча Аргветели.

— Не может быть! — У Бондо заблестели глаза. — Вот здорово. Но как это вам удалось?

— Он сам захотел!

— Сам? Удивительно!.. — Бондо задумался.

Некоторое время они шли молча.

— У вас какая-то просьба ко мне, Леван Александрович.

— Да. Зайдем-ка на минуту на студию.

— Хорошо! А в чем дело?

— Я потерял одно слово из записи. Хочу, чтобы ты помог мне восстановить!

— Потеряли? Как потеряли?

— Отрезал, когда монтировал, и теперь не могу найти.

— Рад буду помочь вам. А какое слово?

— «Быть».

Снова помолчали.

— Запись, о которой вы говорили... Чья она?

— Уча Аргветели, — ответил Леван, не поднимая глаз.

— Что? Нет, нет... Я не могу! Не сердитесь, пожалуйста, но я не решусь на это! — замахал руками молодой артист.

— Я очень прошу тебя, — голос Левана прервался. — Может, тебе удастся. Другого выхода я не вижу.

— Нет! Не могу! Узнают — засмеют. Нет! Это просто невозможно, — отказывался Бондо, но когда они вышли из лифта, покорно пошел за Леваном. Искушение было слишком велико — а что, если его голос окажется похожим на голос великого артиста? Тогда навсегда сохранится запись, в которой его голос будет звучать вместе с голосом Уча Аргветели!

Они вошли в студию звукозаписи. Леван запер дверь.

4

Сквозь зеленый занавес просачивался бледный свет.

Скрипнула дверь. В комнату вошла Нино. В ее руках была все та же склянка с лекарством. Привычным движением она положила свою прохладную руку на лоб брата.

— Ну как спалось? —

— Плохо... Сегодня...

— Что сегодня?

— Сегодня мне нехорошо — не смог подняться!

— Ничего. Станет теплее, и все пройдет. Знаешь, какое сейчас солнце!

Уча представил залитые солнцем дома. Таким он когда-то видел Тбилиси через это окно. Теперь, наверное, многое изменилось.

— Да, вчера звонили из радио. Я тебе не говорила, чтобы ты не нервничал.

У Уча перехватило дыхание.

— Что они сказали?..

— Сегодня в двенадцать передача.

— Который час?

— Без двадцати.

— Нинико! Включи радио и оставь меня одного.

— Но ведь ты еще не завтракал.

— Не хочу! Не могу... Ты ведь знаешь, что сейчас я не могу есть. Не сердись. Включи и выйди, пожалуйста!

Нино включила радио и вышла. Передовали какую-то детскую сказку. Уча поправил одеяло, пригладил рукой волосы и устремил взгляд на приемник. Сейчас он услышит свой приговор. Сейчас все решится.

Смерть страшила его не тем, что он никогда больше ничего не увидит, не услышит, не почувствует, не тем, что он навсегда уйдет из жизни. Нет! Было другое — смерть убьет и ту надежду, которая зародилась в нем в первые дни болезни и до сегодняшнего дня служила ему поддержкой. До сегодняшнего дня он верил, что от большого огня, который горел в нем, осталась хотя бы маленькая искорка. Кто знает, может, она еще разгорится. И вот сегодня, сейчас, радио вынесет ему приговор, беспристрастно, безжалостно.

Из-за зеленого занавеса доносилось приглушенное дыхание большого города.

Уча посмотрел на часы и тотчас испуганно закрыл глаза — стрелки уже почти слились у цифры двенадцать. Вот что-то щелкнуло, и диктор спокойным будничным голосом сказал: «Тбилисское время — двенадцать часов. Слушайте передачу — «Народный артист республики Уча Аргветели».

Диктор начал свой рассказ с детства Уча. По его словам получалось, что у Уча очень рано обнаружился артистический талант. Потом его отвезли в город и определили в гимназию. Диктор быстро переводил его из класса в класс, из кружка в кружок, из театра в театр. Вот и 1934 год, тридцать четвертая ступень, с которой он сорвался. Диктор заторопился. Он несколько раз упомянул о его болезни... «Прикован к постели»... «но не сдается»... «и сейчас помнят»... «продолжает»: «блестящее поколение артистов»... «золо-

тыми буквами»... «неизгладимый след»... и, наконец, сказал:

— А сейчас прослушайте монолог Гамлета из второго действия. Читает народный артист республики Уча Аргветели.

Уча замер. Наступившая тишина мурашками побежала по спине. Вот сейчас он услышит правду, тонкий слух уловит ее, и тогда...

Уча с трудом приподнялся, схватился за спинку стула и, толкая его перед собой, направился к приемнику. Поздно... Раздался глубокий вздох, сильный, проникающий в душу. Уча удивился, замер, растерялся...

«Мой голос!.. Мой прежний голос! Голос моей молодости... Мой металл! А я думал, он расплавился двадцать лет назад... Неужели, неужели еще горит во мне эта искра, ради которой я не позволил себе умереть... Мое «быть!»

Гамлет: «Или не быть? Вот в чем вопрос...»

Уча: «Этой искры хватило только на одно слово... на одно только слово... но и этого достаточно. Я не дам ей угаснуть! Я заставлю ее разгореться в пламя. На одно слово... Только на одно слово...»

Гамлет: «Что благороднее: сносить ли гром и стрелы враждующей судьбы или восстать на море бед и кончить их борьбою? Окончить жизнь —...»

Уча (с усилием, медленно приближается к занавесу): «Быть! Быть! Человек рождается для жизни, для счастья! Если бы я был солнцем, я пожелал бы стать человеком, чтоб видеть солнце!.. За этим занавесом дышит мой народ — мое прошлое, мое будущее. Прочь, занавес! Сейчас я впущу в окно мою родину, изменившуюся, ставшую еще прекрасней... Сама жизнь ворвется ко мне, нетерпеливая, неиссякающая».

Собрав последние силы, Уча подходит к окну и сильным движением раздвигает большой зеленый занавес.

Мэлор СТУРУА

Кандалные браслеты „свободного мира“

Институт общественного мнения, возглавляемый Гэлланом (США), проделал однажды весьма любопытный эксперимент. С помощью электронных счетно-вычислительных машин он попытался установить, какое слово чаще всего употребляется в выступлениях и писаниях западных политических и общественных деятелей. Ответ гласил: «свобода».

Что ж, если вдуматься, в этом нет ничего удивительного. Недаром сказано: у кого что болит, тот о том и говорит!

Злоупотребление словом «свобода» среди пропагандистской братии западного мира приняло особо гомерический характер в последнее время. Дело в том, что ее остальные козыри оказались окончательно биты. Еще сравнительно недавно слово «свобода» уступало первенство другому слову — «сила». Тогда было модно демонстрировать атомные бицепсы, а право понималось исключительно как право сильного. Даллесовская политика «с позиции силы» считалась катехизисом государственной мудрости, а ее творец — чемпионом мира в весе... тяжелой воды.

Но с появлением советских спутников и космических кораблей, мегатонных водородных бомб и межконтинентальных баллистических ракет идеологам западного мира пришлось переключиться на «свободу» и эксплуатировать ее по всем правилам эксплуататорского общества — хищнически и без зазрения совести.

И тем не менее слово «свобода» так и не стало для этих господ сказочным Сезамом, врата отворяющим, открывающим им мысли и чувства людей. Не помогают им ни тени великого прошлого — Декларация прав, сработанная Конвентом, Джефферсоном и Вашингтоном, ни призрачные миллиарды долларов и прочей валюты, расходуемых на оболванивание людей. Геббель-

совский рецепт большой лжи все чаще дает осечку. Человечество все лучше иммунизируется против него. Товар буржуазных свобод, который и без того ох, как трудно было сбывать, сейчас еще труднее пустить в оборот, ибо народы узрели подлинные свободы, процветающие в странах социализма. И еще одно обстоятельство. Если раньше эксплуататорские классы могли позволить себе роскошь золотить хотя бы тонким слоем слово «свобода», теперь эта позолота грубо соскабливается нарастающим процессом фашизации и реакции. Таков парадокс — те, кто больше всего кричат о свободе, больше всего боятся ее.

Боятся. Известный американский общественный деятель Ламонт пишет о том, что многие американцы боятся подписать такие документы, как Билль о правах, Декларацию независимости, Конституцию США, думая, что им подсовывают коммунистические листовки. Одна американка заявила по поводу Декларации независимости: «Я поверила бы, что это русская Декларация независимости! Но никогда вы не убедите меня в том, что она наша». Впрочем, что в этом удивительного? Разве не превращены все вышеперечисленные документы в клочок, да еще к тому же опасный клочок бумаги американским законодательством «о подрывной деятельности»? Закон Смита, закон Маккарена, закон Маккарена-Уолтера, закон Браунелла-Батлера и некоторые другие — в них свобода даже не ночевала, или, вернее сказать, ночует только за решеткой и в кандалах.

В. И. Ленин в «Речи об обмане народа лозунгами свобода и равенство» подчеркивал, что «свобода, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала, есть обман». Так было, так есть. «Свободное предпринимательство» означает сказочное обогащение одних и чудовищное обнищание дру-

гих. Американский миллиардер Фанешток, например, абсолютно свободен. Он разбил вокруг своей виллы искусственный фруктовый сад, плоды которого сделаны из... чистого золота! Абсолютно свободна и та жительница нью-йоркских трущоб, у которой, по сообщению журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин», крысы загрызли младенца. Абсолютно свободен миллиардер Гетти, который купил в Англии средневековый замок, разобрал его по камешку, включая фундамент, перевез в разобранном виде через океан и вновь возвел уже на американской земле. Абсолютно свободны и миллионы американских безработных. Они тоже могут жить, где им заблагорассудится. Замки не по карману? Можете спать в мусорных ящиках, под мостом, на скамейке парка! Удивляться здесь не приходится: личное состояние Гетти равняется среднему доходу 350 тысяч американских семей с низким доходом. Так один блаженствует за всех, а все страдают за одного. А на круг — полное равенство, абсолютная свобода! Как заметил иронически один итальянский поэт, «если ваш сосед съел на обед курицу, а вам приходится ложиться натошак, то можете утешать себя тем, что согласно статистике в среднем вы с соседом съели по половине курицы».

Продолжая этот образ, мне хотелось бы привести меткое высказывание французского философа-коммуниста Роже Гароди, сравнившего принципы буржуазной свободы со свободной лисой в свободном курятнике. Причем не всегда это сравнение имеет иносказательный смысл. Вспомним, что среди создателей Британской империи были самые обыкновенные пираты, что основатели многих финансовых династий на Уолл-стрите — это уголовные преступники и бандиты. А всемогущая «Каза ностра», организация гангстеров, терроризирующая население США? Ее доходы превышают доходы американской автомобильной промышленности! Ее главари свободны даже тогда, когда их сажают за решетку. Они продолжают руководить из тюрьмы, принимают клиентов, получают дивиденды, платят налог с прибыли, в общем занимаются нормальной деловой жизнью. Ну чем не абсолютная свобода?!

Буржуазные свободы, будучи еще в колыбели, уже имели намордник. Они родились в нем, куцость была их родимым пятном. Великий Гейне писал:

Мы немецкую свободу
Не оставим босоножкой.
Мы дадим ей в непогоду
И чулочки и сапожки...

Пусть не будет в ней нахальства,
Пусть ее научат быстро

Чтить высокое начальство
И персону бургомистра!

Учтите!

И она чтит персону бургомистра. Затем она научилась чтить персону Гитлера! После войны с помощью западных оккупационных держав ее научили чтить персону Аденауэра. Идеологи западного мира выдают ФРГ за образец демократии, где «немецкая свобода» вновь перестала быть босоножкой. С этим можно согласиться, если только каторжные колодки будут объявлены обувью. Правящие круги Бонна запретили Коммунистическую партию — чем вам не свобода? Они же отменили закон, запрещавший деятельность нацистской партии — вот вам еще одно проявление свободы! Вывод? Хотите быть свободной личностью, будьте фашистом, но не коммунистом; реакционером, но не демократом.

Быть может, в ФРГ дают еще знать о себе гитлеровские корешки и она, что называется, «не показательна»? Пожалуйте в США, обетованную страну буржуазных свобод. И там компартия по существу поставлена вне закона, зато набирает силу фашистская партия Роквелла. А «Общество Джона Берча» уже стало одной из влиятельнейших политических сил в стране. Декларация независимости провозглашает, что «все люди созданы равными», однако 20 миллионов негров испытывают расовый гнет. Они тоже свободны, но лишь при одном «небольшом» условии, если перестанут быть неграми. Расизм с особой силой разоблачает миф о свободах в США, он стал позором Америки. Когда бывший вице-президент США Никсон, находившийся в Гане на празднествах в честь провозглашения ее независимости, обратился к одному негру с вопросом:

— Ну как, хорошо быть свободным? тот ответил:

— Я ничего не знаю о свободе. Я из Алабамы.

Негр свободен учиться вместе с белыми, но чтобы претворить это право в жизнь, студенту Мэрэдиту потребовалась целая дивизия американских вооруженных сил, он стал подсуден суду Линча, его жизнь — сплошной кошмар. Но, говорят глашатаи буржуазных свобод, это — его вина, он был волен не избирать такой путь!

«Охота за ведьмами» — также служит эталоном американских свобод. Она отнюдь не умерла вместе с сенатором Маккарти. Травля физика Оппенгеймера, новые гонения против коммунистов, оскорбления, обрушившиеся на голову ученого Поллинга за то, что он принял Нобелевскую премию мира — достаточно красноречиво свидетельствуют об этом. Муниципалитет города Сан-Диего

в штате Калифорния, приняв решение соорудить памятник жертвам войны, отверг проект надписи на нем, состоявшей из перечисления четырех свобод — свободы от нужды, от страха, свободы слова и вероисповедания. А ведь эти четыре свободы были сформулированы покойным президентом США Франклином Рузвельтом! Но и такой автор не помог. «Свобода от нужды — коммунистический лозунг русских, свобода от страха — их политический лозунг», — возвестили отцы города, накладывая вето на рузвельтовский текст. Свобода — свободой, а проверка лояльности в первую очередь.

Не менее удивительные трансформации претерпевает слово «свобода» и во внешнеполитической области. Капиталистический мир узурпировал право именовать себя «свободным миром». Небезынтересна история возникновения этого термина. Его автором считают экс-президента США Гарри Трумэна. Слова «свободный мир» он впервые применил в своей речи 12 марта 1947 года на объединенном заседании обеих палат конгресса, в которой была сформулирована пресловутая «доктрина Трумэна». Символическое совпадение! Слова «свободный мир» были впервые произнесены в связи с провозглашением доктрины установления мирового господства США. Конечно, мистер Трумэн выразился более изящно. Он призвал «помочь свободным народам определять свою собственную судьбу своим собственным путем».

Что же представляет собой «свободный мир»? Американский журналист Сайрус Сульцбергер удосужился подсчитать, что это понятие объемлет 72 страны. Он тут же признает, что «49 из них управляются либо диктаторами, либо олигархиями... В некоторых существует система экономического феодализма». Вот тебе и «свободный мир»!

Если очистить этот термин от пропагандистской шелухи, то мы получим систему агрессивных военных блоков, на вершине которой взгромоздилась НАТО, управляемая из Вашингтона. Агрессивная, реакционная сущность этих блоков, созданных якобы для защиты свободы, достаточно ярко проступает даже при простом перечислении их участников. «Ни Турция, ни Португалия — два наших союзника по НАТО, — пишет тот же Сульцбергер, — даже отдаленно не напоминают джефферсоновскую демократию... Лишь немногие стали бы утверждать, что, укрепляя деспотизм Франко, диктатуру Чан Кай-ши или рабовладельческий деспотизм... мы проводим в жизнь принципы Джефферсона».

Справедливости ради надо сказать, что принципам Джефферсона мало со-

ответствуют и сами США, которые все больше превращаются, по словам С. Олсопа, в «гарнизонное государство». Отсюда и их внешняя политика. Журнал «Нейшн» пишет, что США стали Меттернихом XX века, стремящимся подавить любое революционное движение в любой части земного шара. Вот вам и оплот «свободного мира»! И каким цинизмом звучат после этого высокопарные слова бывшего президента США — Эйзенхауэра: «В нашей шкале ценностей мы выше всего ставим свободу: все наше национальное развитие было связано с этим основным понятием, и именно благодаря ему мы добились положения лидера свободного мира».

Характерная деталь — по словам того же Эйзенхауэра, лучшим видом социального обеспечения является... тюремное заключение! В этом есть своя логика. Недаром ведь агрессивные блоки под эгидой США называются тюрьмами для народов. Это, так сказать, социальное обеспечение в глобальном масштабе!

В свое время Джефферсон провозгласил еще одну свободу — «право народа изменять или устранять правительство». Но когда народ Кубы сверг диктатора Батисту, страна Джефферсона бросила против острова Свободы своих наемников, ибо эта была подлинная свобода, а не скроенная в кабинетах Пентагона и госдепартамента США. Аналогичные события имели место в Доминиканской республике. Короче говоря, Меттерних трудится в поте лица своего, дабы «свободный мир» не потерял, упаси боже, ни крохи от своих свобод.

Но, пребывая в этих трудах, правящие круги США настолько заиграли свои пропагандистские пластинки, что к ним перестают прислушиваться даже люди по ту сторону реального, а не идеального «железного занавеса». Вот что пишет, например, мексиканская буржуазная газета «Универсаль»: «На Западе говорят о «свободном мире», о «демократии», о «свободном предпринимательстве», о «свободе». Что же означают на деле все эти лозунги, которые ежедневно повторяются в газетах и журналах, в речах и заявлениях? Свободный мир? Свободный от чего? Каким образом свободный? Считают ли себя свободными корейцы из южной части страны, негры в Южной Африке и в Соединенных Штатах? Считают ли себя свободными доминиканцы и многие другие народы, страдающие от диктатуры олигархий в Латинской Америке? Свобода, которой пользуются эти граждане «свободного мира», очевидно, имеет для них совсем иное значение, нежели «свобода» в понимании пропагандистов «свободного мира».

«Мир лжи, коррупции и обмана» —

так была озаглавлена эта статья. Да, ложь и обман — таковы альфа и омега вашингтонской пропаганды. Свои колониальные разведывательные отряды она именуется «Корпусом мира», а петлю на шею народов Латинской Америки — «Союзом ради прогресса».

Сейчас, когда в мире идет бескомпромиссная схватка двух идеологий — коммунистической и буржуазной — особое значение приобретает разоблачение еще одного мифа, мифа о «свободе творчества», которой якобы обладает художник в капиталистическом обществе. Еще в начале века в статье «Партийная организация и партийная литература» В. И. Ленин писал: «В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? От вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза... Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания».

Как убийственно и актуально звучат эти ленинские слова в наши дни! Они буквально бьют наповал апологетов «свободы творчества».

Здесь надо подчеркнуть одно важное обстоятельство. Многие художники на Западе иногда искренне считают, что творят свободно. Но как писал великий Гете, «никто не является рабом в большей степени, чем тот, кто считает себя свободным, не будучи свободным на деле». Для таких художников свобода — это осознанная необходимость творить не для народа, а на потребу денежного мешка, осознанная необходимость потрафлять денежному мешку, чтобы не умереть с голоду. Характеризуя так называемую «свободу слова» на Западе, бывший редактор газеты «Нью-Йорк таймс» Джон Суинтон писал: «Журналист волен искажать правду, открыто лгать, извращать факты, поносить людей, валяться в ногах Маммоны... Мы орудие и вассалы богачей, действующих за кулисами. Мы марионетки: они потянут за веревочку, и мы танцуем. Наши таланты, наши возможности и наша жизнь — все это является собственностью других людей. Мы — интеллектуальные проститутки».

Журналисту Джону Суинтону вторит

недавно умерший «отец кибернетики» Норберт Винер: «От всего сердца я соболезную современному поколению ученых, — пишет он в книге «Искусство математик», — многие из которых, хотя они того или нет, осуждены «духом времени» быть интеллектуальными лакеями и звонарями». Как видим, почти текстуальное совпадение!

В том же положении, что и журналисты и ученые, находятся и деятели искусства, литературы. Вот вопль души западногерманской газеты «Культур»: «Никто не обращает внимания на то, что около тридцати тысяч деятелей культуры с семьями влачат жалкое существование, прозябая в совершенно невыносимых условиях... Изобретение «вечного двигателя» кажется несложной технической проблемой по сравнению с попыткой всех этих писателей и художников заниматься творчеством, не смотря на постоянную нужду».

Буржуазная пропаганда, провозглашающая принцип мирного сосуществования в области идеологии, навязывающая нам этот принцип, в своей практике так же далека от его применения, как небо от земли. Любая попытка творить свободно, говорить правду пресекается властью имущими самым грубым образом. Недаром один американский писатель озаглавил книгу о нравах, царящих в среде интеллигенции США, следующим образом: «Сказал правду — беги». Тот, кто не успевает унести ноги, может оказаться за решеткой или перед лицом инквизиторов из комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Вспомним судьбу многих прогрессивных сценаристов, режиссеров и актеров Голливуда, вспомним акции Ватикана против демократически настроенных кинематографистов Италии.

О том, насколько свободен художник в «свободном мире», свидетельствуют такие почти что анекдотические факты. Голливудскую студию «Монограмм» вынудили отказаться от экранизации поэмы Лонгфелло о Гайавате, усмотрев в ней... коммунистическую пропаганду! Вот что писала по этому поводу газета «Нью-Йорк таймс»: «По сообщению представителя студии, деятельность Гайаваты в качестве миротворца среди враждующих индейцев того времени, приведшая к союзу пяти племен, заставила призадуматься студию «Монограмм». Было решено, что на фильм благодаря этому могут посмотреть как на призыв к миру, и, следовательно, он содействовал бы целям коммунистов». Та же судьба постигла баллады о Робин Гуде и комедии Аристофана.

Когда известная перуанская певица Има Сумак исполнила «Гимн солнцу», подкомиссия сената США по вопросам внутренней безопасности вызвала перед

очи свои автора этой песни композитора М. Виванко и в течение нескольких часов с пристрастием допрашивала его, не является ли «Гимн солнцу» коммунистической пропагандой? И, наконец, еще один совершенно курьезный факт. В Калифорнии местные власти выбросили из школьного сборника песенку «Взмахни сверкающим серпом». Они усмотрели в нем «подрывной символ серпа и молота», хотя песенка эта была сочинена еще в прошлом веке и исполнялась при уборке урожая американскими фермерами.

Заблуждаются те, кто думает, что гонения на деятелей культуры Запада ограничиваются областью содержания, а вот в вопросах формы — тут уж полная свобода! Такая постановка вопроса наивна уже потому, что содержание и форма не могут быть абстрагированы друг от друга. Жрецы «свободного мира» неспроста покровительствуют формализму и абстракционизму в живописи, распаду слова и «антироману» в литературе. Дело не только, да и не столько в том, что подобные выверты щекочут извращенные вкусы пресыщенных меценатов. Дело в том, что тем самым рубится под корень демократическая направленность литературы и искусства, они отрываются от широких народных масс, противопоставляются им. Используя мощные рычаги экономического и внеэкономического принуждения, власть имущие диктуют художнику именно тот стиль, который им выгоден, причем отнюдь не с эстетической, а узкоклассовой точки зрения.

Маркс и Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии» беспощадно сорвали флер благородства и святости с таких понятий, как любовь, брак, семья в буржуазном обществе. И в данном случае ни о какой свободе не может быть и речи. Человек в мире чистогана является предметом купли-продажи вместе со своими мыслями и чувствами. Конечно, это не следует понимать упрощенно. Энгельс указывал в «Анти-Дюринге», что «люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение...»

И вот брак становится не свободным актом двух любящих сердец, а коммерческой сделкой, замужество — узаконенной проституцией. Возьмем для примера Западную Германию, страну, «экономического чуда». По официальным данным ЮНЕСКО, десять с половиной миллионов замужних женщин — 81 процент всех женщин ФРГ, состоящих в браке, несчастливы в замужестве. Западная Германия возглавляет список стран с наибольшим количеством

разводов. Ежегодно их число достигает 50 000, то есть 130 разводов в день. В этом нет ничего удивительного. Вот что пишет по этому поводу западногерманский журнал «Ревю»: «Только 16 процентов мужчин в ФРГ женятся по любви. 32 процента опрошенных женщин были достаточно искренними, чтобы признаться: материальные выгоды самое важное при заключении брака. Лишь 45 процентов мужей довольны своим браком... Институт брака в том виде, в каком мы его знаем, мертв».

Зато процветает институт проституции, в которую все больше вырождается свобода любви в «свободном мире». Пять с небольшим лет назад, 20 сентября 1958 года в Италии вступил в силу «закон Мерлин¹ о закрытии домов терпимости». Но проституция в Италии после принятия этого закона не только не исчезла, но еще больше увеличилась. Журнал «Экспрессо» пишет, что «сейчас исчезла разница между «зарегистрированными» проститутками и нелегальными. Каждая из «гулящих», число которых непрерывно растет, рекламирует саму себя и свою профессию. На улицах господствует закон свободного рынка». Журнал сообщает, что недавно в районе Греко, в нескольких километрах от центра Милана был обнаружен нелегальный дом терпимости, называвшийся «Ноев ковчег». Поистине символическое название — в Ноевом ковчеге «свободного мира» собраны все «нечистые»!

Падение нравов в буржуазном обществе — процесс закономерный. Культ секса процветает в нем потому, что это — доходный бизнес. А бизнесу безразлично, что в жертву ему приносятся миллионы и миллионы растленных душ. Это, так сказать, «накладные расходы». Маленькая девочка «свободна» торговать собой на панели, маленький мальчик «свободен» стать убийцей. Об их свободе денно и ночью печется бизнес. Сколько девушек было обманутым образом «законтрактовано» или попросту похищено для того, чтобы украсить дома терпимости цивилизованного мира и гаремы феодальных владык. Стриптиз — «свобода» раздеваться в танце перед публикой, завоевал зрелищные подмостки только потому, что это доходное дело. Кинематография ужасов, комиксы, прославляющие гангстеризм, пользуются неограниченной свободой только потому, что чеканят звонкую монету.

¹ Анджелина Мерлин, сенатор, член социалистической партии Италии, автор законопроекта о ликвидации домов терпимости.

До каких глубин морального падения дошел «свободный мир», свидетельствует новый бестселлер, завоевавший американский книжный рынок — «Половая жизнь одинокой женщины», написанный некой миссис Элен Гарвей Браун. Это — бесстыдный панегирик распутству, своеобразная библия аморальности. «Я не делаю никаких моральных выводов, — откровенно заявляет автор. — Я лишь открыто рассказываю о том, что все знают... Я не принуждаю замужних и женатых к прелюбодеянию, я всего лишь просто говорю им — если вы решились согрешить, сумеете выжать из этого максимум». Автор основывается при этом на своем богатом личном опыте. «Я не была красавицей, — пишет она, — и тем не менее в течение последних семнадцати лет я жила с двумя генералами, одним пивоваром, издателем, страховым агентом и так далее...» («и так далее» — слова автора, а не наши. М. С.). Когда миссис Браун задали вопрос — не является ли ее книга защитой проституции, то она ответила: «Все женщины, каких бы строгих моральных устоев они до этого ни при-

держивались, в определенных условиях не должны мешать себе проституировать». Вот уж поистине неограниченная свобода! Еще дальше заходит другой воитель свободы — некая Мария Манн. Она утверждает, что женщина свободна от обязанности создавать потомство, а родители — от обязанности перед обществом за воспитание детей.

Но самое страшное не в этом. «Свободное творчество» Браун и Манн не только не запрещается, но и всюду популяризируется в США. Вышеупомянутая книга Браун разошлась в миллионных тиражах. Голливуд уже купил право на ее экранизацию. Будущая, еще не написанная книга Браун «Секс и служба» стала объектом битвы между издателями. А сама миссис Браун записывает на пластинку «Уроки любви», которые наводняют рынок. Ничего не поделаешь, музыку заказывает тот, кто платит.

Таков «свободный мир» капитализма. Таковы его политика, его «культура», его мораль. Таковы его «свободы», кандалными браслетами охватывающие и все общество, и отдельную личность.

Р. ШЕНГЕЛИА

Абстракционизм — отрицание искусства и эстетики

В послевоенные годы на буржуазном Западе — во Франции, Италии, США и в других странах — особое распространение получило так называемое беспредметное искусство — абстракционизм.

Абстракционизм пришел в историю искусства не только как некоторое направление, но и как определенная теория художественного творчества. Существует как абстрактное искусство, так и абстракционистская эстетика.

У абстракционизма нашлись свои последователи и в странах социалистического лагеря, как, например, в Польше, его влияние сказалось и на творчестве некоторых советских художников. В силу этого рассмотрение абстракционизма, его изучение и обстоятельная критика стали не только теоретической, но и общественно актуальной задачей.

Абстракционистское течение в искусстве возникло на основе определенных социальных условий в результате доведения до крайности определенных тенденций в развитии искусства и идеалистической эстетической теории. Критическая оценка абстракционизма требует учета и соответствующей характеристики причин и условий его возникновения.

В первую очередь об определении абстракционизма. Абстракционизм часто называют беспредметным искусством. В этом наименовании учтена его известная характерная черта. В некоторых случаях абстракционизм называют неизобразительным искусством. И здесь имеются в виду его определенные особенности. В западноевропейской критике и в искусствоведении распространено определение абстракционизма, принадлежащее старому поклоннику этого течения, французскому писателю Мишелю Сефору. «Я называю абстрактным искусством всякое искусство, которое не содержит никакого понимания, никакого отблеска наблюдавшейся действительности, все

равно была или не была эта реальность точкой отправления для художника»¹.

Таким образом, абстракционизм, по определению самих сторонников этого течения, есть такое искусство, в котором нет никакого указания на действительность. Поэтому абстракционисты считают свое творчество принципиально новым направлением в истории искусства. Исходя из «оригинального» понимания искусства, они выступают против реализма, против такого искусства, которое считает предметом эстетического освоения определенные реальные объекты. Никакой уступки по отношению к реальной действительности абстракционисты не допускают. «В любом, сколь угодно стилизованном и схематизированном изобразительном искусстве, мы можем еще различить тот объект, который предвзврил акт творчества, в то время как истинное абстрактное искусство не имеет прецедента в природе, не имеет прототипа в мире предметов и существ»².

Один из основоположников абстрактного искусства Казимир Малевич прямо заявляет, что искусство творит свое содержание из ничего. Художественная форма есть та активная сила, которая сама творит, сама формирует. «Интуитивная форма должна выйти из ничего. Так же как и разум, творящий вещи для обихода жизни, выводит их из ничего и совершенствует»³.

Из приведенных определений и характеристик абстрактного искусства видно, что оно означает полный отрыв от внешнего мира, следовательно, ликвидацию возможности изобразительного

¹ Современное изобразительное искусство капиталистических стран. М., 1961, стр. 11.

² Там же, стр. 12.

³ К. Малевич. От кубизма и футуризма к супрематизму, стр. 20.

искусства. Предметная характеристика содержания абстрактного искусства невозможна. Поэтому-то и характеризуют его как беспредметное, неизобразительное искусство.

Такая характеристика абстрактного искусства с определенной точки зрения правильна, поскольку она указывает на его отличие от других направлений искусства, например, реалистической живописи. Однако вообще характеристика абстрактного искусства, как искусства беспредметного, неверна. С общезстетической точки зрения абстрактное искусство не беспредметно. И это обстоятельство имеет важное значение для критики абстракционизма.

Когда представители абстрактного искусства Кандинский, Малевич, Клее и другие называют свое искусство беспредметным, они имеют в виду именно живопись. Абстрактная живопись не берет для изображения какой-либо объективный предмет или обстоятельство. Интерпретация его содержания невозможна в соответствии с действительностью, данной в обычном опыте. Абстрактная картина не похожа ни на какой предмет или существо реальной действительности. Правда, никакое живописное полотно не есть прямая и точная копия реальных предметов. В любой картине преобразованы, преувеличены или приглушены какие-то черты или свойства реального предмета, но в неабстрактной картине всегда можно понять, какие предметы реальной действительности изобразил художник и как он их преобразил. Иначе обстоит дело в абстрактном искусстве. Когда мы говорим о непонятности абстрактной картины, то хотим этим сказать, что, например, «Композиция № 2» Кандинского ни на что в действительности не похожа. И именно в этом смысле она беспредметна, т. е. не изображает ничего объективно реального. Если говорить точнее, надо сказать, что у содержания абстрактной картины нет объекта в реальной действительности. Оно не отображает ничего объективного, объективное не участвует в картине, не является ее частью. Короче говоря, беспредметность абстрактного искусства означает отсутствие для него предмета изображения в объективной действительности. И поскольку живопись до возникновения абстрактного искусства всегда имела отношение к объективной действительности (хотя иногда и извращала, деформировала, схематизировала ее), абстрактное же искусство отвернулось от объективного вообще, постольку абстрактная живопись беспредметна. Но как искусство вообще она не беспредметна.

Понятие «предмет искусства» употребляется не только для характеристики отношения произведения искусства к предмету изображения, т. е. к объектив-

ной действительности, но и для указания на особенности самого изображения. В этом смысле предмет искусства — это содержание, переданное в том или ином художественном произведении.

Существуют такие виды искусства, которые не передают никакого содержания, и в этом смысле беспредметны. Таких, например, орнамент.

Можно ли сказать, что абстрактное искусство бессодержательно, т. е. беспредметно в этом смысле?

В этой связи заслуживает интереса мнение самих абстракционистов о содержательности их искусства. Например, кубинский абстракционист, ортодоксальный последователь Кандинского Отеро Родригес ответил на упрек абстракционистам, что они игнорируют судьбу людей, ибо в их произведениях не видно драмы человека, так: «Мы, художники-абстракционисты, ведем с человеком диалог и участвуем в его драме, но не как наблюдатели, а как неотъемлемые участники его драмы и его бытия»¹.

Примерно то же самое имел в виду Кандинский, когда писал: «Человек не на моей картине, а в ней». Известно и то, как протестовал Малевич против отождествления абстрактного искусства с орнаментикой. Кандинский и Малевич неоднократно говорили, что их искусство выражает глубочайшее субъективное состояние, «чистое чувство» (Кандинский), «чистую мысль» (Малевич). Какова природа содержания, т. е. предмета выражения абстрактного искусства, это другой вопрос и этого мы коснемся ниже. Здесь же следует отметить, что абстрактное искусство выражает определенное содержание и постольку оно не беспредметно. В противном случае была бы непонятной борьба абстракционистов против формализма.

Это обстоятельство заслуживает особого внимания. Абстрактное искусство не есть только упражнения в области формы; оно выражает определенное содержание, имеющее вполне определенный социальный смысл. Абстракционистское искусство социально реакционно, и признание того, что оно есть выразитель интересов определенного класса, есть уже признание того, что оно имеет известное содержание и не беспредметно.

Как было сказано выше, абстракционизм следует рассматривать как доведенную до крайности некоторую тенденцию в развитии искусства. Если бы абстрактное искусство не имело никакого объективного основания, оно и не возникло бы или его возникновение было бы чудом. Порок абстракционизма за-

¹ Хуан Маринельо. Беседа с нашими художниками-абстракционистами, стр. 35.

ключается именно в чрезмерном преувеличении, доведении до абсурда определенной черты, присущей искусству. И чтобы понять порочность абстракционизма, надо знать и то основание, на котором оно возникло.

Какова же та объективная тенденция в искусстве, доведение которой до абсурда приводит к абстракционизму?

Абстракционистская эстетика — это главным образом теория живописи, абстракционизм как направление искусства возник сначала в живописи. Его крупные практики и теоретики — это художники.

Какую же тенденцию можно заметить в изобразительном искусстве? Оно никогда не передавало изображаемый предмет точно таким, каков он в действительности. Оно видоизменяло его, и это видоизменение, трансформация определялись выявлением, выражением субъективного отношения художника к изображенному. Вообще говоря, объективное в изобразительном искусстве выражало и субъективное. В истории искусства были и такие направления, в которых объективное служило лишь средством выражения субъективного. Таков, например, экспрессионизм. В нем дело представлено так, что выражение субъективного не согласовывается с объективным предметом и нужно преобразовать, видоизменить его. Предмет выступает как бы в служебной роли.

Перенесение объективного предмета на второй план характерно и для импрессионизма, хотя здесь ограничение роли предметного и мотивируется иными соображениями. Джон Ревалд пишет в книге «История импрессионизма»: «Стремление трактовать сюжет ради его живописного тона, а не ради самого сюжета, вот что отличает импрессионистов от других художников»¹.

Из сказанного ясно, что в живописи наблюдалась тенденция превращения предмета изображения в средство, т. е. тенденция усиления активности художника. Доведение до крайности этой тенденции и характеризует абстракционизм. у абстракционистов возникла мысль об особом способе выражения субъективного, для которого (способа) изображение предметного, объективного обстоятельства было бы уже не средством, а только помехой. Отсюда попытка полного отказа от объективной действительности, полного забвения реальности, т. е. попытка создания абстрактного, так называемого беспредметного искусства.

Для понимания генезиса абстрактного искусства весьма интересны воспоминания одного из его основоположников — В. Кандинского о собственной творческой

эволюции, переданные в его сочинении с достаточно многозначительным заглавием «Ступени».

По признанию Кандинского, особенно сильно на его творческую эволюцию подействовало два фактора. Одним из этих факторов он называет расщепление атома, второй же имеет чисто художественную природу. Как известно, Кандинский родился в России и здесь же провел большую часть своей жизни. Он сам отмечает, что вырос на традициях русской реалистической живописи и испытывал ее сильное влияние.

Но однажды в Москве он увидел выставку французских импрессионистов, которая и оказала на него роковое влияние. Кандинский так описывает этот факт. На выставке была, между прочим, и картина Клода Моне «Сток сена». Кандинский пишет, что без каталога он никак не понял бы, что это именно сток сена. «Мне казалось, что художник не вправе писать так неясно. Смутно чувствовалось мне, что в этой картине нет предмета. Но восхищался красотой картины»¹.

В творчестве Кандинского постепенно начинает намечаться стремление к внутреннему, сокровенному. Он стремится в каждом предмете, в каждом явлении открыть его внутреннюю сущность, увидеть его «душу».

Как особенно важную деталь Кандинский отмечает свое путешествие по среднерусским поселкам и деревням и то впечатление, которое произвел на него живописный тон русской деревни. «Тут я выучился не глядеть на картину со стороны, а самому вращаться в картине, в ней жить»².

В течение нескольких лет Кандинский настойчиво ищет средства для того, чтобы ввести зрителя в картину, заставить его жить в ней, самозабвенно раствориться в ней. На пути выработки этих средств он постепенно привык опускать предмет в картину. Он стремится к передаче «души» предмета «музыкой красок».

Очень примечательно для характеристики душевной эволюции Кандинского одно его признание: «Все явило мне свой лик, свою внутреннюю сущность, тайную душу, которая чаще молчит, чем говорит. Так ожила для меня каждая точка и линия и явила мне свою душу. Этого было достаточно, чтобы «понять» всем существом, всеми чувствами возможность и наличность искусства, называемого ниже в отличие от «предметного» — «абстрактным»³.

Вскоре наступил и переломный момент. Однажды в Мюнхене Кандинский, вернувшись поздно вечером после зарисо-

¹ Джон Ревалд. История импрессионизма, стр. 227.

¹ В. Кандинский. Ступени, стр. 17.

² Там же, стр. 28.

³ Там же, стр. 15.

вок окраин города, был поражен неожиданным зрелищем. Он увидел неопределимо красивую, горящую внутренним светом картину. Сперва он поразился, но потом увидел, что это была его картина, стоящая боком у стены. Утром Кандинский попытался повторить эффект, но тщетно. Из-за света он различал на картине предметы. И он сделал вывод: «В общем мне стало в этот день бесспорно ясно, что предметность вредна моим картинам»¹.

С этих пор Кандинский начинает мучительные поиски того, чем должен быть заменен в картине предмет. «Опасность орнаментики была мне ясна, мертвая обманная жизнь стилизованных форм была мне противна»².

Кандинский отрицает создание форм путем логического размышления, но не выносит и бессодержательной формы. Формы, которые он должен был выразить, возникают сами собой в период духовной экзальтации. Возникновение формы похоже на физические роды. Творчество художника есть творение нового мира, и этот мир также возникает из хаоса и бурь, как и реальный мир.

Кандинский подчеркивает, что искусство ценно для него не потому, что оно существует в определенных формах, а потому, что выражает внутреннее стремление человека. Искусство для Кандинского есть выражение некоторого содержания.

Кандинский заявляет, что для понимания его искусства требуется духовное развитие людей, и возможности такого развития он видит в будущем развитии философии. «Думается, что будущая философия, помимо сущности вещей, займется с особой внимательностью их духом... Путем этой новой способности родится наслаждение абстрактным, — по мнению Кандинского, — абсолютным искусством».

Все сказанное выше делает понятным одну особенность абстракционизма. Он не есть искусство народа. По мысли самих основоположников этого течения, понимание абстрактного искусства есть лишь удел избранных. Абстракционистская эстетика признает абстрактное искусство искусством узкого круга людей, «аристократии».

Нельзя лучше показать противоположность абстрактного искусства искусству социалистического реализма. Социалистическое искусство — это искусство народа и для народа, выражение его чаяний, стремлений, удовлетворение его эстетической потребности; поэтому оно демократично и гуманно. Абстракционизм, напротив, аристократичен и негуманен. «Дегуманизация искусства» — так назвал тенденцию подобного искус-

ства к замыканию в узко индивидуальные рамки, к отказу от интересов народа, к «очищению» искусства Хосе Ортега-и-Гассет.

Тенденция к «дегуманизации» искусства стала действительностью на почве внутреннего разложения современного капиталистического общества. Крайний индивидуализм капиталистического общества, замыкание в узколичные рамки послужили социальным основанием абстрактного искусства. Поэтому-то и проникнут абстракционизм отчаянием, чувством безысходности. Содержание абстрактного искусства — это беспорядочные, хаотические галлюцинации человека, не видящего никакого выхода из капиталистического ада.

Художники-абстракционисты так часто теоретизируют, так часто занимаются эстетической оценкой своих собственных творений, пытаются оправдаться и оправдать свое искусство, что уже одно это вызывает сомнение в правомерности абстрактного искусства.

Одна из таких попыток оправдания и обоснования абстрактного искусства, пользующаяся большой популярностью среди его сторонников, дана в книге Кандинского «О духовном искусстве».

В основе эстетических воззрений, изложенных в работе Кандинского, лежит представление о духовной сущности мира. По его мнению, у каждого предмета, явления своя душа, своя жизнь. Своя душа и жизнь есть не только у предметов и явлений природы, но и у геометрических фигур.

Назначение искусства Кандинский определяет опять-таки исходя из совершенно произвольного предположения о будущем мира вещей. По его мнению, данный мир, данное общество ожидает гибель и следует подготовить людей к соединению с грядущим миром, с царством духа.

Как было уже сказано, абстрактное искусство родилось в результате отказа от изображения объективных вещей, зримого мира. Абстрактное искусство отвернулось от той действительности, которая искони была объектом отображения искусства. Поэтому вопрос о том, что же изображает или выражает абстрактное искусство, имеет принципиальное значение.

Среди самих абстракционистов нет единства мнения о том, что же должно выражать их искусство. Исследователи абстракционизма различают в нем два основных направления, связанных с двумя его основоположниками — Кандинским и Малевичем.

Оба направления согласны в том, что истинная цель искусства — выражение «внутреннего объекта». Но сам этот «внутренний объект» они понимают по-разному и, соответственно, выражают его в разных формах.

¹ В. Кандинский. Ступени, стр. 29.

² Там же.

Последователи Малевича Мондриан и неопластики считают, что «внутренний объект» — это отблеск в душе человека вечной, божественной идеи «космического равновесия». Это своеобразная, первичная математическая формула, на которой сотворены богом все вещи, включая человека. Задача искусства — выявить в каждом предмете и в человеке в чистом виде ту универсальную силу, которая есть в каждом предмете и тождественна тому, что раньше именовалось божеством.

Выявление этой универсальной первоосновы — «космического равновесия» возможно, например, по мнению Мондриана и неопластиков, посредством так называемой «денатурализации». Денатурализация означает очищение предмета от всех признаков, которые не первичны и не универсальны. После такой денатурализации от реальных предметов остаются только общие схемы, геометрические фигуры. Поэтому понятен интерес Малевича к изображению квадрата, что завершилось сенсационным итогом — «изображением» белого квадрата на белом фоне.

Процесс денатурализации считается завершенным лишь тогда, когда будет получена геометрическая фигура, свободная от всех случайных свойств.

По мнению последователей Кандинского, «внутренний объект искусства» есть не чистая мысль, а «чистое чувство», «чистая эмоция». Положительно охарактеризовать эту «чистую эмоцию» нельзя. В теоретических трудах Кандинского и его последователей даются только ее негативные определения. О «чистом чувстве» говорят как о «неуловимом», неизъяснимом феномене. Для Кандинского «чистая эмоция» есть «туманное чувство».

При чтении работ Кандинского создается впечатление, что по его мнению искусство должно выражать экзальтированное, болезненно возбужденное состояние души художника, необъяснимые темные вибрации его души; иначе говоря, состояние души, которое вообще нельзя высказать и тем более изобразить.

Сам Кандинский чувствует здесь неловкость и признает, что его картины нельзя созерцать; их нельзя восприни-

мать извне. Точнее говоря, они и не есть картины. По словам самого Кандинского, у его искусства должны быть не зрители, а участники, кто создает картины. Следовательно, его искусство есть искусство для художника. Отрицание объективного момента в картине чрезмерно преувеличило активность зрителя, потребовало его превращения в художника, т. е. упразднило искусство.

В своих «картинах» Кандинский дает, если можно так выразиться, только материал, который в художественное произведение должен превратить зритель. Но зритель должен был бы постигнуть то, что ему дано, здесь же ему фактически не дается ничего, так как «чистая эмоция» есть лишь способность чувствовать, а не что-либо определенное.

Абстракционизм, следовательно, означает разрыв не только с прежними формами изобразительного искусства, но и с искусством вообще. Это вынужден был признать один из вождей абстракционизма Казимир Малевич: «О живописи в супрематизме не может быть и речи. Живопись давно изжита, и сам художник — предрассудок прошлого»¹.

Таким образом, абстракционизм, как течение в изобразительном искусстве, есть субъективизм, доведенный до произвола, полного отрицания порядка и разума. бессмысленное метание больной души, социальной основой чего является изживший себя капиталистический мир. Из-за чрезмерного «очищения» содержания абстракционизму уже нечего выражать, и в результате этого излишним оказалось и средство выражения — форма; абстракционисты, израсходовав свой талант на хаотическую мазню, вынуждены, по примеру Малевича, бросать кисть. Эта необходимость уже давно претворяется в жизнь. Уже закатилась пора «триумфальных побед» абстракционизма. Сегодня в самих капиталистических странах осталось мало людей, искренне увлеченных абстракционизмом.

¹ К. Малевич. От кубизма и футуризма к супрематизму, стр. 20.

Серги ЧИЛАЯ

Поэзия гор

Среди наиболее интересных произведений грузинских поэтов, созданных за последнее время, нельзя не отметить книгу стихов Реваза Маргиани, выпущенную издательством «Сабчота мцерали».

Вот уже тридцать лет, как Р. Маргиани пришел в грузинскую поэзию. Первые же его стихи привлекли к себе внимание читателей. Уже в «Мирангуле» проявилась та оригинальная, романтическая интонация, которая сразу покорила любителей поэзии. Казалось, раскаты горного эха и гул Ингури в этом стихотворении перекликаются с торжественным, возвышенным «Лилео».

Эта новая интонация, принесенная Р. Маргиани с далеких гор Сванетии, навсегда осталась в его стихах. И в этом — отличительная особенность и достоинство его как поэта. Доказательство тому книга стихов «Опять новое». Листаешь ее, и кажется, с гор в лицо тебе повеяло знакомой свежестью...

Перечитывая стихи Р. Маргиани, я невольно вспомнил следующие слова, приведенные известным ученым и писателем Павле Ингороква в его труде «Эпилог Руствелиани»: «Возвеличь... единую Грузию и единых сванов и ущелье Латали, возвеличь создателя твоего селения Лаили и ущелья, возвеличившие тебя!..»

Эта надпись была сделана в XIII веке не где-либо в культурном центре, а в заброшенном горном селении Лаили, в далекой Сванетии...

Какое поразительное национальное самосознание, какая значительная надпись! Она звучит, как национальная молитва, и каждый честный грузин в любом уголке Грузии с детства повторял ее вместе со словами колыбельной.

Когда читаешь патриотические стихи Реваза Маргиани, кажется, что в них

звучат слова из приведенной выше сванской надписи. Поэт спрашивает: «Смогу ли я прожить без Ингури, без Сванетии?» И сам же отвечает, что не сможет жить без Ингури и Сванетии, так же как и без Арагви, Риони, да и вообще без Родины. И кому, как не Отчизне, частицей которой является Советская Сванетия, должен быть верен он?!

Так поэт создает картину единства Грузии, выражает свои патриотические настроения. Наиболее четко они проявились в стихотворении «Росток». В Тбилиси, — говорит поэт, — я вольно пустил корни и расцвел так же, как в Сванетии.

Чувства Р. Маргиани, нашедшие отражение в его стихах о Родине, это — чистый, высокий советский патриотизм, который освещает нам путь в будущее, рождает в нас неувядаемые чувства братства и дружбы.

Реваз Маргиани, как поэт, наблюдает за своей страной, за всем происходящим вокруг него, обычно из одной точки. Эта точка — Сванетия, которая всегда присутствует в его стихах, то явно, то хотя бы намеком. Сванетия — это тот наблюдательный пункт, откуда поэт зорко следит за всем тем, что происходит в мире. А видит он многое, и поэтому книга его стихов тематически многогранна.

Здесь можно встретить стихи не только, как мы уже говорили, на патриотические темы; в сборнике широко представлена и любовная лирика. Поэт воспевает бескорыстную, чистую и сильную любовь, сильнее чем каменное дерево — дзелква («Пусть здравствует!»). Он вспоминает о своей возлюбленной даже тогда, когда обращается к Герману Титову, взлетевшему в звездный мир.

Такая романтическая окраска придает особую задушевность и циклу сти-

хов, воспевающих героизм и самоотверженный труд наших современников.

Этот цикл стихов сменяет другой — на тему атомной войны. Поэт осуждает поджигателей новой войны. В его стихотворении «Хиросима» звучат голоса навеки искалеченных людей. «После этого травы не могут жить, не помогает им ни солнце, ни дождь. О пепел, пепел твоих детей... Твой образ не дает мне покоя, и стон мой вырывается в гневных строках», — говорит поэт. Картину зла, совершенного в Хиросиме, сменяет воспоминание об Отечественной войне, о братьях и друзьях, погибших в ее пламени («Керчь, 1942»).

Своеобразную интонацию привносит в книгу цикл стихов об альпинистах («Нашей древней земле», «Посвящение грузинским альпинистам», «Илико Габлиани»). Сваны были у нас пионерами альпинизма, да и теперь первенство в этом деле принадлежит им. В стихах Р. Маргиани воспет их героизм; с глубокой болью вспоминает поэт смерть своего друга Илико Габлиани, погибшего в неравной схватке со стихией.

Р. Маргиани — поэт вдумчивый, размышляющий. Когда читаешь книгу его стихов, нельзя не обратить внимания на ту высокую требовательность к себе, к своему творчеству, которая никогда не покидает поэта. Здесь следует оговорить, что подобное же явление мы наблюдаем в последнее время у наших лучших поэтов. И это имеет свои объяснения, в том числе и чисто творческого характера. Но в данном случае я хочу подчеркнуть другую сторону этого явления. Известно, что выдающимся советским поэтам, закаленным и вдохновленным революцией, как говорится, небо не кажется шапкой, а земля ладьями! И эта высокая романтика вполне понятна и закономерна, так же как вполне естественным было заявление Маяковского: «Моя революция!» Эта идейная позиция наполняла гордостью наших поэтов революции самой разной степени одаренности и силы звучания их поэзии. В дальнейшем же стало очевидным, что для служения своему народу высоким поэтическим словом поэту не менее идейной целеустремленности важны и необходимы сила убежденности и талант. И сомнение — насколько талантливо он служит своему народу — всегда сопутствует истинному поэту, как его двойник. Каждого по-настоящему одаренного творца всегда волнует вопрос — удалось ли ему сказать своему народу то, что он хотел. И те, кого это не беспокоит, очевидно, люди поверхностные, не постигшие всей меры своей ответственности перед народом, для которого они творят. Глубоко волнует этот вопрос и Р. Маргиани.

Когда идешь тропинкой по подъему,
Поднимешься, а там тебя не ждут,

Да еще кто-то вышутит, то к дому

Идти обратно —

Невеселый труд.

Нет, не хочу, забыв о верном даре,

Уйти, стыдясь, в молчанье ледяном.

Уж пусть меня припомнят, как маджари,

Коль не успею сделаться вином.

(Перевод В. Соколова)

Р. Маргиани — художник-реалист. Но хотя художественная фактура его стихов и глубоко реалистична, его нельзя отнести к разряду поэтов, скованных традиционной формой. Ему присущи те новые поэтические интонации и средства обновления стиха, простота и лапидарность стиля, которые связаны с именем Галактиона Табидзе. Знакомство с поэтическим миром Р. Маргиани еще раз показывает, как многим последующие поколения грузинских поэтов обязаны той поэтической культуре, которую внес в сокровищницу духовной жизни грузинского народа Галактион Табидзе; его роль в формировании эстетических принципов и вкусов новой поэзии XX столетия трудно переоценить. Благодаря ему традиционный грузинский стих засверкал новыми гранями. Р. Маргиани, как и другие мастера грузинской поэзии, неизменно обращается к новому поэтическому миру Г. Табидзе, в котором — истоки его творчества, его мастерства. Однако ни о каком подражании тут и речи быть не может; это — творческое освоение того нового в нашей поэзии, начало которому положил Г. Табидзе. Р. Маргиани продолжает развивать интонационное многообразие, которым обогатил грузинскую поэзию Галактион Табидзе.

Но творчество Р. Маргиани перекликается и с поэтическими голосами Важа Пшавела, Акакия Церетели и Ильи Чавчавадзе, о которых поэт вспоминает с глубоким уважением. С новой силой он хочет осветить их путь, их дела. Продолжая начатое Акакнем и Ильей, поэт принес из родной Сванетии новые поэтические образы, спокойствие и гордость Ушбы и Тетнульда, беспокойный гул Ингури. Убедительны и колоритны созданные им образы сванского гуртовщика и охотника, сталевара и колхозника. Сердце поэта радуют красота природы родного края, изобилие, созданное рукой его современника — труженика и созидателя.

Восторженно говорит поэт о сегодняшней Грузии, о своей связи с ней; ему дороги и близки ее радость и боль, и он рисует ее ярко и многогранно. В изображении этого Р. Маргиани, верный традициям классической поэзии, привнес в свое творчество новые поэтические искания и достижения. Это иллюстрируют строки из стихотворения «Рица»:

Рица.
Рица.
Рица.
Глаз лазурный Дали.
Зелень. Гор граница
Заслоняет дали.
Бог древнейший, чудо,
Над водою ровной.
С грудой изумрудов
Звезд кошель огромный..
И дождем — всей силой
Верю, а не снится —
Над моей могилой
Ты прольешься, Рица.

(Перевод В. Соколова)

Компактность, четкий ритм, музыкальные повторы, мастерство, монолитность стиха, когда из него, как из песни, «слова не выкинешь», поднимают это стихотворение до высот подлинной поэзии.

Однако было бы неправильным сказать, что вся книга стихов Р. Маргиани написана с одинаковым поэтическим мастерством. Есть в ней и слабые, риторические стихотворения. Таково, в частности, длинное, избыточное местимениями и прилагательными, ненужными повторами стихотворение «Думы о Родине».

В поэтическом произведении огромное значение имеет слово, фраза. Истинный поэт выбирает из тысяч и десятков тысяч единственное, нужное ему слово, или вдыхает в, казалось бы, самое избитое слово новую силу поэтиче-

ской выразительности; он умеет найти для него именно тот контекст и ту конструкцию фразы, которые придадут ему совершенно новое звучание, и тогда это слово получит совершенно иную силу эмоционального воздействия на читателя. Если же слово не получит этой поэтической выразительности, соблюдение лишь одних грамматических норм (это ведь элементарная обязанность каждого писателя!) ничего не даст поэту, ибо истинные поэты — всегда искатели слова.

Р. Маргиани в целом — интересный мастер слова, его фраза — поэтична, но порою в его стихах встречаются будничные, тяжеловесные слова, и когда они употреблены применительно к большому и высокому чувству, испытываешь чувство неловкости.

Я сказал об этом, чтобы еще раз подчеркнуть — даже такому талантливому поэту, как Р. Маргиани, следует с большей ответственностью и требовательностью работать над словом, ибо, повторяю, поэзия — это прежде всего постоянные поиски слов, интонаций, посредством которых поэт тклет свой поэтический мир, передает свое настроение.

Сборник новых стихов Р. Маргиани, несмотря на встречающиеся в нем слабые стихотворения, которые, правда, единичны и поэтому не умаляют его достоинств в целом, смело можно считать интересным явлением грузинской советской поэзии последних лет.

Отар ДЖИНОРИЯ

Ценное исследование

Проблема «фаустовского человека» — одного из благороднейших и прекраснейших героев мировой литературы, мучимого жаждой всеобъемлющего познания и творческой активности, воинственного гуманиста, — и по сей день отнюдь не ограничивается кругом узкоакадемических или историографических интересов. Она приобретает сугубо актуальный, злободневный характер, поскольку превращается в одну из узловых и острейших проблем той идеологической борьбы между старым и новым, отмирающим и нарождающимся, которую мы сейчас наблюдаем.

Создание образа Фауста явилось одним из величайших достижений старой буржуазно-демократической литерату-

ры, лучшие представители которой, поднятые волной антифеодальной революционной борьбы, далеко выходили за пределы идеологии своего класса и своей эпохи и взмывали к вершинам истинно человеческих идеалов, нацеленных в далекое будущее. А современному декадентскому искусству, пораженному марasmusом, скованному неверием в человека и ненавистью к добру и красоте, искусству сходящей с исторической арены буржуазии присущ явно антифаустовский характер. Если герой гетевского «Фауста», творения, суммирующего и венчающего всю ренессансо-просветительскую культуру, свой «символ веры» выразил глубоко позитивным, внушенным верой в продуктивность, в творче-

скую способность человека библейским перифразом: «В начале было дело!», то один из столпов современного буржуазного «модернизма» Жан-Поль Сартр придал этой фаустовской формуле такой негативно-нигилистический, мефистофелевский вид: «В начале было отрицание!» А поэтому сегодня лишь мы — строители нового социалистического и коммунистического общества — можем быть единственными действительными, законными и достойными преемниками и продолжателями фаустовского гуманизма.

Именно в этом актуально-современном аспекте и устанавливается характер и развитие фаустовских парадигм, т. е. всех главнейших сюжетных и тематических разновидностей образа Фауста, в двухтомной монографии Михаила Квеселава «Фаустовские парадигмы».

В рамках краткого обзора приходится ограничиться лишь важнейшими вопросами данного исследования, в которых в достаточной мере проявляются как сложность стоящих перед его автором научных задач, так и достигнутые в их разрешении успехи.

Автор монографии исходит из известного положения Ф. Энгельса, что Фауст подлинно народного сказания является героем своей бурной эпохи, т. е. времен немецкой Реформации, первой западноевропейской буржуазной революции, увенчанной крестьянской войной; героем, возвышенный образ которого, проникнутый истинно революционным, глубоко гуманистическим и демократическим смыслом, был впоследствии искажен и извращен приспешниками религиозной реакции в так называемых «народных книгах». Суть этой фальсификации выразилась в том, что героическое стремление Фауста к истинному и идеальному было объявлено кощунственным отступлением от бога, результатом преступной связи с чертом, с Мефистофелем, что неминуемо должно было повлечь за собой крах его «дерзновенного» взлета ввысь и его «заслуженное» низвержение в ад.

Освобождение народного образа Фауста от этой религиозной фальсификации, восстановление его первоначального народно-героического облика молодой Энгельс считал одной из важнейших и благороднейших задач немецкой филологической науки своего времени.

Однако попытки «реабилитации» Фауста в западноевропейской прогрессивной художественной литературе начались значительно раньше, почти сразу после ополчения клерикалов против него. Первая такая попытка принадлежит великому английскому гуманисту, крупнейшему из непосредственных предшественников Шекспира — Кристоферу Марло. Но фаустовская драма Марло была лишь первой попыткой упомяну-

той «реабилитации», к тому же у Марло на протяжении почти двух веков не оказалось значительного наследника последователя до тех пор, пока эту проблему не взялся Лессинг.

Лессинг был первым писателем, нашедшим правильный принцип «реабилитации» Фауста; этот принцип состоит в позитивном увенчании возвышенных исканий и стремлений дерзновенного борца, в освобождении его от Мефистофеля и ада и в единении его с «богом», как символом добрых творческих начал.

Но до нас дошли только фрагменты фаустовской драмы Лессинга, и, что самое главное, «освобождение» и «возвышение» Фауста происходило в ней пока что довольно упрощенно, внешне, благодаря вмешательству в судьбу Фауста небесных сил.

Однако после Лессинга представителям «Штурм унд дранг», и среди них молодому Гёте, не хватило полноты и силы мировоззрения для позитивного воплощения гуманистических порывов Фауста. Их Фаусты не выходят за пределы разоблачения и отрицания, они не находят путей возвышения до истинно-фаустовского уровня, оказываются неспособными стать настоящими Фаустами — действительными творцами, создающими личности.

Разрешить эту задачу смог лишь зрелый Гёте, который сумел преодолеть слабости своего раннего «штюрмеровского» мировоззрения.

Таким образом, в пределах этой культуры наиболее полно и действительно задача и цель «реабилитации» Фауста оказалась художественно реализованной в «Фаусте» Гёте, подлинный смысл которого, символически выраженный в «Прологе на небе», может быть уловлен лишь в логическом и художественном единстве его обеих, неотделимых друг от друга, частей. Следовательно, «Фауст» Гёте представляет собой не какую-то «одинокую вершину», а увенчивает тот длительный и трудный процесс «реабилитации» народно-гуманистического образа Фауста от реакционно-клерикальной легенды, в результате которого этот один из значительнейших образов мировой литературы последовательно обогащается новыми прогрессивными идеями, все более и более вбирает в себя революционно-демократические мечтания и порывы народа, в соответствии с чем М. Квеселава удачно называет его процессом «интеграции».

Таков первый главный этап развития фаустовской проблематики, установление основных моментов и линии развития которого было относительно менее трудным делом, поскольку здесь исследователь не сталкивался с особо противоречивыми фактами и явлениями (если, разумеется, не принимать во внима-

ние противоречивость творчества самого Гёте).

Но зато М. Квеселава оказывается перед особой сложностью, когда приступает к исследованию второго этапа эволюции фаустовской проблематики, этапа, который начинается после Гёте и длится по сей день; в силу этого особо значительной кажется та обширная часть монографии, в которой ясно и убедительно установлены главные закономерности этого второго этапа.

Согласно М. Квеселава, после Гёте развитие фаустовских идей в европейской литературе шло двумя потоками — позитивным и негативным.

Фаустовская проблема — это проблема положительного героя, причем эта положительность отмечена той качественной новизной, настоящая, полная реализация которой возможна лишь на основе истинно-человеческих отношений будущего. Иными словами, для позитивного разрешения фаустовской проблемы, как это подтверждает уже творческий пример Гёте, необходим прорыв ограниченности буржуазного мировоззрения, выход за узкофилистерские пределы буржуазной идеологии. Правда, своей окончательной практической деятельностью гётевский Фауст как будто не выходит из этих пределов, даже предстает перед нами в виде своего рода «колониста»; но решающее значение здесь приобретает то обстоятельство, что он остается внутренне глубоко неудовлетворенным этой своей деятельностью и, что самое главное, настоящее и полное удовлетворение находит в виде того далекого светлого будущего, которое своим социально-этическим содержанием стоит вне классовых взаимоотношений и стремлений.

Таким образом, повторяю, фаустовская проблема позитивно осуществляется лишь при условии «прорыва». А поскольку послереволюционное буржуазное мировоззрение и идеология все более и более теряют свой ранний, ренессансно-просветительский гуманистический и демократический масштаб и размах, в силу которых и стал возможным «прорыв» гётевского Фауста, — постольку эта неуклонно ограничивающаяся мировоззренческо-идеологическая основа объективно уже исключает возможность позитивного разрешения фаустовской проблемы после Гёте, послегётевские Фаусты развиваются лишь по негативному направлению: они постепенно все более теряют своё положительное, нацеленное на будущее, истинно человеческое, народно-«гётевское» содержание, их устремления сковываются буржуазно-филистерскими оковами, в соответствии с чем по отношению к ним последовательно растет мощь Мефистофеля (который, как негативный, бесплодный, лишь отрицающий дух, олицетворяет собой негативную психологию и мораль,

нигилистическую сущность буржуазной идеологии).

Эту деградацию фаустовского образа, этот процесс выхолащивания его прогрессивной высокочеловеческой сущности М. Квеселава именуется «дезинтеграцией». В книге на основе детального, возможно, даже несколько перегруженного фактическим материалом анализа установлены главные этапы этого процесса, начинающегося романтическими парадигмами и завершающегося декадентскими парадигмами, среди которых в качестве наиболее типичного примера особое место уделено «Моему Фаусту» Поля Валери.

Следует подчеркнуть, что свою концепцию развития фаустовских парадигм М. Квеселава выработал в результате осмысления и обобщения богатого конкретного материала.

С одной стороны, автор смело «формирует» материал, укладывает факты в соответствии с указанной концепцией, согласуясь, в первую очередь, с качественной сущностью явлений, а не только лишь с их внешне-фактической стороной, в частности, с хронологической последовательностью. С этой точки зрения одну из характерных трудностей представляло, например, установление перехода понятия «фаустовского» от «интеграции» к «дезинтеграции», в частности, установление взаимоотношения между Гёте и романтиками. Педантичный фактолог в этом вопросе наткнется на почти непреодолимое препятствие: ведь как немецкие, так и французские и английские фаустовские парадигмы романтиков были созданы до окончательного опубликования гётевского «Фауста», более точно, хронологически они уместаются между его I и II частями.

М. Квеселава же смело «разрушает» эту хронологическую «преграду» и все романтические «Фаусты» рассматривает после трагедии Гёте как примеры начавшейся «дезинтеграции», чем не только не нарушает, но наоборот, точно устанавливает внутреннюю существенную логику явлений. И действительно, во-первых, хронологический фактор здесь не приобретает решающего значения, поскольку ко времени создания романтических фаустовских парадигм у Гёте уже разработана и опубликована основная концепция своего «Фауста», которая недвусмысленно выражена в «Прологе на небе», где утверждается необходимость конечного освобождения от Мефистофеля и возвращения к своему истинному началу временно отступившего от бога-природы Фауста. А главное ведь заключается в том, что гётевский «Фауст» целиком вырос из просветительской почвы, в то время как романтизм является антипросветительской реакцией, и, следовательно, исследователь, в силу внутренней логики исторического процесса, естественно должен был

сперва рассмотреть просветительские «Фаусты», среди которых последним и величайшим является гётевский «Фауст», и лишь после этого мог перейти к романтическим «Фаустам», которые в отличие от своих непосредственных предшественников явно отмечены печатью обмельчания и декаданса.

Подобное расхождение внутренне-качественных и внешне-хронологических аспектов не такое уж редкое явление: если ограничиться сферой того же просветительства, то ведь Вольтер, Дидро и Руссо жили в одно время (Вольтер и Руссо скончались в одном и том же 1778 году); но это обстоятельство несколько не опровергает того факта, что эти три мыслителя представляют три качественные ступени или три этапа французского Просвещения, в соответствии с чем и размещаются в истории «друг за другом».

М. Квеселава нигде не превращает свою концепцию в прокрустово ложе, а наоборот, в соответствии с многообразием конкретного материала устанавливает как его общие контуры, так и отдельные линии, благодаря чему удачно минуется неизбежная для каждой широко обобщающей систематизации опасность схематизма (а его труд ведь представляет собой попытку именно такой систематизации фаустовских парадигм).

Так, например, он отнюдь не догматически и не педантично развивает и конкретизирует один из основных тезисов своей концепции, что все Фаусты после Гёте мельчают и претерпевают «дезинтеграцию»; но он вовсе не низводит послегётевские фаустовские парадигмы до однопланового и однообразного изображения «декадентских» Фаустов, что логически должно было повлечь за собой заключение, будто бы одним из главнейших героев западноевропейской литературы XIX-XX веков становится именно этот Фауст-декадент, и что, разумеется, сильно обеднило бы позитивные, прогрессивно-гуманистические и реалистические тенденции этой литературы.

М. Квеселава успешно избегает опасности такого рода схематизации, поскольку обращает внимание не только на то обстоятельство, что поздние Фаусты являются более или менее «декадентами», а также придает решающее значение тому, как освещают этих Фаустов их авторы, какое отношение проявляют они к ним, — апологетическое или критическое, — чем и определяется эстетическо-познавательная ценность каждой отдельной парадигмы, ее реакционно-романтический или прогрессивно-реалистический характер, чем принципиально и отличаются друг от друга, например, Фаусты П. Валери и Т. Манна.

Более того, автор устанавливает тот

многозначительный факт, что в период «дезинтеграции» фаустовского понятия особенно ценные и примечательные фаустовские парадигмы становятся возможными лишь в критическо-разоблачительном аспекте. Среди таких парадигм, в которых показан внутренний крах и беспомощность «обуржуившегося», измельчавшего Фауста, автор труда особое внимание уделяет «Доктору Фаусту» Т. Манна, как творению, в котором с огромной силой обобщения показан нисходящий путь, пройденный фаустовским героем и фаустовской проблематикой после Гёте и Бетховена в результате их негативного развития на почве буржуазных общественных взаимоотношений.

В то же время М. Квеселава особо подчеркивает противоречивость взаимоотношений между Т. Манном и его героем, то обстоятельство, что, несмотря на глубокое духовное родство Леверкюна и Т. Манна, несмотря на автобиографичность Леверкюна, Т. Манн, как проницательный мыслитель и правдивый художник, все же находит в себе силы, дающие ему возможность возвыситься над своим детищем и показать его внутреннюю обреченность, изобразить бесплодность и безжизненность этого последнего могикана буржуазно-модернистического искусства. Между Т. Манном и Леверкюном по существу такая же связь, какая была между Гёте и Вертером: как Гёте был возвысившимся над самим собой Вертером, гуманистом и реалистом, преодолевшим свои «штюрмеровские» слабости, так же и Т. Манн является Леверкюном, познавшим суть и причины своей трагической участи.

М. Квеселава следующим образом заключает произведенный в этом направлении обширный анализ этого «суммирующего» творения Т. Манна: внутреннее родство и общая участь Т. Манна и его героя, их «трагедия, которую они сами ощутили и познали на закате своей жизни», заключаются в том, что «Т. Манн дает сигналы о крушении корабля» (т. е. представленной в образе Леверкюна буржуазно-индивидуалистической культуры — О. Д.) и в то же время «как смелый капитан, сам погибает вместе со своим кораблем»; но это родство и сходство вовсе не дают основания для их отождествления: наоборот, «несмотря на это, у Т. Манна хватило силы, чтобы критически отнестись к движению Леверкюна от темноты к мраку», разоблачить Адриана-декадента, который — подчеркиваю — Адриан, а не Т. Манн, — «так низвергся в темный хаос сумасшествия, что не смог увидеть искры будущего», ибо «потерял веру в возможность создания новых идеалов, веру в возможность увлечения, дерзания, всего того, что когда-то с такой чарующей силой зазвучало в Де-

вятой симфонии Бетховена» («Фаустовские парадигмы», т. 2, стр. 680 — 681).

В заключение несколько слов о последнем главном элементе новой концепции развития фаустовских парадигм. Какую закономерность устанавливает М. Квеселава во втором, позитивном потоке эволюции фаустовских идей после Гёте?

Попытка установления этой закономерности — один из лучших примеров того, насколько смело и в то же время основательно и по-новому удается автору увидеть и осветить будто бы уже хорошо и со всех сторон разработанный материал.

Так же, как и во всей монографии, и здесь М. Квеселава строго придерживается того определения «фаустовского» понятия, которое он принял в качестве исходного рабочего тезиса в результате обобщения большого и разнообразного фактического материала. Согласно этому определению, «фаустовское» отнюдь не подразумевает всякое стремление к новому и любую борьбу за истину, одну лишь неудовлетворенность достигнутым и обыденным; Фауст — это «комплексный литературный образ» такого борца за всеобщий прогресс и истину, «который путем демонического старается преодолеть ограниченность человеческого и достигнуть совершенства мира и человека» («Фаустовские парадигмы», т. 1, стр. 51). Или, иными словами, существование Фауста невозможно без Мефистофеля, без его вечного спутника, который, с одной стороны, выражает «человеческую», «земную» слабость его природы, а с другой стороны «преступность» его стремления к самовозвышению над этой слабостью.

В этом своем специфическом виде «фаустовская» тема — так же как, например, мотив «вечного жиды» — не является так называемой «вечной» темой. А именно, своим негативно-мефистофелевским аспектом она органически связывается вообще со старым, классовым социальным строем, основанным на узурпации человека, особенно же с «высшим» представителем этого строя, с буржуазным обществом, по самой сущности своей ограниченным и бездушным, филистерским и негероическим; образ жизни этого общества, принижающий все человеческое, отвергающий все истинно-духовное ради накопления материального капитала, и в этом смысле глубоко «аскетический», — возводит в принцип тезис «человеческой ограниченности», превращает в норму так называемую «нашу земную порочность и беспомощность»; представители этого образа жизни не ограничиваются утверждением мысли, что собственными силами, вне постороннего вмешательства человек не в силах преодолеть свои недостатки и слабости, но также объявляют само это

стремление к их преодолению «дьявольской» страстью и непростительной виной, «дерзновенным» посягательством на «божественный» или «естественный» порядок бытия, заслуживающим беспощадного, «адского» наказания.

Этим и объясняется то примечательное обстоятельство, что возникший на заре капиталистической формации, в эпоху зарождения буржуазного общества «фаустовский» образ теряет свою указанную специфическую форму, свой негативно-мефистофелевский аспект вместе с распадом этой формации, одновременно с отмиранием этого общества, и продолжает существовать уже в «нефаустовском», обыкновенно-человеческом виде, что обогащает и возводит в новую качественную степень его изначальное позитивное, собственно-фаустовское гуманистическое содержание.

Этим обусловлен тот «парадоксальный» факт, что выросшая на почве социалистических взаимоотношений новая реалистическая литература не знает ни одной значительной фаустовской парадигмы, несмотря на то, что именно эта литература и является непосредственной преемницей и носительницей воплощенных в образе Фауста высших человеческих ценностей.

Но освоение и дальнейшее обогащение этих ценностей, именуемое М. Квеселава процессом «реинтеграции», безусловно, происходило и до социалистической, реалистической литературы, и дело обстоит, конечно, не так примитивно и вульгарно, будто бы после Гёте, т. е. в период «дезинтеграции», западноевропейская литература освобождается от всякого позитивного прогрессивного фаустовского содержания. Наоборот, постепенно эта литература все больше обогащается этим содержанием, однако уже не в творчестве тех писателей, которые по своему мировоззрению и идеологии не выходят за рамки капиталистической действительности, а теми деятелями искусства, которые разрушают эти рамки в той или иной степени, но в сущности так же, как это сделал Гёте в своем «Фаусте». Такие деятели относятся преимущественно к революционно-демократическому течению этой литературы. В качестве примеров подобного «прорыва» М. Квеселава рассматривает творчество Германа Гессе и Ромена Роллана, а также, не ограничиваясь лишь западноевропейским материалом, анализирует творчество выдающихся грузинских писателей — И. Чавчавадзе и Г. Табидзе.

Безусловно, число примеров такого «прорыва» могло быть и больше; например, монография только выиграла бы, если с этой точки зрения были бы рассмотрены соответствующие произведения Гюго и Чернышевского («Отверженные», «Девяносто третий год» и «Что

делать?»). Или же, возможно, спорно, насколько подходит в качестве примера «прорыва» такой критический реалист XX века, как Герман Гессе. Но и представленные примеры достаточно наглядно устанавливают факт и характер положительного развития фаустовских идей в прогрессивно-реалистической литературе XIX — XX веков.

И, наконец, в связи с этой проблемой особое внимание привлекает здесь еще один вопрос.

Следует отметить, что среди наших литературоведов у «Фаустовских парадигм» с самого начала оказались как горячие защитники, так и ярые противники, а это уже само по себе, думается, свидетельствует лишь в пользу рассматриваемой книги. Но в данном случае я хочу особо подчеркнуть то, что критики этого исследования особенно резко и, скажу прямо, менее всего обоснованно, нападают на его «грузинскую часть», особенно на очерк, касающийся творчества великого просветителя и революционного демократа И. Чавчавадзе.

Главным среди подобных «обвинений» является упрек, будто М. Квеселава проявляет безосновательное и вредное «апологетическое» отношение к И. Чавчавадзе, объявляет его «последователем научного социализма», не только «приблизившимся к марксизму», но и «пришедшим к нему, стоящим на его почве мыслителем». Но на 467 странице I тома «Фаустовских парадигм» совершенно ясно сказано, что «он (И. Чавчавадзе. О. Д.) попытался дать фаустовской идее свободного труда «научное обоснование» и тем самым «приблизился к марксистским позициям». Таким образом, вполне ясно, что согласно М. Квеселаву, попытка И. Чавчавадзе дать «научное обоснование» фаустовской идее свободного труда не оказалась совершенной и до конца успешной, — ведь она не привела, а лишь приблизила И. Чавчавадзе к марксизму! Правда, дальше, на 490 странице М. Квеселава несколько неосторожно заявляет, что в отличие от Гёте, «испытывавшего сильное влияние утопического социализма», И. Чавчавадзе «идет по пути научного социализма», и заключает, что «если метод первого был реформистским, то метод второго революционен».

Думаю, что это место, безусловно, нуждается в существенном уточнении. Во-первых, как об этом свидетельствуют отдельные его высказывания, а в особенности же сам «Фауст», и для Гёте не было вполне чуждым признание — хотя бы в виде крайней необходимости — «революционного метода», т. е. радикальных, насильственных средств преобразования действительности. С другой стороны, высказывание М. Квеселаву, что И. Чавчавадзе «идет по пути научного социализма», действи-

тельно, недостаточно точно; безусловно, лучше было бы сказать, что путь И. Чавчавадзе вел или же приближал его к социализму научному.

Но все это не имеет ни малейшего существенного, решающего значения. Дело в том, что приведенное неудачное, недостаточно точное предложение явно не соответствует тому контексту, в который оно попало; главным и решающим остается то, что основная мысль этого контекста, весь смысл анализа и оценки мировоззрения И. Чавчавадзе, представленного в «Парадигмах», сводится именно к тому, что в области развития и освоения фаустовских идей И. Чавчавадзе хотя и «движется» в сторону марксизма, но лишь приближается к нему. И действительно, ведь марксизм потому и является научной теорией социализма, что отличается единством теории и практики, соответствием между идеалом и средствами его осуществления, одинаковым реализмом цели и способа. А М. Квеселава особенно подчеркивает в мировоззрении И. Чавчавадзе расхождение идеала и метода — то обстоятельство, что характер мировоззрения И. Чавчавадзе определяется «двумя кардинальными вопросами»: «какими были его общественные идеалы и какими средствами думал он их осуществить» (там же, стр. 466—467. Выделено М. Квеселаву).

Что касается «средств», методов борьбы, здесь М. Квеселава удовлетворяется лишь указанием, что И. Чавчавадзе был сторонником преобразования общества не «либерально-реформистским» путем, а с помощью «радикального перелома», — хотя бы вооруженного «массового восстания», — который «быстрее и энергичнее приводит нас к осуществлению практической цели» (там же, стр. 490 — 491).

Этот путь действительно революционен, но его признание еще вовсе не означает, что это марксизм! Ведь то, что марксизм основывает свою социально-освободительную борьбу на революционной практике социалистического пролетариата, считает пролетарскую диктатуру необходимой политической формой перехода от капитализма к социализму и т. д. — азбучная истина. Все это для И. Чавчавадзе оставалось чуждым, и одно лишь признание массового вооруженного восстания, конечно, недостаточно для того, чтобы объявить его марксистом, чего, естественно, и не пытается делать М. Квеселава.

Что же касается общественно-этического идеала И. Чавчавадзе, то, думается, его следует считать социалистическим, поскольку он требует не буржуазно-половинчатой, а действительной, полной социально-экономической свободы и равноправия. В этом вопросе мы можем упрекнуть М. Квеселаву

лишь в том, что он приводит недостаточно материала для подтверждения этой истины. С этой целью он ссылается лишь на публицистические труды И. Чавчавадзе, а между тем он мог найти, если не более, то во всяком случае, не менее убедительный материал в художественном творчестве писателя, в частности, в его «Отаровой вдове». Ведь положительные герои этой гениальной, поразительно глубокой по мысли повести — Отарова вдова и сын её Георгий — дают блестящие примеры «прорыва» границ классово-индивидуалистической, корыстолюбиво-эгоистической «морали» и возвышения до уровня гражданско-коллективистического эпоса, становления на ту истинно человеческую точку зрения, согласно которой деятельность людей не может ограничиваться «скорлупой» личных интересов, «моего-твоего», а должна иметь своим импульсом думу о горе и счастье «мирском», заботу об участи общества, народа или же «большую совесть» и «человечную человечность».

В этом обширном исследовании, разу-

меется, можно обнаружить и другие аналогичные недостатки частного ряда: фактологические неточности, ляпсусы; некоторые места в нем, возможно, требуют более углубленной разработки, а некоторые явно растянуты или же вовсе излишни. Но все подобные недостатки, легко исправимые в процессе последующей работы, отнюдь не определяют главного — качественного уровня данного исследования и его принципиальную ценность. Таким главным и существенным в этой монографии является его основная, коротко охарактеризованная нами концепция. Кое-какие, а может быть и многие детали в этой концепции могут оказаться и спорными, но в то же время она, безусловно, дала автору возможность произвести с завидной стройностью систематизацию до сих пор почти вовсе не обобщенного огромного материала и с высокой научной ясностью установить ту основную закономерность, по которой развивалась одна из сложнейших и значительнейших тем мировой литературы — фаустовская тема.

Гоги ЧАРКВИАНИ

Щедрость

Настоящая любовь и близость исключают необходимость говорить комплименты и любезности. Хорошо это понимая, Елена Николаевская пишет в одном из своих лирических стихотворений:

Ты стал мне до того чужим,
Что вдруг сказал любезность.

И немного ниже:

Ты стал мне до того чужим,
Что вдруг решил ухаживать.

Читая стихи о Грузии, вошедшие в сборник Елены Николаевской «Память о солнце» (издательство «Литература и искусство»), убеждаешься, как просто — без ненужных восклицаний и высокопарных слов — выражает свою любовь к Грузии поэтесса. Ставить восклицательные знаки — дело нетрудное. Гораздо труднее вжиться в образ жизни другого народа, изучить его историю, узнать обычаи, исходить республику вдоль и поперек — и только после этого взяться за перо.

Можно сказать, что тема Грузии для русской поэзии является традиционной,

«вечной». Русский читатель знает о Грузии довольно много, и поэтому, стихи поэта, который начинает восторженно аплодировать просто при виде того или иного пейзажа, не найдут у него никакого отклика. А ведь, как ни странно, до сих пор еще некоторые поэты видят смысл стихотворений о Кавказе или о Грузии именно в поисках экзотических атрибутов.

Если подходить строго, то объединение цикла стихотворений под общим заглавием типа «Стихи о Грузии», или «Стихи о Румынии», или «Венгерский дневник» весьма и весьма условно. Всем известно, что у Маяковского есть цикл стихов «Париж». Никто не станет отрицать, что эти стихи о Париже, и не только потому, что в них упоминаются Эйфелева башня, площадь Согласия или Вандомская колонна. Но эти стихи не только и, может быть, не столько о Париже. Там говорится обо всем — и о власти капитала, и о положении пролетариата, и о любви, и о литературной борьбе двадцатых годов, и об архитектуре, и, прежде всего, о самом Владими́ре Маяковском. Но весь разговор

идет, если так можно выразиться, на парижском материале. Парижские улицы, площади и дома являются материалом для выражения мыслей и чувств поэта.

В поэзии, как и в искусстве вообще, тема сама по себе играет значительно меньшую роль, чем ее раскрытие, обусловленное талантом и мировоззрением автора. Стало быть, стихи, о чем бы они ни были написаны, должны в первую очередь быть стихами в высоком смысле этого слова. И должны не просто описывать предметы и явления, а постигать и познавать их.

В этом смысле показательным мне кажется стихотворение Елены Николаевской «Лаваш».

Стояли утесы, оскалась,
И мрачно смотрели нам вслед,
Далеко за нами остались
И праздник, и песни, и свет.
Теряя последние силы,
Плелись мы в полуночный час,
И небо нам плечи давило,
Хребты надвигались на нас.
И вдруг —
У дороги на кромке
Мы видим —
Не сон, не мираж.
Пред нами обветренный, тонкий
Во мраке белеет лаваш,
Не где-то в пыли под ногами —
Нет! Добрая чья-то рука
Его положила на камень
У памятника-родника.
Забыли мы голод и жажду
И путь, что так труден и крут...
...О если бы думал так каждый
О людях, что следом идут.

О чем говорится в этом стихотворении? — зададим такой школьный вопрос. На первый взгляд, как будто просто о древнем грузинском обычае, который запрещает бросать на землю пусть самый маленький кусок хлеба. Конечно, не знавший этого обычая после прочтения стихотворения будет знать о нем. Что же тогда дает это стихотворение тем, кому обычай этот известен? Ну, скажем, информацию о том, что возник он не потому, что хлеб — плоть Христова. Но ведь всего этого слишком мало, и не для того написано стихотворение. Оно написано для того, чтобы проиллюстрировать мысль, которую несколько прямолинейно высказывают две последние строки. Эту же мысль можно было выразить и на другом материале. Разумеется, разбирая стихотворения, приходится прибегать к упрощению, к схематизации. Потому что поэзия — это мышление в образах, и каждый образ несет какую-то мысль, и невозможно проследить за всем богатством ассоциаций и нюансов. Однако увидеть каркас стихотворения все-таки можно и нужно.

Быть самим собой — это, может, самое главное для поэта. Поэзия, кроме того, что это познание мира, еще и самопознание. И если человек видит мир чужими глазами, только сквозь призму прочитанного и услышанного, он не познает себя и, следовательно, не сможет выразить самого себя. Чтобы оставаться самим собой, нужно много мужества и порой даже дерзости. Хорошо говорит об этом Елена Николаевская в своем стихотворении «Ветер»:

Он мягок и ласков нередко,
Нередко он сух и жесток.
Он сломит засохшую ветку,
Он жизнью наполнит росток.
Дрожащих струею сквозною
До самых костей проберет,
В уставших от жажды и зноя
Он новые силы вдохнет.
Он морю волнение приносит
И маленькой речке в горах.
Одни — его помощи просят,
В других поселяет он страх.
Ну что ж, ведь не ради забавы
Он рвется в простор голубой.
Всем сразу не будешь по нраву,
Когда остаешься собой!

И самое большое достоинство стихов о Грузии Елены Николаевской именно в том, что она сумела остаться сама собой, хотя, согласитесь, даже не говоря о Пушкине и Лермонтове, после Маяковского, Пастернака и Тихонова — это было сделать очень трудно.

Пишет ли поэтесса о пекаре из Дидубе, или о толпе на проспекте Руставели, или о реке Дзируле, или о Черном море — везде на первом плане ее личность, ее мысли, радости и переживания. Это, конечно, далеко не самолюбование и, тем более, не самореклама. Просто щедрость, отдача всего своего духовного богатства людям. Вот почему в одном из стихотворений Елена Николаевская восхищается цхнетским лесом:

А цхнетский лес роняет плод
В полуденном краю,
Дарам он счета не ведет
И благодарности не ждет
За широту свою.

В книге «Память о солнце» наряду с оригинальными стихотворениями много переводов. Мастерство Елены Николаевской как переводчика широко известно. У нее большие заслуги перед грузинской поэзией. Акакий Церетели, Георгий Леонидзе, Григол Абашидзе, Хута Берулава, Иосиф Нонешвили, Отар Челидзе... (Этот список можно было еще продолжить.) И каждый поэт в переводе сохраняет свою манеру, свой голос, свою интонацию. Это вызвано прежде всего тем, что, как мы говорили выше, Елена Николаевская сама — поэтесса с резко выраженной индивидуальностью.

Крепче гранита

Читать роман Варткеса Тевекеляна «Гранит не плавится» нельзя без волнения. Но главное его достоинство в том, что он заставляет глубоко задуматься, о многом спорить. Произведение звучит как призыв любить и ценить человека, уметь вникать в его внутренний мир, бороться за него, чтобы избежать бесцельных страданий и даже гибели многих честных и преданных Родине людей.

Роман Тевекеляна «Гранит не плавится» — произведение автобиографическое. На титульном листе книги указано, что читателю предлагаются «Записки чекиста». Этим как бы подчеркнута достоверность рассказанного, хотя в подобной оговорке нет никакой нужды. С первых же страниц ясно, что мы знакомимся с документальными фактами, излагая которые автор ни на шаг не отступает от подлинных событий, точно указывает время и место, где они происходили. Каждая глава этой книги написана как самостоятельный очерк; сливаясь в единое целое, они создают произведение большой силы эмоционального воздействия.

Роман охватывает период с первых дней Октябрьской социалистической революции до окончания Великой Отечественной войны — отрезок времени бурный и насыщенный большими историческими событиями, на фоне которых мы можем проследить биографию главного героя Ивана Силина.

Мать Силина — Виргиния Михайловна — женщина умная и образованная, пренебрегла обеспеченной и беззаботной жизнью в семье богатых родителей и связала свою судьбу с рабочим-большевиком, обрекла себя на трудную и тревожную жизнь. Отец Силина был убит на германском фронте, и восемнадцатилетнему юноше, владеющему французским языком и мечтающему поступить в консерваторию, после окончания гимназии пришлось помогать матери, думать о куске хлеба. Первое трудовое крещение он получает в железнодорожном депо, где раньше работал его отец, а первое боевое крещение — в рядах Красной Армии, куда поступает добровольцем вместе с другом по поселку железнодорожников Костей Орловым, впоследствии прославленным советским генералом.

В тылу врага, куда в разведывательных целях направляет Силина командование, он проявляет отвагу и наход-

чивость, добывает ценные сведения о противнике.

Война закаляет Силина, помогает быстрее понять происходящее, правильно и до конца осознать весь смысл революционной борьбы.

Судьба Силина, — судьба сотен и тысяч таких же парней, вышедших из огня революции, в юные годы влившихся в ряды большевистской партии, на долю которых выпало отстаивать Советскую власть, строить будущее.

Города и села освобождаются от интервенции, страна переходит к мирной жизни. С укреплением Советской власти на местах восстанавливается народное хозяйство, организуются ревкомы. Враги революции меняют формы борьбы. Для подавления сопротивления свергнутой буржуазии, пресечения коварных происков империалистических разведок и обеспечения условий для дальнейшего строительства социалистического государства была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем — ВЧК. В нее вошли наиболее выдержанные, честные, глубоко преданные делу большевистской партии люди.

ВЧК В. И. Ленин назвал учреждением, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть.

В распоряжение ЧК партия временно направляет Силина. У молодого чекиста — много энтузиазма и отваги, но явно недостает знаний и опыта. Потому-то и возникло столько непредвиденных трудностей, неудач и даже разочарований. С большим мастерством описывает Тевекелян, как при допросе белогвардейца, опытного организатора контрреволюционного саботажа Золотарева Силин потерпел неудачу, не сумев распознать замаскировавшегося врага. Обиду усугубило то, что того же Золотарева легко разоблачил на допросе начальник ЧК Васин. Хотя Васин — человек примитивный, его вопросы к Золотареву носят кое в чем даже провокационный характер, он добивается результата, который казался недостижимым Силину.

Неопытность приводила и к более серьезным ошибкам. Силина и его друга Акимова направили на обыск и опись комиссионного магазина. Они не устояли перед соблазном сменить свою рваную и грязную одежду на чистое белье,

хромовые сапоги, френч и галифе. Этот проступок грозил трибуналом, что причинило немало страданий провинившимся. Это событие переживал весь коллектив, который, близко приняв к сердцу судьбу товарищей и разобравшись во всем, уберег Силина и Акимова от строгого наказания. Позднее сам Силин столкнулся с такой же ситуацией, когда молодой работник комендатуры приморского порта Гугуша во время одного из обысков соблазнился возможностью сделать дорогой подарок своей возлюбленной и унес маленькую серебряную плетеную корзиночку. Тройка ВЧК осудила Гугушу на три года лишения свободы, но Силин и весь коллектив комендатуры настояли, чтобы Гугушу передали на воспитание коллективу. И вскоре о Гугуше заговорили, как об одном из лучших работников.

Сейчас, после исторических решений XX и XXII съездов партии, вмешательство коллектива в дела и судьбу товарища представляется нам совершенно естественным, мы не усматриваем в этом ничего необычного. Но в двадцатых-тридцатых годах на это решались не без риска, хотя именно в этом и заключался ленинский принцип воспитания человека, на который в основном и должны были опираться в своей практике судебные органы, применялся же он редко, в силу того, видимо, что не был еще правильно понят, а возможно просто и не устраивал кое-кого...

За первыми неудачами последовали успешные операции, напряженная следовательская работа. Закаляется воля, характер, обогащается опыт. Процесс становления Силина-чекиста очень характерен для большого отряда советских оперативных работников, прошедших в те годы школу верного соратника В. И. Ленина — Ф. Э. Дзержинского. Герой книги прошел через все сложности внутренней борьбы, возникшей в ЧК с теми антиобщественными силами, которые приносили советским людям много горя и вреда и которым способствовали методы работы, порожденные культом личности.

Силин, уже приобретший славу сильного и опытного работника, становится жертвой гнусной клеветы. И большее всего это ранит потому, что поводом опорочить его стало большое и глубокое чувство Силина к Маро. Девушка «обвинялась» в своей принадлежности к буржуазной семье и в том, что сестра ее Белла была членом подпольной националистической организации, которую впоследствии сам Силин и разоблачил. Маро же не имела никакого отношения к деятельности своей сестры.

Но как ни благоприятна была в ту пору почва для клеветников, анонимщи-

ков, перестраховщиков, партийная организация и коллектив разобрались в деле, и Силин был полностью реабилитирован.

Затем — работа в комендатуре порта одного из приморских городов на берегу Черного моря. Основная задача Силина — распознать и обезвредить спекулянтов, торговцев валютой, всякого рода контрабандистов, забрасывающих в Советский Союз дефицитные товары и вывозящих за границу бриллианты, золото, исторические реликвии и даже людей, причинивших зло делу революции, а потом бегущих от родной земли, чтобы стать жалким эмигрантом.

Работа Силина получила настолько высокую оценку, что его вызвал в Москву верный друг и соратник «железного Феликса» товарищ Менжинский и поручил ему один из ответственных участков в Донбассе, где в те годы на шахтах активизировалась диверсионная работа.

Но самым трудным в работе на Донбассе оказался для Силина острый конфликт, возникший между ним и начальником губернского управления Медведевым.

Человек отсталый и упрямый, самодур с замашками вельможи, Медведев создал в управлении обстановку благодушия и спокойствия. Силину трудно было мириться с этим мнимым благополучием, во имя которого зачастую приносились в жертву свобода и жизнь совершенно невинных людей, а враги и диверсанты продолжали вершить свои грязные дела.

На одной из больших шахт — «Южный бассейн» — произошел взрыв. Виновником оказался молодой техник Осетров, который свою вину не отрицал, признавал, что, намереваясь увеличить скорость проходки в шахте, ошибся в расчетах и в результате взрыва надолго вывел шахту из строя. Материалы дела и беседы с арестованным убедили Силина, что причины взрыва гораздо серьезнее, чем они представлялись Медведеву и некоторым работникам управления. И несмотря на препятствия, которые Медведев на каждом шагу чинил Силину в изучении этого дела, он напал на след настоящих причин взрыва, и тогда стала вырисовываться картина враждебной деятельности старых специалистов — Преображенского, Сатеева, Маслова, связанного из Москвы Воробьева и других, которые, имея большую подпольную организацию, занимались экономической контрреволюцией, диверсией и другой подрывной работой. Эта же организация на металлургическом заводе вывела из строя доменную печь. Медведев же, тщательно оберегая авторитет органов ГПУ, дозволенными и недозволенными методами стремится

осудить необоснованно арестованных, совершенно невинных людей.

Борьба Силина с Медведевым не была безрезультатной. Медведева перевели на другую работу, а управление возглавил Силин.

В 1937 году, когда Силин был по окончании промышленной академии директором крупного машиностроительного завода на Урале, он попал в Баку. Судьба снова свела его с тем же Медведевым, уже вельможей крупного калибра — заместителем наркома внутренних дел, подручным и лакеем небыизвестного Багирова. В той ситуации Медведев без особых усилий сумел свести счеты с человеком, принесшим ему когда-то немало неприятностей.

Наспех сколотив дело о связях Силина с иностранной разведкой, Медведеву удалось добиться ареста Силина, который был приговорен к десяти годам ссылки, без права переписываться с семьей.

Со своей тяжелой участью Силин смирился, не теряя веры в то, что справедливость восторжествует. И когда в 1942 году ему разрешили участвовать в боях с фашистами, он переживает большой внутренний подъем, почти забыв об обо всех незаслуженно причиненных обидах и муках. Он снова в строю, снова со своей семьей, полон сил, непоколебим и уверен в торжестве идей Коммунистической партии.

«Гранит не плавится» — так назвал В. Тевекелян свое произведение; закрыв последнюю страницу книги думаешь, как правильно и метко определил автор все содержание романа — раскрыв в образе своего героя Силина характер верного коммуниста-ленинца, настоящего советского человека.

Выпустив книгу Тевекеляна на грузинском языке, издательство «Литература и искусство» оказало хорошую услугу грузинскому читателю.

Василий НИКНАДЗЕ

Страницы прошлого

За сравнительно короткий исторический срок грузинское советское театральное искусство достигло больших успехов, несмотря на то, что в наследство от меньшевиков нам достался фактически разрушенный театр. Сломленный экономически и морально, он медленно умирал. Собственно его нельзя было тогда даже назвать театром. Он представлял собой союз актеров различных стилей и интересов, в творчестве которых преобладали бессистемность и самодетельность, а в репертуаре господствовал эклектизм. Лишь выдающиеся актеры продолжали верно служить искусству, в невероятно тяжелых условиях создавая высокохудожественные сценические образы. Но их были единицы. Творческие же возможности грузинского народа, его духовная жизнь не получили в ту пору еще своего полного воплощения на сцене грузинского театра.

Это произошло лишь в 1922 году с приходом Котэ Марджанишвили в наш театр, которому он дал новую жизнь. С этого времени и начался подлинный расцвет грузинской театральной культуры.

Из воспитанных К. Марджанишвили новых творческих кадров впоследствии вышли видные деятели грузинского театра. Одним из них является Додо Ан-

тадзе, начинавший свою творческую деятельность под непосредственным руководством К. Марджанишвили, проявившего себя новатором не только в постановке спектаклей, но и в подготовке талантливой молодежи, которую он собрал вокруг себя. С тех пор, вот уже свыше сорока лет Д. Антадзе верно служит советскому грузинскому театру, непосредственным участником и свидетелем становления которого он был. На его памяти и все важнейшие моменты, узловые проблемы и волнующие события в жизни нашего театра, которые являются богатейшим материалом для изучения его грузинскими театроведами. Между тем наша театральная библиотека досадно бедна такого рода литературой. Особенно мало у нас книг, посвященных первым шагам грузинского советского театра. Поэтому естественен тот интерес, который вызвала у театральной общественности книга Д. Антадзе «Дни недавнего прошлого».

«Цель моя, — пишет автор этих воспоминаний, — рассказать читателю о грузинской театральной жизни все то, что я видел и пережил, непосредственным свидетелем чего я был на протяжении последних 45 лет».

И действительно, Д. Антадзе выпол-

нил это обещание — спокойно и объективно поведал нам обо всем виденном и пережитом...

В мемуарах в хронологической последовательности перед нами проходит весь процесс формирования автора как театрального деятеля и гражданина.

С большим интересом читаются страницы, посвященные 1920—1922 годам. Они, несомненно, представляют большой интерес для наших театроведов, которые найдут в этой части мемуаров много фактического материала, имеющего большое значение для понимания тех проблем, которыми жил в ту пору наш театр, тех потенциальных возможностей, из которых, как справедливо считает автор книги, он и вырос.

Говоря о театральных реформах тех лет, Д. Антадзе тесно связывает их с социальной и политической сторонами жизни страны. Он пишет: «Для возрождения театральной жизни было необходимо, чтобы в нашей стране произошли радикальные изменения. Ее сельское хозяйство, техника, наука и искусство должны были стать на путь полного преобразования, чтобы назрел вопрос реформы театрального искусства».

Широко освещены в книге те основы театральной реформы, которые связаны с именем К. Марджанишвили. «С приходом Котэ, — читаем мы в мемуарах, — открылась золотая страница в истории грузинского театра. Он открыл перед талантом широкую дорогу, смело выдвигал молодежь. Котэ обладал необыкновенным даром угадывать талантливую артиста».

В силу этого в работе с ним так щедро и раскрывались таланты. А это и создавало надежную перспективу развития нашего театра. Среди талантливых учеников К. Марджанишвили был и С. Ахметели.

Их отношения — это сложный, проблематичный и щепетильный вопрос. В силу ряда причин, в их взаимоотношениях было много туманного и нездорового. Поэтому исследователям жизни и творчества этих выдающихся деятелей грузинского театра, авторам мемуаров, касающихся этого вопроса, необходима особая осторожность и объективность в его освещении. К чести Д. Антадзе следует сказать, что в этом отношении его книга может служить положительным примером. Страницы, посвященные К. Марджанишвили и С. Ахметели, написаны с чувством большой ответственности и глубокого понимания существа происшедшего. С этой точки зрения мемуары имеют и определенное воспитательное значение.

Как верно отмечает Д. Антадзе, своего рода соревнование различных театральных коллективов имеет большое значение для их роста и совершенство-

вания, стимулирует их, воспитывает творческую ответственность. Но порой в ходе такого соревнования возникают и нездоровые тенденции, перегибы, которые приводят к проявлениям, стоящим вне интересов искусства. Д. Антадзе считает, что «именно это имело место в конфликте К. Марджанишвили и театра имени Руставели. В этой борьбе вчерашние друзья стали противниками. Определенная часть нашей общественности — «лишь бы никого не обидеть» — хранила молчание, оставаясь в стороне. Тенденция противопоставления мешала К. Марджанишвили и С. Ахметели в их творческой работе».

Большое место в книге «Дни недавнего прошлого» уделено корпорации «Дуруджи» и событиям, происходившим вокруг нее, поскольку с возникновением этой организации было связано много кардинальных вопросов развития грузинского советского театра.

Еще Тургенев говорил, что в основном стремления молодежи всегда бескорыстны и честны. То же можно сказать и об идеалах «Дуруджи». Эта корпорация имела ясные театральные принципы и на редкость привлекательные этические нормы, что было совершенно новым явлением в грузинской театральной жизни. Корпорация не боролась с прошлым вообще, создавала новое не в отрыве от старого, а критически осваивая завоевания грузинского театра, стремясь открыть перед ним широкое поле деятельности, поднять на большую художественную высоту. Борьба «Дуруджи» за новые пути театра была одновременно борьбой за защиту прав актеров. Спустя два года после возникновения «Дуруджи» С. Ахметели писал: «Мы ищем лицо грузинского театра и контуры грузинского артиста. Разница театров разных наций только в этом. Грузия должна иметь свой собственный, независимый театр». Этим руководствовалась корпорация, начиная свою работу, стараясь направить к единой цели не только идейно-художественное и этическое кредо грузинского театра, но и его организационные принципы.

Эта роль «Дуруджи» в истории грузинского театра четко и убедительно показана в книге Д. Антадзе. Он правильно указывает те корни, на которые опиралась корпорация, и в связи с этим делает следующее верное заключение: «Прошла вакханалия бенефисов и творческих вечеров... — с большим энтузиазмом начали дуруджинцы работу над собой с целью самообразования и творческого роста... «Дуруджи» скоро превратилась в крепкую организационную силу театра. Прежде всего, корпорации вменялась в обязанность защита творческой дисциплины: этого требовали интересы театра... После решения изучать иностранные языки были приняты меры

к его осуществлению. С целью усовершенствования мастерства приступили к физическим упражнениям, все члены корпорации были обязаны посещать уроки пластики».

Тот, кто хорошо знаком с внутренней жизнью театра, не может не оценить большого значения всего, о чем говорится в приведенных выше словах автора книги, который сам являлся членом «Дуруджи» и его секретарем, а также ближайшим другом и учеником К. Марджанишвили. Однако вопреки Д. Антадзе, считающему все это несомненным достоинством «Дуруджи», среди большинства театроведов распространено

мнение, что эта корпорация якобы не была явлением прогрессивным. А между тем, на том этапе своего существования она сыграла большую положительную роль в развитии грузинского театра. Однако следует сказать, что сила «Дуруджи» одновременно была и его слабостью, которая в конечном счете и стала причиной распада корпорации. Все это также нашло отражение в мемуарах Д. Антадзе.

Несмотря на отдельные замечания, которые можно было бы сделать в адрес книги «Дни недавнего прошлого», она привлекает своей убедительностью и высоким гражданским пафосом.

Лиля БРАИЛОВСКАЯ

Тепло человеческое

Книга Ии Месхи называется «Тепло человеческое» (издательство «Литература и искусство», 1963. На русском языке). Эти слова, как и первый очерк «Мать», открывающий сборник, звучат как запев, как звук камертона, определяющий тональность всей книги.

Сразу становится ясным, что это — очерки о людях, об их делах, о мире их мыслей и чувств, об их духовном величии.

Простая колхозница Маргарита Коркелия, у которой «малыш стучался под самым сердцем», а «двое других держались за подол», не задумываясь бросается в бурную реку, чтобы спасти жизнь чужим детям.

Казалось бы, такое событие могло стать поводом лишь для информации. Но Ия Месхи рассказала о нем с такой задушевностью и теплотой, что эта женщина встала перед нами как живая, а ее подвиг во имя любви к человеку раскрылся во всем его величии.

Но, пожалуй, самое характерное для книги «Тепло человеческое» — это стремление глубоко проникать в духовный мир человека, в логику человеческих характеров, тонкое понимание внутренних закономерностей человеческих взаимоотношений; эта тенденция, едва-едва наметившаяся в ее предыдущей книге «Дороги родные», здесь заявила о себе сполна. И всему этому свойственны серьезность авторских раздумий, зоркость наблюдений, умная и интересная подача материала, все, что отличает творческую зрелость, сочетание опыта и таланта.

Перед нами проходят увлекательные, волнующие судьбы, яркие характеры.

Мы знакомимся с душевной и мудрой Русуданой Николаевной Николадзе — ученым-химиком (очерк «Тепло человеческое»), которая множеством нитей связана с самыми различными людьми и для которых стали насущной необходимостью ее сердечная поддержка, дельный совет и простое человеческое тепло, согревающее многие судьбы.

Казалось бы, велико было искушение прежде всего рассказать об интересной сложившейся жизни Русуданы Николаевны, и даже не столько о ней самой, сколько об «интересном, разнообразном значительном окружении», в котором она всегда представлялась автору. Но Ия Месхи строит свой рассказ о Русудане Николадзе не на этих биографических данных. Она изучает свою героиню как бы изнутри, исследует характер, повествует о ее повседневной жизни, о ее буднях, в которых она и проявляет себя как человек яркий и незаурядный.

Самым ценным в этих очерках являются не самые факты и наблюдения, а раздумья автора над ними, их публицистичность.

Ия Месхи — темпераментный публицист, и публицистика в ее очерках не повисает в воздухе, не возникает на голлом месте, а опирается на образ, вытекает из него или органически входит в самый образ.

И вот еще рассказ об одной поистине выдающейся личности (очерк «Десять

удивительных лет») — летчице Надежде Владимировне Сумароковой, первой в мире женщине — военном летчике-наблюдателе.

Все, чего добилась эта женщина, далось ей невероятными усилиями воли, мужеством, необычайной стойкостью характера.

Связанная формой записок от первого лица, Ия Месхи скупа на свои оценки и высказывания, но достаточно в заключение очерка назвать эти десять лет жизни Сумароковой «исключительными», «счастливыми», чтобы выразить свое понимание настоящего счастья.

Сад замечательного цветовода Мамулашвили давно уже стал достопримечательностью нашей республики. И каждый, кому доводилось побывать в нем, а потом делиться впечатлениями о своем пребывании в Грузии, никогда не обойдет молчанием свою встречу с изумительным и оригинальным искусством Мамулашвили. Написано о нем немало и в нашей стране и за рубежом. Но Ия Месхи в своем очерке «Старик в своем саду» рассказала нам не столько о красотах и чудесах сада и о «руках», создавших все это, сколько о человеке-самородке, проследив, как детская слабость собирать камни, копаться в земле, переросла в призвание, обернулась настоящим талантом и смыслом жизни.

Говорить о каждом очерке отдельно невозможно. В книге их девятнадцать. И чтобы не создалось впечатление, что это только портретные очерки, рассказывающие об отдельных людях, нужно сказать, что диапазон интересов автора очень велик: в поле ее зрения самые разнообразные события нашей действительности. И с той же тщательностью, с какой исследует человеческие характеры, она изучает жизнь целых коллективов, важные и интересные проблемы, волнующие нашу современность.

У Ии Месхи — публициста очень острое зрение; жадно вглядываясь в жизнь, она повсюду ищет ростки нового и не пройдет мимо того, что мешает им окрепнуть. Она не только обладает способностью разглядеть черты современности, но серьезно и вдумчиво оценивает каждое явление с точки зрения интересов общества.

В очерках Ии Месхи мы знакомимся с учащимися одной московской средней школы («Дети и мысль»), не очень обычной, но очень показательной для наших дней — мальчики и девочки обучались в ней изготавливать элементы и блоки быстродействующих кибернетических устройств. («Новая техника, уже испытывающая острый недостаток в кадрах «делателей» и «управителей» этих

устройств, в ближайшем будущем потребует их в таких количествах и в таких высоких качествах, что трудно предугадать».)

Но автора волнует другое, самое главное — она знакомится с сочинениями этих «кибернетических» мальчиков и девочек, в которых они делятся сокровенным, пылливо вглядывается в каждого из них и ее радует открытие: «В глазах светится мысль!». Растут люди мыслящие, анализирующие, а не бездумно принимающие на веру все, что подготовлено для них предыдущими поколениями. Это не просто «запоминающие, шаблонные, «машинные» умы, а умы «мыслящие». И это особенно радостно сознавать потому, что «...любое устройство, будь то электронно-счетное или просто человеческое, может работать на будущее лишь тогда, когда оно одухотворено дыханием живой и горячей мысли».

И так всегда — о чем бы ни писала Ия Месхи в своих очерках — о знатном ли ученом, селекционере чая — Ксении Ермолаевне Бахтадзе, о замечательном грузинском селе Лихаури, в котором создана своя колхозная киностудия «Лихаур-фильм», о бакинских шинниках, о железнодорожниках Сурамского перевала, о почвоведях, о биологах, разрешающих интереснейшие научные проблемы, об ученых, создавших в Грузии противораковую ракету, о верхолазах, защищающих железнодорожное полотно от камнепада, или о скульпторе М. Мерабишвили, создавшем замечательный памятник А. С. Грибоедову, ее очерки подтверждают истину, что важнейшая функция литературы, в том числе и очерковой, — воспитание чувств.

И всегда умные, тонкие авторские раздумья выступают в очерке как главное, поднимаясь над фактами действительности.

И даже обращаясь к историческому прошлому, например, рассказывая о публицистической деятельности Нико Николадзе (очерк «Человек своего времени»), она извлекает рациональное зерно, самое ценное для нашей современности из этого прошлого. Изучая творчество Нико Николадзе как «человека своего времени», говорит о своих взглядах и принципах, своем отношении к подлинной публицистичности, к лучшим чертам истинного журналиста — своего современника. Верная этим принципам во всей своей журналистской деятельности, она прилагает все усилия, чтобы «...не упустить ни одну «злобу дня», потому что верит, что «труд наш нужен людям нашего времени и что нет высшей награды человеку, чем идти со своим временем в ногу и любить его».

Владимир МАРГАНИДЗЕ

Тысячу раз „Орео!“

В батумских кофейнях можно встретить необыкновенных людей и услышать необыкновенные разговоры.

По вечерам здесь собираются рыбаки, похожие на Хемингуэя, и студенты, готовые поспорить с Эйнштейном.

Каждый говорит о своем и, если вы подсядете пятым к четырехугольному столику, то услышите немало интересного.

Рабочий с машиностроительного завода расскажет, как он ездил во Вьетнам монтировать построенные в Батуми машины для чайных фабрик, молодой моряк — о своем первом плавании в Антарктику на китобойном судне, старик-библиотекарь — о книгах, которых вы никогда не читали...

В нашем городе, хотя он и не очень велик, говорят на многих языках, и иностранная речь не привлекает внимания.

Иностранная речь... Впрочем, в Батуми на этот счет можно ошибиться. Вы можете услышать и торопливую греческую речь, но это говорят на своем родном языке старожилы города и колхозники окрестных сел. А вот те молодые ребята, что сидят за столиком в углу и говорят на том же языке, иностранцы. Моряки с парохода «Малоу».

* * *

Пароход «Малоу» прибыл в Батуми из Кубы. Привез десять тысяч тонн сахара-сырца. Причалы в порту были заняты, и два дня пришлось стоять на рейде.

После долгого пути морякам не терпится сойти на берег, к тому же стоянка на рейде всегда бывает томительной.

Впрочем, на борту парохода были и такие, которые не торопились на берег.

Глядя на неярко освещенную набережную, один из них сказал:

— Да, это тебе не Марсель. Ни дансингов, ни ночных кабачков. Скука! Скорее бы выбраться из этой дыры.

(Об этом нам потом со смущением говорил один молодой моряк.)

Но выбраться отсюда удалось не скоро.

Выгрузка десяти тысяч тонн сахара-сырца, да еще при батумских дождях, — дело длительное.

Пароход простоял в «этой дыре» почти двадцать дней.

О том, как прошли эти дни и какой след оставили они в памяти греческих моряков, стоит рассказать...

* * *

Когда моряки сошли на берег, их встретили работники интерсектора Батумского клуба моряков и предложили им совершить в автобусе прогулку по городу.

— Стоит ли на это тратить деньги? — спросил один из моряков.

— Это бесплатно! — ответила инструктор-переводчик клуба моряков Додо Чичинадзе. — Добро пожаловать в наш клуб. Там вы можете весело провести время, посмотреть фильм, и все это — тоже бесплатно.

— Прогуляться так прогуляться, — сказали моряки и полезли в автобус.

Моряки — не туристы. Они не очень-то восхищаются красотами природы, и их, повидавших многие города, вряд ли могли удивить скромные дома Батуми. Впрочем, новые здания — морского вокзала, широкоэкранный кинотеатр и драматического театра привлекли их внимание. А когда они узнали, что в грузинском драматическом театре вот уже четверть века идет «Царь Эдип» Софокла, они вылезли из автобуса и внимательно осмотрели театр.

Автобус идет дальше... Постепенно ближе знакомимся с моряками. Коста Дривас... Тимитриос Дукас... Янис Тсалакидис... Вскоре фамилии забываются. Остаются в памяти имена Стасо, Спиро, Манолис...

Манолис — это мальчик. Ему четырнадцать лет. Что он делает на пароходе? Помогает кочегарам в машинном отделении. Трудно? Да, не легко. Как-никак — 50 градусов жары. А как учеба? Манолис смущенно опускает голову. Потом, когда свыкся с нами и стал смелее, он рассказал:

Далеко отсюда, на острове Икарис живут его шесть сестер и четыре брата. Он — старший в семье. Отец — рыбак, имеет маленькую лодку. Но разве этим можно прокормить такую семью! Дядя Панайот, матрос с «Малоу», угворил капитана, и тот взял Манолиса на пароход. «Себя прокормишь и отцу поможешь».

— Вот это и есть моя школа! — закончил свой рассказ Манолис.

...Автобус подошел к пионерскому парку.

— Посмотрим?

— А что тут интересного? — спросил Стасо.

— Ну, парк, озеро, пароход, на котором дети играют в моряков.

— Что ж, посмотрим, — без всякого энтузиазма сказал Спиро.

В самом деле, это не так уж интересно. Ну, озеро, ну, детский пароход. Одному Манолису может быть это интересно.

По аллее парка со звонким смехом пробежала ватага ребятишек. На вытянутых вверх руках они несли модели кораблей, самолетов, спутников...

Ребята были такие же, как и во всем мире, и все-таки было в них что-то такое, что заставило моряков оглянуться на них.

— Хотел бы я быть сейчас вместе с вами, — задумчиво сказал уже чemoлодой моряк Коста Дривас.

А Манолис невольно сделал несколько шагов им вслед.

— Вот там, по ту сторону озера, вы видите здание мореходного училища, — сказала Додо Чичинадзе. — Здесь обучаются ваши коллеги — будущие судовые механики и штурманы дальнего плавания. Обучение бесплатное. Все курсанты живут в общежитии, одеваются и питаются на государственный счет. Им еще колочают стипендию. Небольшую, правда, но на кино и сигареты хватает...

...К маленькому причалу подошел белоснежный пароходик. На капитанском мостике стоял веснушчатый мальчишка и в рупор отдавал команду. Матросы — ребята в белых рубашках с пионерскими галстуками — как заправские моряки четко выполняли все, что требовалось.

Манолис сразу заметил своих одноклассников и хотел было подойти к ним. Может быть, он хотел рассказать этим ребятам, играющим в моряков, что он — настоящий моряк, что он уже пересек экватор и что... если говорить честно,

он предпочел бы играть с ними, а не мучиться в кочегарке.

Он ничего никому не сказал. Кто-то из команды (возможно, чтобы рассеять его мысли) поторопился отвести его в сторону.

Прогулка по городу продолжается... Матросы с «Малоу» увидели новые дома, в которых живут рабочие и моряки, и дома, которые еще строятся, и улицы, похожие на аллеи, и жизнерадостных людей на улицах, и мы слышали, как они восклицали: «Орео!», что значит «Прекрасно!».

* * *

Вечером несколько матросов с «Малоу» зашли в клуб моряков. Играла радиоло. Две-три пары танцевали. Здесь были моряки с других пароходов — итальянцы, норвежцы. Играли в шахматы, просматривали свежие газеты...

Спиро Кривватас подошел к стенду, на котором по-английски было написано: «Моральный кодекс строителя коммунизма».

— Ну, это не для меня! — Спиро не стал читать и прошел в бар.

Потом все расселись поудобнее в кресла и посмотрели веселый фильм «За супружество — тройка».

На следующий день в клуб моряков пришла почти вся команда «Малоу».

Активистка клуба Ая Киладзе дала урок музыки радисту Спиро Кириакису, который давно мечтал научиться играть на рояле. Объяснила клавиатуру, помогла подобрать мелодию популярной у нас песни. Довольный своими успехами, Спиро подозвал друзей и дал первый в жизни сольный концерт: исполнил на рояле одним пальцем «Песню о Тбилиси». Друзья наградили Спиро бурными аплодисментами.

В тот вечер моряки вернулись на свой корабль, хором распевая песню, которая сразу стала любимой.

* * *

На следующий день, во время очередного урока музыки Спиро спросил Аю:

— Сколько вам платят за вашу работу?

— За какую работу?

— Ну вот за это — за то, что вы учите меня музыке, водите нас на экскурсии...

Ая Киладзе не смогла сдержать улыбки.

— Какая же это работа? Я — врач и работаю в санатории, там мне и платят за мою работу. А здесь я — активистка клуба... Понимаете, мне самой приятно здесь работать — и совершенно бесплатно.

Спиро недоверчиво посмотрел на нее

и пожал плечами. Это, конечно, трудно понять сразу.

Работники клуба моряков рассказывали нам:

— Чтобы иностранные моряки могли лучше разобраться в непонятных вопросах, мы предлагаем им почитать брошюры о быте и отдыхе советского человека, об образовании и охране труда в нашей стране, но они отказываются брать эти брошюры. А к концу вечера, когда все расходится, мы замечаем, что на стендах не осталось ни одной книжки.

Бог с ними, с брошюрами. Их, пожалуй, можно и не читать. Ведь куда интереснее, а главное — достовернее — увидеть своими глазами, услышать своими ушами, потрогать своими руками...

И морякам с «Малоу» за двадцать дней, проведенных в Батуми, довелось увидеть немало такого, что заставило их призадуматься.

* * *

...Высоко в горах раскинулось село Ачкава. Обыкновенное грузинское колхозное село.

Автобус остановился у правления колхоза. Знакомимся:

— Председатель колхоза Анести Мурузиди.

— Мурузиди?... Анести?..

— Да, Мурузиди, Анести.

— Вы грек?

— Да, грек. Тут у нас много греков. Вы сейчас с ними познакомитесь...

Весь дальнейший разговор проходил по-гречески. Но греки, живущие в Грузии, обогатили свой язык новыми словами, рожденными социализмом, и греческим морякам пришлось запомнить их.

О том, что греки в поисках лучшей жизни расселились по многим странам, моряки с «Малоу» знали давно. Но о том, как живут их братья по крови в Советском Союзе, они ничего не знали.

...В самом деле, здесь, в грузинском селе, оказалось много греков. Знакомство с ними для моряков с «Малоу» было как открытие новых стран... Герой Социалистического Труда Христофор Мерициди. Он тридцать лет руководил колхозом. Теперь на пенсии. Колхоз обеспечивает его всем необходимым... Герой Социалистического Труда Василий Политиди. Бригадир. Награжден двумя орденами Ленина... Депутат Верховного Совета Аджарской АССР Александра Стефаниди... Простая крестьянка-гречанка — депутат парламента Аджарской автономной республики. Может ли это быть?... Да вот — она перед вами!

Моряки заходили в дома колхозников, разговаривали с хозяевами, играли с детьми.

Не будем рассказывать обо всем, что увидели в этот день греческие моряки... Они побывали на чайных плантациях,

на животноводческой ферме, в сельском комбинате бытового обслуживания, в клубе, библиотеке... Узнали, что в селе есть две средних школы, радиоузел, АТС, что колхозники села Ачкава выращивают самый высокий в мире урожай чайного листа — 7 468 килограммов с гектара, и зарабатывают они столько, что многие приобрели себе автомашины... Поверят ли всему этому греческие крестьяне, те, живущие в Греции?..

— Не поверят! — сказал Спиро Криватас. — Как не поверили наши предки рассказам Одиссея.

...Дружные хозяева села вдруг заспорили. Гости из скромности в этом споре участия не принимали. Спор шел о том, у кого гости будут обедать. Стол был накрыт в каждом доме. Победил Алексей Папуниди. Он сказал, что у него лучшее в селе вино. Кто не верит — может отведать. Ладно, отведаем...

Расселись за длинным столом на веранде. Сначала утолили голод. Потом жажду. Утолять было чем. Жареные цыплята, шашлык, свежая рыба всем пришлись повкусу. Домашнее вино Алексея Папуниди и в самом деле оказалось отменным.

За столом сидели греки, грузины, русские, украинцы.

Моряки с «Малоу» продолжали открывать неведомое...

— В нашем селе, — рассказывал председатель колхоза Анести Мурузиди, — живут люди разных национальностей. Но все мы — одна семья. Потому и называется наш колхоз — «Красный Октябрь».

— А есть у вас бедные крестьяне? — спросил Стасо.

— Бедные?... — переспросил Анести Мурузиди. — Мы забыли это слово. Вот, например, Павел Василяди со своей семьей в прошлом году заработал 4 500 рублей, Николай Элениди — 4 350 рублей. Так может заработать каждый — только трудись! Хозяйство у нас богатое — 634 тысячи рублей дохода получили мы в прошлом году. А в этом году получим еще больше... Вы видели наши чайные плантации, нашу животноводческую ферму. Мы еще выращиваем цитрусовые, тунг, бамбук. Государство хорошо оплачивает нам эти ценные культуры и помогает дальше развивать наше хозяйство.

— А есть ли у вас крестьяне, которые живут и работают отдельно — вне колхоза?

Анести улыбнулся.

— Были такие... много лет назад. Но все уже давно убедились, что богатая, зажиточная жизнь может быть только в колхозе...

Сидевший рядом со Спиро колхозник Георгий Сидариди рассказал ему, что недавно вернулся с курорта, отдыхал по бесплатной путевке.

— Крестьяне отдыхают на курортах?.. Нет, это поудивительнее рассказов Одиссея!

Есть вещи, которые трудно выразить словами... Душевная теплота, трепет взволнованного сердца, радость, которой надо немедленно поделиться с другим... Тут трудно подыскать нужные слова.

И вот, сама собой возникла песня— вначале медленная, тихая, потом все более оживленная, звонкая.

Песен было много. Моряки и колхозники спели любимые греками «Стоялон» и «Сыны Пирея», любимую всеми «Песню о Москве».

Потом пустились в пляс. Лангефтон сменялся тригонасом, нашлись и такие, кто умел танцевать митерицас.

— Орео! Орео! Давно мы так не веселились! — встав из-за стола, сказал Стасо. — Мы почувствовали себя здесь совсем как дома.

Потом, подумав, добавил:

— Впрочем, дома мы так не веселимся.

* * *

Что было еще?.. Еще была поездка в пионерский лагерь на Зеленом мысу («Орео!»). Здесь маленького матроса Манолиса приняли в почетные пионеры и подарили ему пионерский галстук и значок с барельефом Ленина... Была поездка в дом отдыха («Орео!»). Здесь моряки видели, как отдыхают простые советские люди — уральские металлурги, донецкие шахтеры, лесорубы Сибири. Они подолгу говорили с ними — о делах, о жизни, обо всем, — и удивлению их не было конца... А еще Янис Тсалакидис зашел в больницу моряков... Нет, он здоров. Но больна его мать. Она далеко отсюда, но нельзя ли ей чем-нибудь помочь?.. Ревматизм замучил старушку... Янис ушел с лекарством, которое ему дали бесплатно, с теплыми пожеланиями доброго здоровья его матери («Орео!»).

И еще был планетарий... Они сидели в темном круглом зале, и вдруг на куполе зажглись звезды... Лектор рассказывал о полетах в космос.

Когда на экране появился Гагарин, все сразу узнали его. Потом они увидели Титова и Николаева, и Терешкову. Они громко называли имена, словно радуясь встрече с добрыми знакомыми, и

снова (в который раз!) восклицали: «Орео!».

— Да, мы кое-что слышали о советских космонавтах, но теперь мы знаем все, — сказал Спиро Кревватас. Я и мои товарищи никогда еще не были в планетарии. У нас можно видеть звезды только на небе... И вот что я хочу сказать — от себя и от своих товарищей: в вашей удивительной стране даже звезды кажутся ближе. Ближе и доступней — и не только вот этим героям-космонавтам, а каждому человеку...

* * *

Настала пора расставаться... Мы снова встретились со Спиро, Стасо, Кристо, Янисом и другими моряками с «Малоу» в клубе моряков. Снова играли в шахматы, пели песни, танцевали...

Спиро Кревватас был задумчив. Отложив в сторону газету, он подошел к стенду с моральным кодексом строителя коммунизма и стал внимательно читать. Дочитал до конца. Перечел еще несколько строк. Потом закурил сигарету и медленно, обдумывая каждое слово, сказал:

— Видите ли, я не коммунист и не знаю — буду ли им когда-нибудь. Но все, что написано здесь, я принимаю. Это замечательно — тысячу раз «Орео!». А главное, за эти дни, проведенные на вашей земле, мы убедились: это — не просто слова. Это на самом деле так. Каждый советский человек был для нас другом, товарищем, братом. И мы тоже хотим быть для вас друзьями, товарищами, братьями... Вы понимаете, это получилось как-то незаметно для нас — мы многое увидели, многое узнали и, мне кажется, стали немного лучше... Как бы это сказать... Может быть, мы стали немного похожи на вас... Поэтому (он улыбнулся и указал на стенд) эти ваши заповеди полезны и нам, хотя мы и не строители коммунизма...

* * *

...Выходя из батумской бухты, «Малоу» дал три прощальных гудка. Вся команда стояла на палубе. Был солнечный день, и матросы сняли рубашки и, размахивая ими высоко над головой, слали последние приветы друзьям, оставшимся на берегу. Они что-то кричали, но нельзя было расслышать.

В бухту входил финский танкер...

941353-20
303 1000033

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Михаил ГОРГИДЗЕ

Грузины в „процессе 50-ти“

Передовая студенческая молодежь, приобщившись к революционно-демократическим идеям шестидесятников, познакомившись с трудами Маркса, а также социологическими взглядами Бакунина и Прудона, с «Коммунистическим манифестом», вышедшим за границу впервые на русском языке только в 1869 году, в страстном порыве стремилась к революции, жаждала быть участницей народной бури. Многие представители этой молодежи ставили своей целью служение интересам народа, создание нового общества на началах справедливости и равноправия. К такой молодежи относится и Иван Спиридонович Джабадари, студент Петербургской медико-хирургической академии, и его сподвижники.

Разочаровавшись в казенщине академического учения и бесперспективности общественной жизни чиновничьей России, Джабадари покидает Петербург и в начале лета 1874 года выезжает за границу для продолжения образования и ознакомления с общественной жизнью Западной Европы, которой он интересовался еще с ученической скамьи.

В Париже и Швейцарии он устанавливает связи с революционной эмиграцией, в том числе с русскими студентами медицинского факультета Цюрихского университета, у которых был свой революционный кружок во главе с Софьей Бардиной. Кроме нее, в кружок входили Ольга и Вера Любатович, Лидия и Вера Фигнер, А. Хоржевская, сестры Субботины, Д. Аптекман, А. Топоркова, Е. Туманова и другие, всего 12 девушек.

Члены кружка носили название «фричей» по фамилии квартирной хозяйки, у которой проживали некоторые из них. Воодушевленные революционными идеями, хорошо подготовленные, «фричи» с

огромной энергией, мужеством и смелостью вели пропагандистскую работу. Нередко, они выезжали в Россию, привозили запретную литературу, тайно вели агитацию среди рабочих. Действия «фричей» отвечали замыслам Джабадари.

Желая поближе познакомиться с жизнью и психологией рабочих, он и М. Чикоидзе еще до этого, в Париже, устроились в кузнице молотобойцами. Работали с утра до поздней ночи.

Когда И. Джабадари узнает за границей о полном разгроме и гибели в Петербурге и Москве революционной группы «чайковцев», он принимает смелое решение — идти на смену погибшим за народное дело. Придя к заключению о необходимости объединения усилий и желая посвятить свою жизнь борьбе с самодержавием, Джабадари решает вернуться в Россию, чтобы разрозненные остатки подпольных кружков, уцелевших от массовых арестов, и заграничный женский цюрихский кружок «фричей» сплотить в единую российскую организацию. А чтобы организация не носила сугубо интеллигентского характера, а также с целью заслужить доверие трудовых масс, необходимо было включить в нее и передовых революционно настроенных рабочих.

В числе грузинских эмигрантов в Цюрихе были Александр Цицианов (Цицишвили), который, увлекшись сочинениями Чернышевского и других революционных демократов, бросил в 1872 году последний класс Тифлисской классической гимназии и выехал за границу для активной революционной работы. Там был и приехавший с И. Джабадари юнкер Петербургского артиллерийского училища Михаил Чикоидзе.

Швейцария представляла собой тогда гнездо русской и грузинской эмиграции

и учащейся молодежи. В то время сепаратистски настроенная грузинская молодежь устроила в Женеве конгресс уроженцев Кавказа, на котором был решен вопрос об устройстве «Кавказской федеративной демократической республики» по образцу Швейцарии. Одним из учредителей конгресса являлся публицист Нико Николадзе, который на самом конгрессе не присутствовал по болезни.

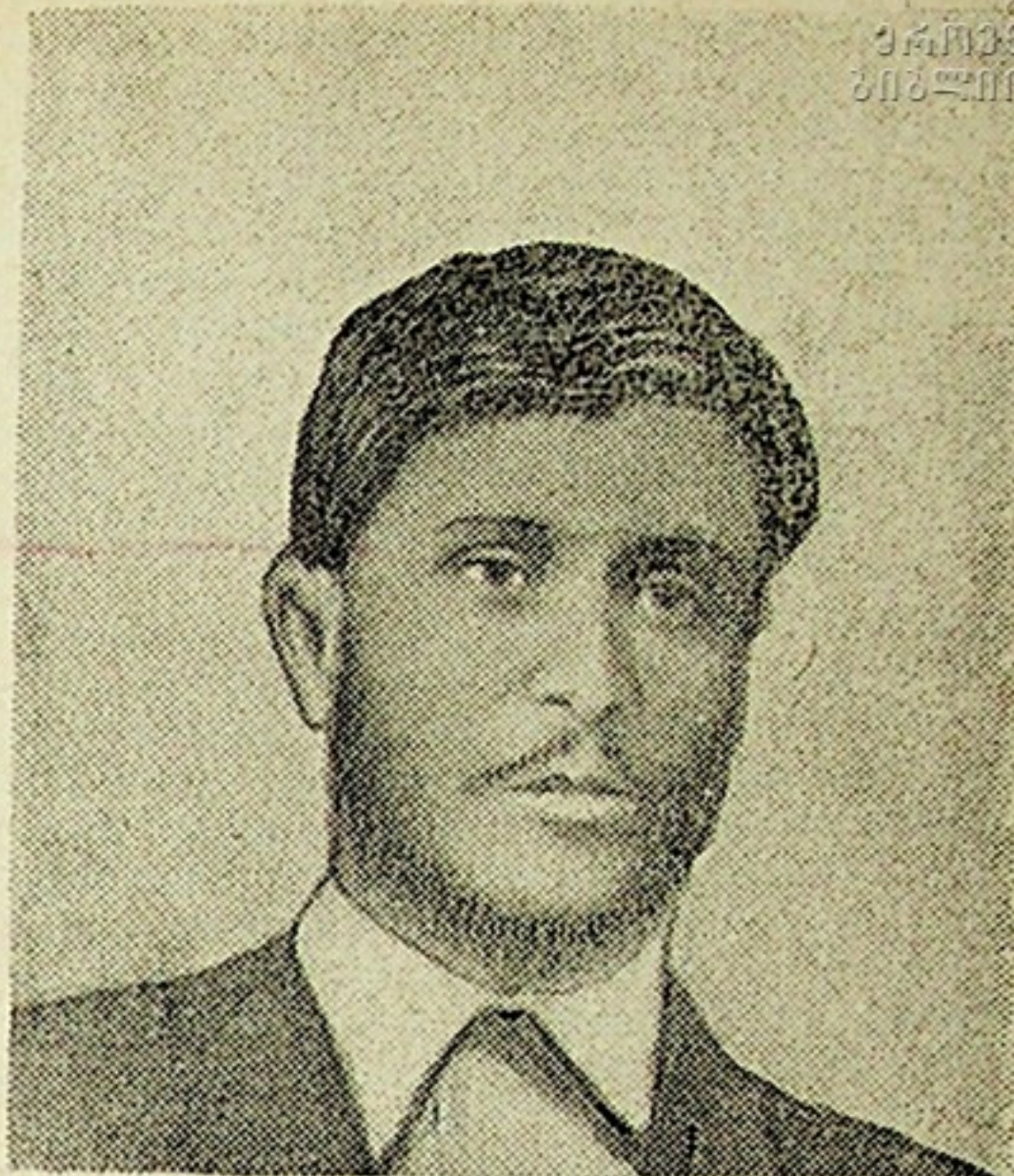
На конгресс из разных городов Западной Европы прибыли: Георгий Церетели (председатель), Александр Сараджишвили, Сергей и Константин Месхи, Реваз Чолокашвили, Александр Цулукидзе, две сестры Николадзе, Петр и Екатерина Меликишвили, Елиозишвили и другие. Всего присутствовало 40 грузин. Были также представители Армении и других народностей Кавказа.

Цицишвили, Чикоидзе, Елиозишвили, Чолокашвили, Джабадари и дагестанец М. Домгат высказались категорически против создания «Кавказской федеративной демократической республики», так как считали подобное узконациональное решение вопроса нецелесообразным; они доказывали, что борьбу с царизмом надо вести общими усилиями. Это меньшинство было заклеймено на конгрессе как «изменники отечества, которые во имя каких-то туманных социалистических идеалов хотят принести в жертву родину...»

И. Джабадари возвращается в Петербург в октябре 1874 года; застав организации разгромленными, а их главарей арестованными, он вступает в переговоры с уцелевшими от арестов представителями петербургских революционных кружков — С. Кравчинским, М. Морозовым, Сердюковым и другими. В кружке Воздвиженской артели на Лиговке Джабадари встречается с передовыми рабочими Михаилом Грачевским, Василием Грязновым и Петром Алексеевым. В петербургских кружках он встретил и своего земляка Георгия Зданевича (Маиашвили)¹ — студента медико-хирургической академии, которого знал и раньше, а также с другими подпольными работниками. Джабадари предлагает им организовать новое всероссийское социально-революционное сообщество.

Заручившись обязательствами петербургских товарищей, Джабадари по заграничному паспорту земляка князя Ратиева (Ратишвили), облаченный в его шубу, вновь пересекает границу, едет в Швейцарию, в Берн, куда до этого вынуждены были перекочевать цюрихские студентки-медики. Им пришлось перебраться в Берн, потому что царское

¹ Маиашвили — литературный псевдоним Зданевича — по имени его матери Майи Микеладзе.

А. Х. Цицишвили

правительство, считая Цюрих центром сбора русской революционной эмиграции, оказывающим опасное влияние и на студентов, издало указ, воспрещающий цюрихским студентам занимать должности в России, если они еще останутся в Цюрихе. К приезду Джабадари из Женевы в Берн прибыли также Чикоидзе и Цицишвили.

В результате встречи и переговоров в ноябре 1874 года с представителями бернского кружка Евгенией Субботиной, А. Хоржевской, Топорковой и Верой Фигнер было заложено начало объединения женского кружка «фричей» с петербургскими кружками. Джабадари спешит обратно в Петербург. Вскоре после этого вся женская группа революционерок, а также Чикоидзе и Цицишвили постепенно, друг за другом, приезжают в Россию в конце 1874 года и в начале следующего. Временно остались в Берне только Д. Аптекман и В. Фигнер, которая вернулась в Россию в 1876 году; к тому времени почти все «фричи» были арестованы, и ей пришлось ликвидировать организацию.

На общем съезде, устроенном в Москве весной 1875 года, были утверждены проекты программы и устава «Всероссийской социально-революционной организации», которая ставила своей задачей революционную пропаганду среди рабочих крупных промышленных районов и крестьянства для подготовки их к борьбе против самодержавия, помещиков и буржуазии. Члены организации в своей революционной борьбе следовали народническим принципам. Все делалось по доброй воле, каждый был готов жертвовать своей жизнью и всем своим до-

стоянием. В организации все были равны.

Но учтя уроки революционеров-народников, которые устраивали отдельные крестьянские бунты без единого руководства, члены «Всероссийской социально-революционной организации» создали руководящий центр, в который вошли 17 человек (9 мужчин и 8 женщин) и 4 человека условно (Цицишвили, Зданевич и две женщины). В итоге в действительные (руководящие) члены входили И. Джабадари, Г. Зданевич, П. Алексеев, А. Цицишвили, М. Чикондзе, В. Грязнов, С. Бардина, В. Люботович и другие, всего 21 человек. (Журнал «Былое», 1907, № 10, стр. 173).

Первая «администрация» организации состояла из троих: И. Джабадари был связан с представителями интеллигенции, находившимися как на легальном, так и на нелегальном положении, а также с их кружками; Е. Субботина заведовала финансовой частью организации, а В. Грязнов поддерживал связь с рабочими.

Обязанности других действительных членов «администрации» были распределены также с учетом способностей каждого. П. Алексеев организовывал общины среди рабочих, Г. Зданевич, знавший иностранные языки, ведал снабжением нелегальной литературой и т. д.

Центром революционной деятельности организация выбрала Москву, как крупный фабрично-заводской район, населенный рабочими и к тому же — менее контролируемый полицией, чем Петербург, считавшийся местом брожения против правительства. По инициативе организации в Москве вышла

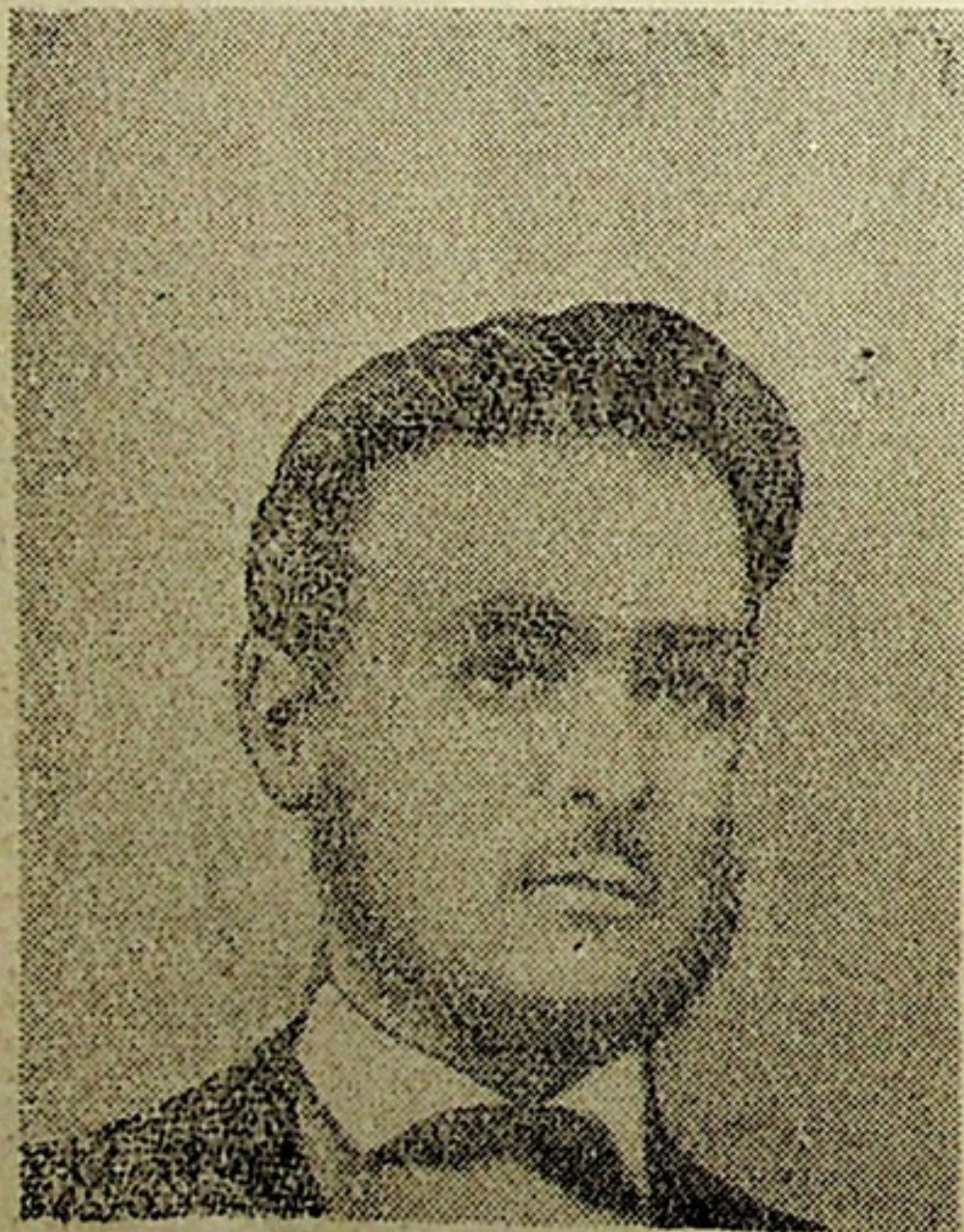
Е. П. Туманова-Гамкрелидзе

первая рабочая газета «Работник», которая в 1875-76 гг. печаталась в Женеве. Газета знакомила своих читателей с западноевропейским революционным движением.

Энергично и быстро развили в Москве подпольную работу члены организации. Члены женской группы — С. Бардина, О. Люботович, Е. Туманова-Гамкрелидзе и другие устраивались работать на фабрики и заводы, завязывали знакомства с рабочими, читали им запретную литературу, приглашали наиболее сочувствующих из них на конспиративные собрания в особую квартиру, вовлекали их в свою организацию. В целях конспирации Зданевич носил кличку Рыжий, Цицишвили — Санчо, Кардашев — Мавр, Гамкрелидзе — Гамка, Кикодзе — Кики... Они разбегались с поддельными паспортами.

Пропаганду они вели не только в Москве и Петербурге, но и в других промышленных центрах России — Иваново-Вознесенске, Туле, Воронеже, Киеве, Харькове, Одессе и на Урале, а Цицишвили выехал в Тифлис в феврале 1875 года для организации Кавказской «общины». Созданные в отдельных городах революционные общины подчинялись московскому центру.

Организация располагала большими средствами, но они были вложены в имения сестер Субботиных, Хоржевской и других женщин, которые их не успели реализовать. Из мужчин только Цицишвили имел крупные средства — он продал свое большое имение за сто тысяч рублей, но ввиду его ареста, только несколько тысяч попали в рево-

А. Е. Гамкрелидзе

люционный фонд. Остальные члены по возможности добывали средства для организации.

Екатерина Туманова 13 июля 1875 года обвенчалась в Москве с Антимозом Гамкрелидзе. Это был фиктивный брак, благодаря которому билет Петербургского ссудного банка в 1 100 рублей, выданный матерью Тумановой как приданое, поступил в кассу организации. Исидор Кикодзе по присланным из Москвы документам Александра Цицишвили «обвенчался» в тот же день в Одессе с А. Хоржевской, которая формально стала княгиней Цицишвили. В результате сего «венчания» приданое в несколько тысяч рублей, полученное от родных Хоржевской, также поступило в общую кассу. Были задуманы и другие аналогичные фиктивные браки для пополнения кассы, но этому помешали аресты. У Кардашова во время обыска было найдено 8 545 рублей деньгами и указанный банковский билет на 1 100 рублей на имя Е. Тумановой.

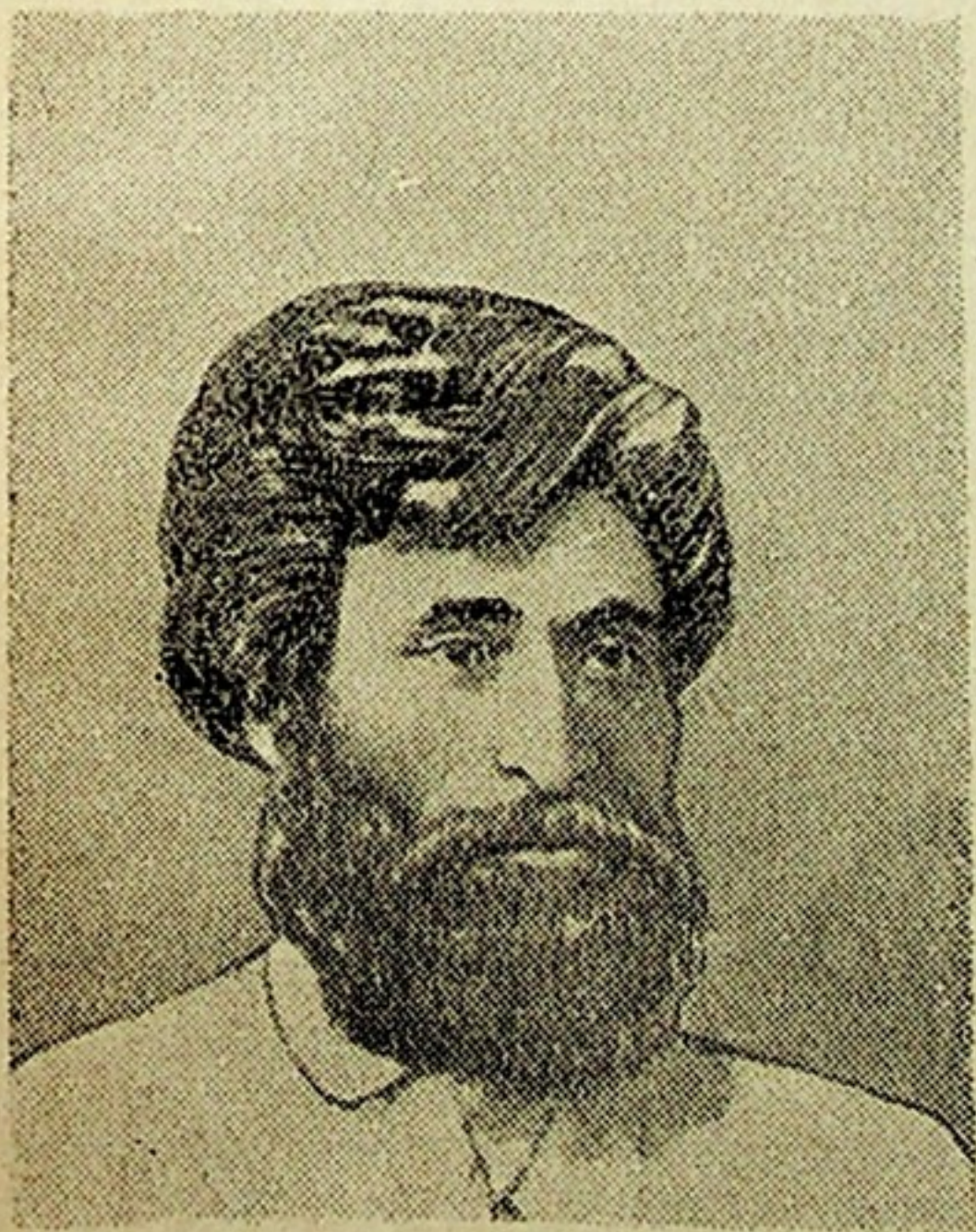
Во второй половине 1875 года организация была раскрыта и разгромлена. Вначале арестовывали отдельных членов организации, как действующих без общего руководства, но когда у некоторых товарищей нашли переписку, а в сентябре 1875 года при аресте в Одессе Зданевича-Маиашвили у него был найден «Устав», то дознанием окончательно было установлено существование общей организации. А. Цицишвили оказал вооруженное сопротивление при аресте в номере гостиницы в Москве, он стрелял в жандарма из револьвера, но промахнулся, так как его локоть успели отстранить; это послужило пово-

дом для того, чтобы увеличить ему срок наказания.

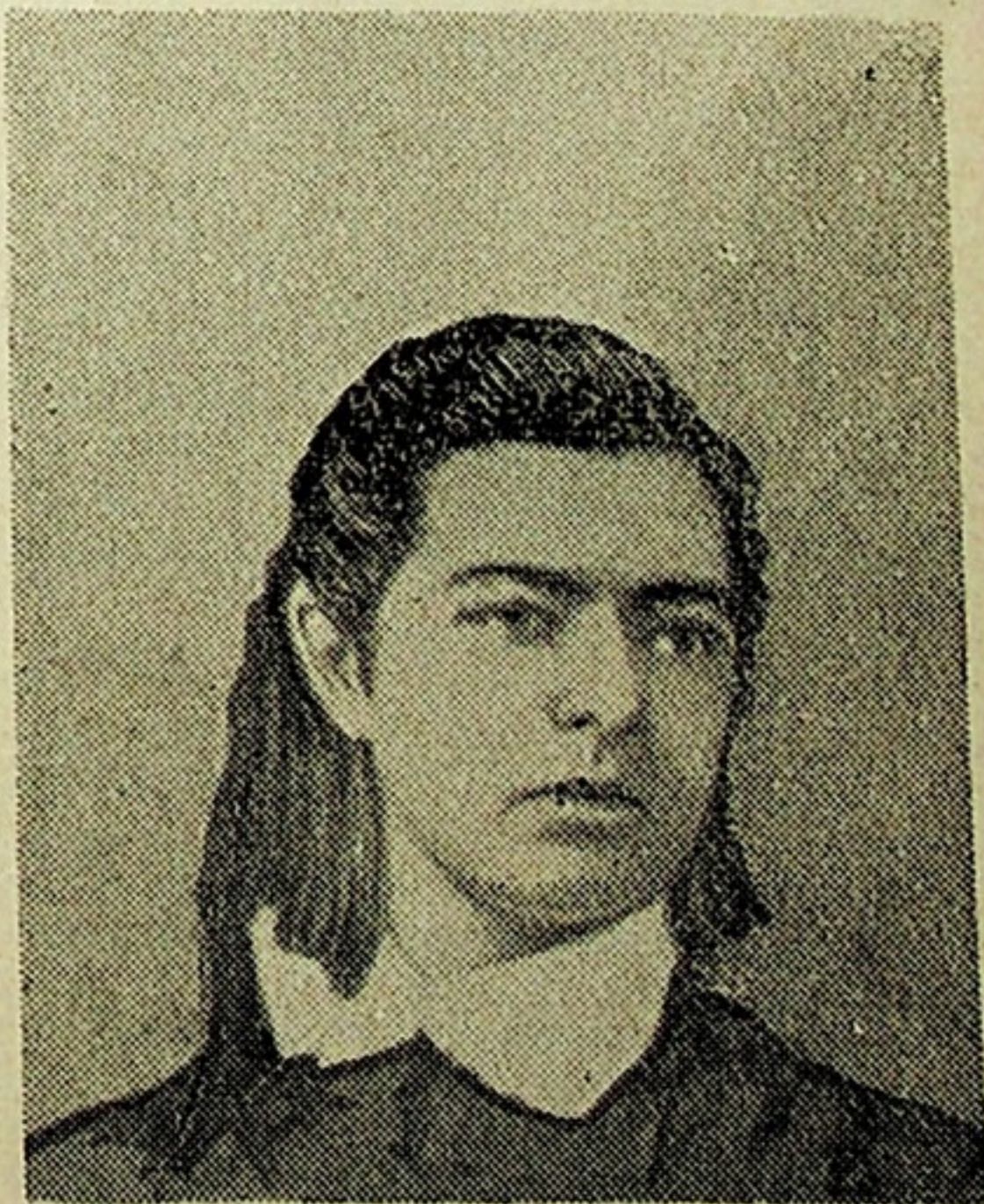
Начались сплошные аресты. К следствию, распространившемуся на 37 губерний и продолжавшемуся полтора года, было привлечено до 2 000 человек. Многие из них были арестованы или поставлены под надзор полиции, часть — освобождена за отсутствием прямых улик. В результате строгого следствия были отобраны и в итоге оказались арестованными 50 революционеров, переданных суду Особого присутствия Сената.

Был составлен пространный обвинительный акт об организации противозаконного сообщества, которое «...рабочим толковало, что земля принадлежит простому классу народа и должна быть разделена между всеми поровну, что фабричный труд должен приносить пользу только рабочим и что для этого необходимо уничтожить власть помещиков, купцов, фабрикантов и всех зажиточных крестьян. Объяснение подобного рода оканчивалось прямым воззванием к уничтожению существующего порядка путем вооруженного восстания всей массы народа против правительства и царя...»

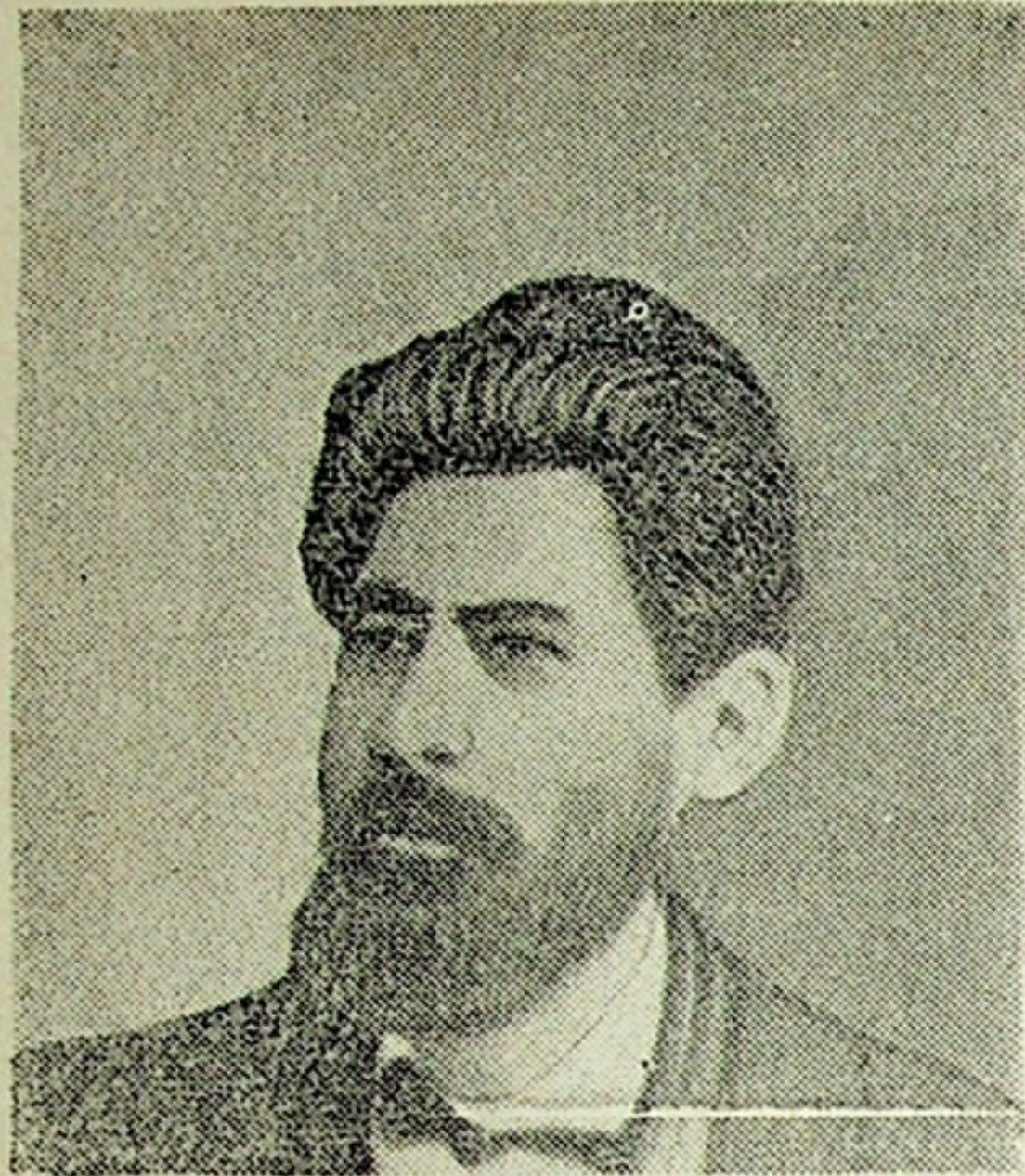
В числе пятидесяти подсудимых были 17 молодых женщин и 33 мужчины, все в возрасте от 20 до 25 лет. Среди них — Цицишвили, Джабадари, Чикоидзе, Гамкрелидзе, Зданевич-Маиашвили. К дознанию были привлечены и другие грузины, связанные с революционной организацией: Исидор Кикодзе — петербургский студент-медик, скрывшийся от ареста; Пармен Микеладзе, подвергшийся

И. С. Джабадари

О. С. Любатович-Джабадари

М. Н. Чикоидзе

многочисленному тюремному заключению в процессе следствия; Эгнате Иоселиани — петербургский студент-лесник и Каихосро Пурцеладзе — тоже студент; но им удалось замести следы. По побочным данным под следствием находились также и И. Багдасарян, Б. Степанян, Г. Атабегов, Рипсима Туманян и другие армяне, а также дагестанцы — Магомед Домгат и Джатамир Шанаев.

Это был первый массовый политический процесс в России, проведенный в Петербурге в феврале-марте 1877 года, на котором за революционную деятельность рядом с представителями интеллигенции на скамье подсудимых сидели и рабочие, рядом с мужчинами — женщины. На революционной арене России зародилась новая сила — рабочие.

До этого социализм был известен только студенческой молодежи и интеллигенции, народ же узнал о нем по «процессу 50-ти». Последние защитительные речи были поручены подсудимыми лучшим ораторам из своей же среды, людям волевым, энергичным, обладавшим могучим голосом, хорошей речью.

Бардина, например, говорила: «За нами силы нравственные, сила исторического прогресса, сила идей, а идеи — уву! — на штыки не улавливаются». Речь Зданевича — строгая, стройная: из-под ее «холодной и строгой оболочки мыслителя точно рвется наружу непоколебимое, страстное убеждение фанатика». Прочувствованное выступление Чикоидзе кончалось словами: «...вы два го-

да мучаете меня... я отдаю вам жизнь». «И, наконец, раздается громовое слово Петра Алексеева — крестьянина, представителя самого народа, и слышится в нем точно голос той многолюдной массы, которая в недрах своих носит будущее — неведомое, грозное, быть может, кровавое...» (Кравчинский-Степняк. Две речи. 1906).

Пророческие слова П. Алексеева, закончившие речь: «...и ярмо деспотизма, огражденное штыками, разлетится в прах!» — сбылись ровно через 40 лет, в 1917 году. Речи подготовили и другие рабочие — Ф. Егоров и С. Агапов, но не произнесли их.

Речи эти готовились сообща. Джабадари вместе с другими намечал, о чем говорить ораторам, затем просматривал, корректировал, сокращал, исправлял, написанное рабочими, советовал им запоминать это наизусть. Он вмешивался на заседаниях суда в порядок ведения процесса, чтобы направить его по желательному руслу. Ему удалось добиться, чтобы всех судили вместе, одновременно, а не в отдельности, разделенными на 8 групп, как полагал суд. Это ободряло подсудимых, заставляло их держаться стойко и производило сильное впечатление на молодежь, которая ломилась на процесс, усиливало его агитационное значение (журнал «Былое», 1907, № 10, стр. 190, 193).

Устроив открытый процесс и печатая материалы о его ходе в «Правительственном Вестнике» из номера в номер, царское правительство хотело напугать народ призраком революции, но достигло лишь обратных результатов. Общественность стала на сторону революционной молодежи, сочувствовала ей, как борцам за народное дело, жертвовавшим собой ради светлого будущего. Речи подсудимых на заседаниях суда приветствовались овацией, распространялись оставшимися на свободе членами организации по всей России.

У многих вызывало недоумение наличие грузин в числе главных участников революционной организации. На аналогичный вопрос назначенного судом адвоката Спасовича Джабадари ответил: «Мы работали в России во имя общечеловеческих интересов, а не узких, изжитых, национальных... Торжество русской социальной революции одно даст свободу народам России, а следовательно, и нам, грузинам, которые исторически навеки связаны с русским народом».

Последний раз, чтобы выслушать приговор в окончательной форме, подсудимые собрались 5 апреля 1877 года. Уцелевшие товарищи прислали с воли 50 серебряных позолоченных крестиков с рельефным изображением распятия, как бы символизирующего жертвы под-

судимых. На оборотной стороне были вырезаны начальные буквы названия организации В. С. Р. О. Это был единственный предмет, который дозволялось иметь при себе заключенным. Каждый из них в память об общей борьбе за высокие идеи бережно и благоговейно носил эту реликвию до последних дней жизни.

По «процессу 50-ти» 15 подсудимых — 9 мужчин и 6 женщин — были приговорены к каторжным работам на сроки от 3-х лет и 4-х месяцев до 10 лет каждый. Наибольшее наказание, по 10 лет каторги, получили трое мужчин и две женщины: А. Цицишвили, П. Алексеев, Г. Александров, С. Бардина и О. Любатович.

Г. Зданевич-Манашвили был приговорен к 6 годам и 8 месяцам каторги, а потом оставлен еще в ссылке надолго. Всего на каторге и в ссылке он пробыл 12 лет. Но и находясь в ссылке, не прекращал работы. В газете «Иверна» в 1882 году была опубликована серия его статей, которые вызвали большой интерес общественности. Он перевел с немецкого на русский язык брошюру Маркса «Нищета философии», вел переписку с В. Г. Короленко и О. В. Аптекман о печатании за границей революционной литературы и доставке ее в Россию. Вернувшись из ссылки в Грузию в 1889 году, Зданевич занимался прогрессивной национально-освободительной, публицистической деятельностью. Умер в 1917 году.

И. Джабадари был приговорен к 5 годам каторги на Кару, по отбытии которой еще несколько лет его держали в Сибири. Относительно короткий срок наказания Джабадари объясняется тем, что суд за неимением прямых улик не смог доказать его ведущую роль в организации.

В Тифлисе женой Джабадари стала осужденная по тому же «процессу 50-ти» Ольга Спиридоновна Любатович, уроженка Тифлиса; она занималась переводами с иностранных языков, была домашней учительницей. Общие идеалы и интересы и совместная борьба объединили их. Джабадари служил в Тифлисском городском общественном управлении. После был присяжным поверенным. Оба — он и его супруга находились под полицейским надзором.

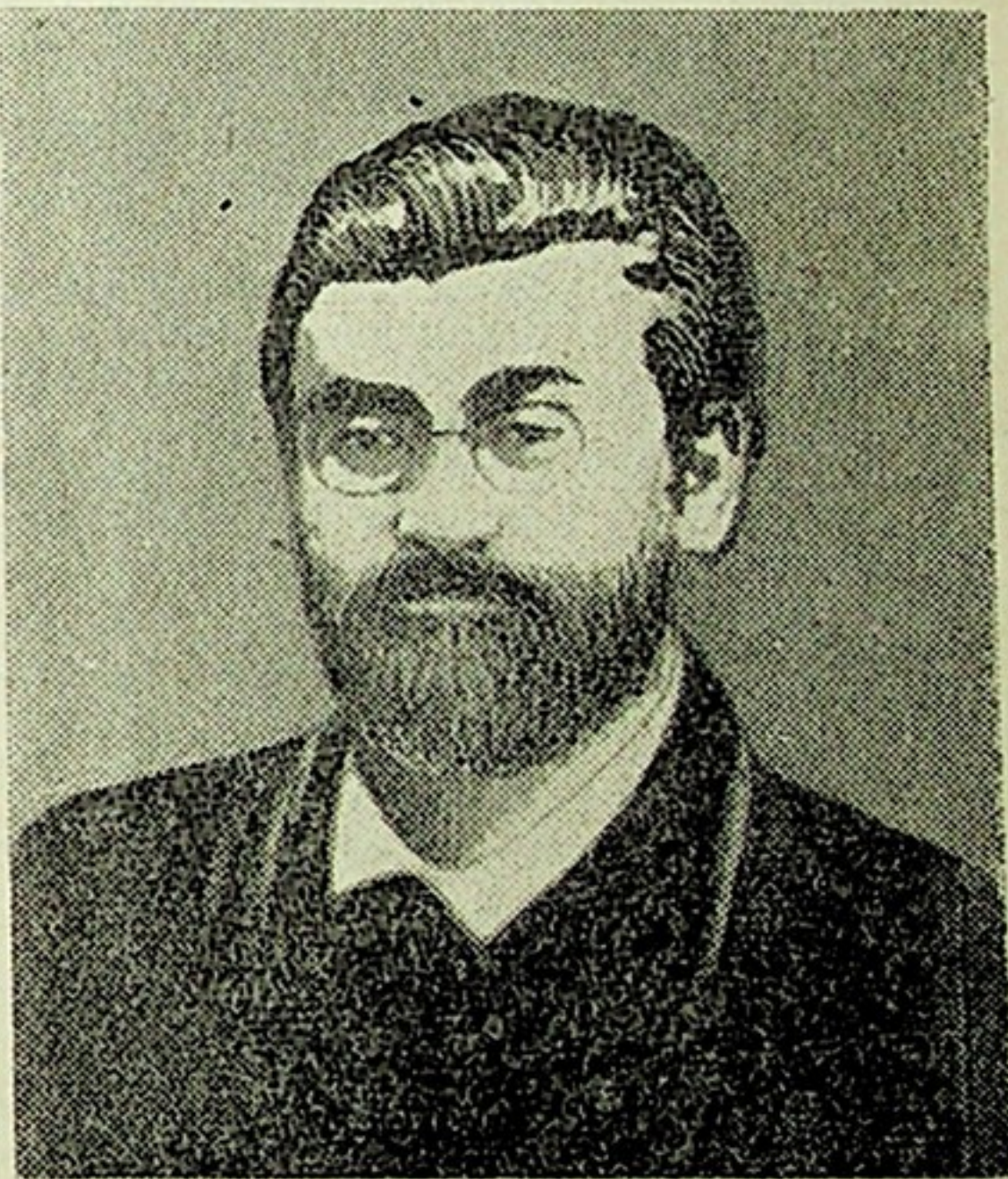
Невзирая на это, Джабадари продолжал работать в нелегальных кружках местных народников и революционных деятелей, сосланных на Кавказ. За социал-демократическую пропаганду и участие в марксистском кружке он был привлечен к жандармскому дознанию. При обыске на его квартире были обнаружены рукописи статей самого Джабадари, в том числе «Казнь общественных деятелей», воспоминания о Петронав-

ловской и Шлиссельбургской крепостях, в которых ему приходилось сидеть, воспоминания о встречах с Софьей Перовской и другие¹. Эти «крамольные» рукописи, найденные у Джабадари, и другие документы, хранящиеся ныне в архиве, свидетельствуют о бесстрашии и верности революционным идеям и борьбе до последних дней жизни этой плеяды революционеров. Умер Джабадари незадолго перед Октябрьской революцией.

На 5 лет каторги был осужден также и Антимоз Гамкрелидзе.

Остальные подсудимые, кроме указанных пятнадцати, были приговорены к ссылке в Сибирь и тюремному заключению на разные сроки; среди них находилась и Екатерина Туманова-Гамкрелидзе.

В общей сложности всем, привлеченным по «процессу 50-ти», по нашему подсчету, было присуждено 95 лет каторги, 61 год крепости и тюрьмы, 110 лет ссылки в отдаленные безлюдные места Сибири, а остальным поселение в ближнюю Сибирь («Процесс 50-ти». М., 1960, стр. 161).

Г. Ф. Зданевич-Манашвили

Из многочисленных ответственных членов организации никто не оказался изменником, только один из рядовых товарищей (Василий Ковалев) после ареста, проявив малодушие, начал называть сообщников, но это ему мало помогло. Суд за это ходатайствовал перед царем, чтобы 3 года и 4 месяца каторги были заменены ему ссылкой в далекую Сибирь, в Тобольскую губернию.

¹ «Заря Востока», 1963, № 259.

Пять подсудимых — Джабадари, Цицишвили, Зданевич-Манашвили, П. Алексеев и С. Гардашев в знак протеста отказались от подачи прошения о смягчении судебного приговора. За это их отправили отбывать наказание в особо тяжелых условиях вместе с наиболее опасными уголовными преступниками.

Доблесть и мужество революционеров России породили сочувствие у трудящихся не только нашей страны, но и за рубежом. Процессу и его участникам посвящались стихотворения, получившие большое распространение; среди них — «Смолкли честные, доблестно павшие» Н. А. Некрасова, «Узница» Я. П. Лонского и другие. И. С. Тургенев целовал фотографические карточки «святых»¹. Даже английский аристократический журнал «Грэфик» не мог устоять перед романтическим героизмом русских революционеров и в том же 1877 году поместил портреты восьми осужденных молодых участниц процесса, олицетворяющих символ благородства, ума и энергии. А за океаном Марк Твен, вдохновленный величием духа этих людей, с глубоким сочувствием писал о дружбе, храбрости, бесстрашии и честности тех, кто по доброй воле шел на мучения и в конце концов на смерть ради блага других; писатель позором клеймил царский деспотизм, доводящий людей до отчаяния.

В тягчайших условиях тюрьмы, каторги и ссылки в отдаленных безлюдных местах Сибири погибли многие из осужденных. Мария Субботина и года не выдержала в этих условиях и умерла в глуши Сибири. Измученные Софья Бардина и Александра Хоржевская покон-

¹ В. Богучарский. Активное народничество 70-х годов. М., 1906, стр. 301.

чили жизнь самоубийством. Заключенная в тюрьму Бетя Каменская тяжело заболела, была выпущена на поруки родным и вскоре умерла. Михаил Чикондзе, бежав из ссылки в 1881 году, примкнул к «Народной воле», но вскоре был пойман. За побег ему присудили дополнительно 3 года каторги на Каре, а после направили в ссылку в Якутскую область, где он и умер от чахотки.

Александр Цицишвили скончался, не дожив до срока окончания каторги, в 1885 году. Петр Алексеев был убит бандитом, позарившимся на небольшие деньги, хранившиеся у него для побега. Тяжелая участь постигла и некоторых других.

На Каре, в далеком Забайкалье, куда были отправлены многие из осужденных, были самые тяжелые условия каторжных работ. В знак протеста заключенные часто объявляли там голодовку, многие кончали жизнь самоубийством.

Только части осужденных посчастливилось пережить тяжелые испытания каторги и ссылки, вернуться и вновь включиться в революционное движение, принять участие в народившихся к тому времени социал-демократических кружках и в революции 1905 года. Из них только трем — Екатерине Тумановой-Гамкрелидзе, Евгении Субботиной и Александре Топорковой довелось дожить до победных дней Великого Октября.

Пятьдесят молодых революционеров показали исключительный пример героизма в борьбе за победу идей социализма, оставили волнующие страницы в русской революционной истории, которые имеют большое воспитательное значение и для нынешней молодежи. Жизнь и борьба их заслуживают быть отраженными и в советской литературе, и в нашем изобразительном искусстве.

М. Горький на страницах „Зари Востока“

История взаимоотношений Горького и Грузии в последнее время стала привлекать особенно большое внимание грузинских исследователей. И это вполне естественно. В условиях возрастающего экономического, политического и культурного сближения народов СССР исследование литературных отношений между ними становится неотъемлемой частью нашего литературоведения. Этим, надо полагать, и объясняется тот факт, что только за последние годы появляется ряд ценных исследований, посвященных указанной теме¹.

Истоки связей Горького с Грузией, как известно, восходят к 1891—92 гг.

По мере развития горьковского дарования и общественной деятельности писателя, эти связи расширялись и углублялись и, наконец, получили полное развитие после установления в Грузии Советской власти. Одним из источников, раскрывающих взаимоотношения Горького и грузинской общественности, является республиканская партийная газета «Заря Востока».

Орган Заккрайкома РКП и Союзного Совета ССР Закавказья, «Заря Востока» на протяжении всего своего существования (первый номер вышел 20 июня 1922 года) выступала проводником идей ленинской национальной политики в Грузии и Закавказье, идеи укрепления нерушимой дружбы народов СССР. Большую роль в этом сыграли произведения литературы братских народов, широко публиковавшиеся на страницах газеты. Здесь впервые увидели свет некоторые произведения М. Горького, В. Маяковского, С. Есенина, А. Толстого, Вс. Иванова, В. Каменского и др. Об умении редакции газеты привлекать писательские таланты говорит Л. Сейфуллина. В

1932 году, поздравляя газету с 10-летним юбилеем, она писала: «...Прекрасные отроческие воспоминания крепко связывают меня с редакцией «Заря Востока». В 1924 году, на третьем году моего писательского существования, представители этой газеты нашли меня в Москве, и газета предоставила мне возможность поездки в Турцию... «Заря Востока» умела привлекать не только местных сотрудников. Многие советские писатели работали для нее. Теперь, умудренная творческим сожительством с редакциями журналов и некоторых газет, я вижу ясно, как хорошо была поставлена работа с писателями в «Заре Востока». Это была подлинно товарищеская и по-настоящему трудовая спайка...»¹.

Школой литературной учебы газета послужила и для таких писателей, как П. Павленко, М. Шагинян и др. На страницах «Зари Востока» широко перепечатывались произведения как названных писателей, так и других талантливых поэтов и прозаиков: Д. Бедного, Ильфа и Петрова, В. Катаева, Э. Багрицкого, А. Безыменского, Н. Асеева и многих других. Публикация новинок, освещение актуальных вопросов литературы и искусства обеспечили газете большую популярность. В юбилейной статье, посвященной выходу 10-тысячного номера газеты, Н. Тихонов назвал «Зарю Востока» «маяком социалистической культуры, светящим не только в родной стране, но и за пределами Советского Союза»².

Среди писателей, печатавшихся в «Заре Востока», особое место занимает Максим Горький. Ни одному писателю газета не уделяла такого любовного внимания, как основоположнику литературы социалистического реализма. Она пристально следит за каждым его выступлением, постоянно держит читателя в курсе событий, касающихся жизни и деятельности этого великого художника и Человека. Газета печатает все его

¹ Б. Пирадов. У истоков творчества Максима Горького. Тбилиси, «Заря Востока», 1957. В. Имедадзе. Горький в Грузии. Тбилиси, «Заря Востока», 1958. Г. Гвенетадзе. Максим Горький и грузинская литературная мысль в начале XX в. Тбилиси, «Заря Востока», 1961.

¹ «Заря Востока», 1932, 20 июня.

² Н. Тихонов. Наш общий праздник. «Заря Востока», 1957, 20 августа.

телеграммы, поступавшие из-за границы в Советский Союз, выступления, речи, беседы. Широко освещает поездки по Советской стране, тщательно собирает материалы, связанные с годами пребывания Горького в Грузии¹. В газете содержится большой материал, показывающий связи Горького с деятелями грузинской культуры и общественности, рецензии о постановках его произведений в театрах Грузии, критические статьи о влиянии Горького на творчество грузинских писателей и т. д.

Особое внимание газета уделяет публикации произведений Горького, как новых, так и более ранних. Здесь мы находим очерк о Ленине, «Рассказ о необыкновенном», «О тараканах», «Михаил Вилонов», «Камо», «Клим Самгин» (отрывки), «О сером», «Город Желтого Дьявола», «Один из королей республики», «Песню о Соколе», «Песню о Буревестнике» и др. Некоторым произведениям посвящались критические статьи. Так было с повестью «Мои университеты», романом «Дело Артамоновых», пьесами 30-х годов. Наряду с художественными произведениями печаталась и публицистика: «За работу!», «9-е января», «Гуманистам» «О женщине», «О наших достижениях» и др.

Из произведений Горького, впервые опубликованных в «Заре Востока», прежде всего следует назвать «Рассказ о необыкновенном». Печатался он в пяти номерах с 10 по 17 мая 1925 года. При этом рассказ сопровождался небольшим примечанием, в котором сообщалось, что он «печатается впервые, получен из Берлина». Факт сам по себе примечательный. Он свидетельствует о непосредственной связи Горького с редакцией «Зари Востока» и об исключительном интересе грузинского читателя к произведениям великого писателя.

«Заря Востока» проливает свет на историю возникновения и публикации произведения «Камо».

В 1931 году в связи с исполняющимся 10-летием со дня трагической гибели Камо из Тбилиси обратились к Горькому с просьбой написать свои воспоминания об этом замечательном революционере. Горький, несмотря на занятость, охотно откликнулся, и 29 января 1932 года рукопись этюда «Камо» уже была послана в Тбилиси. Она сопровождалась письмом следующего содержания:

¹ Горький в Грузии был 5 раз: в 1891 — 92 годах, 1897, 1903, 1928, 1929 годах. Здесь впервые была опубликована переписка Горького с А. М. Калюжным, воспоминания Калюжного, страницы из биографии Горького И. Груздева и др.

«Уважаемый товарищ!
Посылаю маленький этюд о Камо, писать больше — не могу, нет времени,
Сердечный привет!
М. Горький.

29.1.32»¹.

21 февраля 1932 года этюд полностью был опубликован в «Салитературо газети» на грузинском языке. Несколько месяцев спустя — 12 июля того же года он впервые публикуется на русском языке в «Заре Востока» и только потом уже — в августе этого года — в журнале «30 дней»².

Сопоставление всех трех текстов свидетельствует о том, что это одна и та же редакция.

Большой интерес представляет напечатанный в «Заре Востока» очерк Горького о Ленине. Это не оригинал, а перевод с английского текста, опубликованного в газете «Дейли геральд» в 1924 году. Перевод сопровождался следующим примечанием:

«Максим Горький, находящийся сейчас за границей, написал книгу о Ленине.

В русском издании этой книги еще нет. В переводах с рукописи отрывки воспоминаний Горького появились в английской прессе («Дейли геральд»), откуда мы и заимствуем приводимые отрывки»³.

Воспоминания Горького о Ленине действительно были опубликованы в газете «Дейли геральд» 17, 19, 21, 24 апреля 1924 года⁴.

Этот факт, как и факт перевода воспоминаний на русский язык и публикации их на страницах «Зари Востока», в горьковедении не известен⁵.

Перевод с английского языка, помещенный в «Заре Востока», пока что единственный.

Сличение текстов английского и переводного показало, что перевод очерка в целом сделан довольно тщательно, если не считать некоторых стилистических неточностей. К ним в первую очередь относится перевод слова «you». Оно переведено как «ты», вместо «вы». Слово «глыба» переведено как «скала», «матерый человецище» — «колоссальная фигура», «мужик» — «крестьянин» и т. д. Таких неточностей немного.

¹ «Заря Востока», 1955, № 60. 14 марта.

² Все библиографические указатели первой публикацией считают публикацию в журнале «30 дней», 1932 г., № 8, что не совсем правильно.

³ Фамилия переводчика не известна.

⁴ Эти сведения сообщены Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в письме за № 010/289 от 27.II. 1960 г.

⁵ Это в частном письме подтвердила известный горьковед и библиограф К. Д. Муратова.

К сожалению, в переводе имеются и некоторые сокращения, правда, небольшие, но это все же снижает его ценность.

Английский вариант горьковских воспоминаний о Ленине существенно отличается от всех остальных, опубликованных на русском языке в разные годы, и потому заслуживает особого изучения.

Среди произведений Горького, впервые опубликованных на страницах «Зари Востока», следует отметить и ранние стихи писателя, не так давно найденные в Музее Грузии¹.

Одно из них свидетельствует о тяжелом душевном кризисе, который переживал молодой Пешков.

О, нынче я, как стелька, пьян,
А завтра буду вдвое,
Кому от этого изъян,
И прочее такое?
Один я! Все, что есть кругом,
Чужое мне, чужое!
Душа ж моя полна вином
И прочее такое...
Душа моя! Искали мы
Друзей, любви, покоя
Средь этой лжи и этой тьмы
И прочее такое,
И не нашли... И ныне пьян!
И впредь пить горько будем,
И все в груди зальем вином,
Что дать хотели людям!

Чувство отчаяния, острого одиночества, горечь, вызванная тем, что в мире лжи и тьмы он не нашел ни друзей, ни любви, горькое желание «все в груди залить вином, что дать хотели людям», — таково, как мы видим, содержание этого стихотворения.

Другое представляет собой один из вариантов стихотворений, включенных Горьким в рассказ «О чиже, который лгал, и о дятле — любителе истины».

Во мраке таинственной ночи
Прносятся серые совы,
И блещут их круглые очи,
И злы, и угрюмо суровы.
Как гулко их крики несутся!
Смеются они и рыдают,
Проклятья в них дню раздаются
И ночь они смехом встречают.
Тьме ночи они дико рады,
В ней им так спокойно живется,
Не надо им лучшей награды,
Пусть дольше лишь день не вернется.
О если бы мрака оковы
С страны мсей бедной упали,
Исчезли бы серые совы,
И соколы только б летали!

¹ Вано Шадури. Новые материалы о связях А. М. Горького с деятелями грузинской культуры. «Заря Востока», 1958, 27 марта.

И били бы птицу ночную,
Что с радостью день провожает,
Ту птицу, что землю родную
Во мраке держать продолжает.
Но соколы хилы и слабы,
Сидят они где-то в ущельях,
И дремлют, как старые бабы,
Под звуки чужого веселья.

Автор статьи, в которой были опубликованы оба стихотворения, относит их к «тифлисской» тетради, сожженной Горьким в 1933 году. На наш взгляд, это не совсем верно. Разные по содержанию, настроению, чувствам, по художественным средствам выражения, эти стихи, безусловно, написаны в разные периоды.

Первое из них («О, нынче я, как стелька, пьян») вероятнее всего написано до прихода в Тифлис, в тяжелый для Пешкова период нижегородской жизни (1889—91 гг.) или же в период странствований по Руси, когда в апреле 1891 года после решительного объяснения с О. Ю. Каминской, по собственному признанию, Горький, «полубольной, в состоянии, близком безумию, ушел из города и почти два года шатался по городам России, как перекати-поле»¹. За это время он многое пережил, «огрубел, обозлился еще более»².

По мотивам и образам это стихотворение созвучно другому, которое Горький в 1903 году поместил в повести «Трое», приписав его авторство своему положительному персонажу Павлу Грачеву.

Ночь... Тошно! Сквозь тусклые стекла
окна
Мне в комнату луч свой бросает луна...

Здесь то же одиночество, сердечная тоска, ненависть к жизни, которая «душит», «давит», то же стремление отчаявшегося в жизненной борьбе человека найти забвение в вине³.

В уцелевших стихотворениях «тифлисской» тетради («Это дивная рамка была», «Как странники по большой дороге») мы уже не видим отчаяния, оно сменяется легкой горечью и ощущением силы, уверенностью в том, что все обидчики и прежде всего обидчица будут позабыты.

Мало того, мы знаем, что жизнь в Тифлисе вернула Пешкову душевное

¹ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 15, стр. 103.

² Там же.

³ Нельзя не согласиться с Н. К. Пиксановым, который, ссылаясь на образность, эмоциональность, общий тип стиха, относит его к периоду жизни Пешкова в Нижнем в 1889—91 гг. Н. Пиксанов, Горький — поэт. Л., Гослитиздат, 1940, стр. 32.

равновесие. Состояние душевной депрессии сменяется небывалым творческим подъемом, нашедшим выражение в пропагандистской работе, в жадном чтении книг, в страстном стремлении излить обуревавшие его мысли, чувства, огромный запас жизненных впечатлений в художественных произведениях.

Здесь, в Тифлисе, он пишет романтический рассказ «Макар Чудра», вальшскую сказку «О маленькой фее и молодом чабане», рассказ «Старуха Изергиль» и поэму «Девушка и Смерть».

В прямой идейно-художественной связи с ними находится и рассказ «О чиже, который лгал, и о дятле — любителе истины». Написание этого рассказа Горький относит к периоду между сентябрем 1892 года — годом публикации «Макара Чудры» — и августом 1893 года, когда в газете «Волжский вестник» появился рассказ «Емельян Пиляй»¹.

Надо полагать, что тогда же было написано и стихотворение «Во мраке таинственной ночи...», один из вариантов которого вошел в рассказ «О чиже...» Это стихотворение является откликом на жгучие вопросы общественно-политической жизни страны, пронизано жаждой борьбы и вместе с другими произведениями этого периода свидетельствует об огромном сдвиге, который произошел в мировоззрении Пешкова.

Найденный вариант существенно отличается от варианта, включенного в текст рассказа.

Оба они гневно направлены против «сов» — черных сил реакции конца 80-х — начала 90-х годов, и «соколов» — вырождающихся народников и омещанившейся интеллигенции. Однако, если в рассказе всю силу своего гнева автор обрушивает на «соколов», то в найденном варианте главный удар наносится «совам». Здесь наряду с характеристикой, данной и в рассказе, имеется четверостишие, отсутствующее в рассказе и значительно дополняющее эту характеристику:

Тьме ночи они дико рады,
В ней им так спокойно живется,
Не надо им лучшей награды,
Пусть дольше лишь день не вернется.

Найденный вариант дает возможность проследить за той кропотливой творческой работой, которую проделал Горький, добиваясь усиления общественно-политического звучания стиха и в то же время улучшения зашифровки своих слишком уж смелых мыслей.

В найденном варианте первая строка выглядит так: «Во мраке таинственной ночи». В окончательной редакции

она звучит иначе: «Во тьме нами созданной ночи». Замена в корне изменила смысл строки. «Таинственная ночь» — это ночь, окруженная тайной, загадочная, необъяснимая и т. д. В окончательной редакции автор полностью снимает покров таинственности, указывая, что ночь создана самими птицами, и тем самым как бы подчеркивая их вину перед юной рощей. Ответственность за случившееся чиж не снимает с себя («нами созданной ночи»).

В целях усиления отрицательной характеристики сов Горький в строке — «И блещут их круглые очи» — слово «круглые» заменяет эпитетом «мрачные», а в строке — «Исчезли бы серые совы» — слово «серые» — эпитетом «дикие».

Оба варианта написаны в форме аллегории, но в найденном варианте эта форма не везде была строго выдержана. Так, например, фраза — «О, если бы мрака оковы с страны моей бедной упали» — в устах чижа, поющего в роще окружающим его птицам, неестественна. Она нарушает иллюзию сказки. Слишком уж явно в песне чижа зазвучал голос самого автора, обнажая подлинный смысл стиха. И все становится на свое место, когда строка: «С страны моей бедной упали» заменяется строкой: «С моей юной рощи упали».

Значительно острее дана политическая характеристика сокола в окончательной редакции рассказа. Если в найденной редакции мы читаем:

Но соколы хилы и слабы,
Сидят они где-то в ущельях,
И дремлют, как старые бабы,
Под звуки чужого веселья,

то в окончательной редакции мы видим иное:

Но соколы слабы и хилы, —
Забились робко в ущелья
И злятся без чести и силы
Под звуки чужого веселья.

В результате замены ярче выявилась трусость соколов, в страхе забившихся в ущелья, сознание ими собственного бессилия перед веселящимися совами.

Обнаружение этих стихотворений в делах редакции грузинской газеты «Новое обозрение», куда, по словам редактора (Г. Туманишвили)¹, они были пере-

¹ «Новое обозрение» — прогрессивная ежедневная газета, издававшаяся в Тифлисе с 1884 года. С 1891 по 1903 гг. ее издателями и редакторами были Георгий Михайлович Туманов с братьями К. и В. Тумановыми. Георгий Михайлович Туманов — литератор-публицист, один из крупнейших общественных деятелей на Кавказе конца XIX века.

¹ Илья Груздев. Горький и его время. М., Гослитиздат, 1962, стр. 409.

даны не то одним из знакомых Горького, не то им самим, — новое свидетельство тесных взаимоотношений писателя с грузинской общественностью. Судя по письму того же редактора, эти взаимоотношения не носили случайного характера, а длились на протяжении нескольких лет. Это подтверждается переданными в редакцию стихотворениями, личным знакомством редактора с Горьким, состоявшимся в 1889 году, переговорами с писателем о сотрудничестве в «Новом обозрении» и его обещанием прислать что-либо, напечатанными в газете воспоминаниями о Горьком Кара-Мурзы¹, самого Г. Туманишвили и др., и, наконец, постоянными откликами «Нового обозрения» на все события, ка-

¹ Н. Кара-Мурза — журналист «Нового обозрения», а затем «Зари Востока» — хорошо знал А. М. Пешкова, не раз дежурил с ним у больного Гола Читадзе в декабре 1891 г.

сающиеся жизни и литературной деятельности Горького.

Большой интерес Горького к Грузии, многосторонняя связь с грузинской культурой и общественностью являются лишь частичным выражением того глубокого уважения, которое писатель питал к культуре разных народов вообще, уважения, обусловленного революционным мировоззрением пролетарского писателя, интернациональной сущностью его творчества. Русские песни, татарские сказания, молдавские, румынские, башкирские легенды, наряду с впечатлениями от «свинцовых мерзостей» русской жизни, — вот истоки горьковского поэтического творчества. Этот факт оказался очень символичным для всей литературной и общественной деятельности писателя. И если сейчас «народы распри позабыв, в великую семью соединяются», то в этом огромная заслуга М. Горького, поборника дружбы и братства всех народов.

У ГРУЗИНСКИХ КОЛЛЕГ

Май — всегда щедр на праздники. Это не только торжество Весны, Первомай, дни печати, радио, победы и т. д. В нынешнем году майские дни вылились у нас еще и в праздник красок и братства, как образно назвала газета «Заря Востока» проезд в Грузию выдающихся мастеров советского изобразительного искусства, членов Президиума Академии художеств СССР В. Серова, А. Сарксяна, Е. Кацмана, Е. Вучетича и других.

Их пребывание в нашей республике было насыщенным и плодотворным для «обеих сторон» — и для хозяев, и для гостей. Оно проходило и в виде официальных, деловых встреч, и личных, дружеских контактов. Они не только пошли на пользу делу дальнейшего развития нашего изобразительного искусства, но и явились еще одной яркой страницей дружбы братских народов, укрепили творческую связь между деятелями искусства, доставили подлинно эстетическое наслаждение любителям живописи и скульптуры.

— Мы приехали в Тбилиси, — сказал президент Академии художеств СССР В. Серов, — в связи с открытием выставки наших произведений и для участия в выездном заседании президиума Академии художеств СССР. Однако, — продолжал он, — наша основная цель познакомиться с работами грузинских художников, совместно обсудить задачи, которые стоят перед нами, мастерами искусства. Мы собираемся также ознакомиться с деятельностью Тбилисской Академии художеств...

На выездном заседании президиума Академии художеств СССР после доклада ректора Тбилисской Академии художеств А. Кутателадзе, посвященного постановке учебно-воспитательной работы и задачам, поставленным партией и правительством в связи с перестройкой системы художественного образования, возник интересный и полезный творческий разговор, в котором

приняли участие народный художник СССР Е. Вучетич, ректор Ленинградского художественного института имени Репина, профессор В. Орешников, искусствовед Ю. Колпинский, лауреат Ленинской премии Л. Кербель, народный художник РСФСР Д. Шмаиринов.

Подводя итоги заседания, президент Академии художеств СССР В. Серов высоко оценил работу всего коллектива Академии и пожелал ему больших творческих успехов.

Художники-академики побывали также в мастерских грузинских скульпторов и живописцев. Они познакомились с новыми произведениями К. Мерабишвили, С. Какабадзе, Ш. Микатадзе, Н. Канделаки, К. Санадзе, И. Вепхвадзе; посетили гости и народного художника Грузии Лало Гудиашвили. Затем С. Кобуладзе пригласил их в театр оперы и балета для осмотра занавеса, писанного им.

Виднейшие художники страны поделились своим мнением о работах грузинских коллег.

— Я знаю и высоко ценю творчество талантливого скульптора К. Мерабишвили, — сказал лауреат Ленинской премии Л. Кербель. — Очень близок мне по творчеству Ш. Микатадзе. В его произведениях я стремлюсь найти то ценное, чего еще недостает мне...

Ю. Колпинский выразил общее мнение, сказав, что искусство Л. Гудиашвили пробуждает чувство молодости и поэзии.

В Государственной картинной галерее тем временем тбилисцы познакомились с произведениями крупнейших советских художников и скульпторов — А. Лактионова, Ю. Непринцева, Е. Вучетича, Л. Кербеля, Д. Налбандяна и других.

Итак, обширная программа, о которой говорил В. Серов по приезде в Тбилиси, была не только выполнена, но и перевыполнена ибо наши гости помимо участия в вышеназванных мероприятиях, встретились еще с художественной интеллигенцией

спальной. Внизу был винный погреб, кухня и гараж. В винном погребе виднелось приблизительно с дюжину крышек из камня диаметром сантиметров пятьдесят.

Сняв крышку, можно прямо стаканом зачерпывать желто-золотую жидкость и пить. В каждом чане разное вино: оно отличается и цветом, и вкусом. В каждой такой бочке, которая зарыта в землю, приблизительно триста литров вина.

В кухне имеется большая, как бадья, плита, которая называется «тоне». Она устроена так, что раскаляется не снаружи, а внутри. Местные жители в таких «тоне» выпекают хлеб, своеобразный и очень вкусный...

СТАРИННЫЕ ПЕСНИ О БЫЛЫХ СРАЖЕНИЯХ

Комната шириной около 15 татами (23 квадратных метра). Посередине небольшой стол, сбоку — пианино, на противоположной стороне полки с посудой. Все это вместе взятое и составляет типичную обстановку дома сельского жителя в Грузии.

Узнав о прибытии почетного гостя, к моему гостеприимному хозяину поспешили на собственных автомобилях председатель колхоза, местный врач, учитель, несколько колхозников — всего около двадцати человек, составлявших цвет села.

Был избран командир стола, или как его здесь называют, «тамада». Тамада обладает всей полнотой власти во время банкета. После того, как окончены приветственные тосты, начинаются изумительные по красоте застольные песни, которые исполняет мужской хор. Здесь можно услышать всю гамму голосов, от низкого шаляпинского баса до высокого тенора. Они поют в основном старинные народные песни о былых победах и сражениях. Иногда эти песни сопровождаются колоритным аккомпанементом, а однажды, на другом банкете, я слышал, как они пели под гитару...

...Ливень давно уже прошел, но все забыли о дожде. Тосты продолжались без конца: «За прекрасную хозяйку этого дома!», «За мир во всем мире!» и тому подобное. Мне стало жарко, и я решил выйти освежиться на веранду. Над долиной виднелись белоснежные вершины Кавказских гор...

КАВКАЗСКИЕ ГОРЫ

Помимо всего прочего Грузия — это... горная страна. Вершины Кавказского хребта, больше, чем Альпы, покрытые вековыми снегами и ледниками, вытянулись с востока на запад. В хорошую погоду белоснежные горные вершины можно видеть с любого места. Когда я в Тбилиси был гостем грузинского альпинистского общества, то его председатель говорил мне, что прямо из их здания можно видеть на востоке

одну из крупнейших кавказских вершин Казбек (5 043 метра). На восточном склоне этой горы прилепился поселок, который называется Казбеги. Сюда ведет старая Военно-Грузинская дорога, которая соединяет Россию с Грузией. Длина ее около 170 километров и сделана она великолепно.

...Машина мчится со скоростью 80 километров в час, пересекая реку Арагви. Изредка на дорогу спускаются стада коров или отары овец, которые тормозят наше движение. По обе стороны дороги виднеются скирды скошенной травы, а также колосающиеся злаки и помидорные плантации. Мелькают красные домики. С высоких обрывов петляющей реки хорошо видны эти старинные строения. Бесконечной вереницей следуют маленькие горные поселения, утопающие во фруктовых садах и зелени.

Горы постепенно вырастают до 3—4 тысяч метров. Дорога взбирается по их склонам. Наконец, на высоте 2 382 метров — перевал через Главный Кавказский хребет. По бокам вытянулись симпатичные домики.

Иппей Фукуро и его жена Ханахо Фукуро в Сванетии, с. Цврим. 1963 год

Время близится к вечеру. Казбек, который должен вот-вот показаться, закрыт облаками. Прямо против нас, на востоке, с трудом угадываемые контуры острых горных пиков, чем-то напоминающие Альпы.

Основное звено большого Кавказского хребта составляет район Ушба — Безенга, который закрыт стеной высотой в 5 тысяч метров, идущей на юго-восток. К югу от Ушбы находится страна горцев — Сванетия. В книгах, которые вышли до революции, говорилось, что это загадочная страна, хранящая свои национальные традиции и закрытая от постороннего мира большую половину года. И даже те книги, которые вышли пять-шесть лет назад пишут, что в разгар лета в эти края можно попасть только из Западной Грузии на машине вдоль берегов Ингури. Я только и мечтал об этой живописной дороге, но совершенно случайно попал в центр Сванетии на самолете, который доставил меня туда из старинного грузинского города Кутаиси. Это был маленький одномотор-

ный биплан, в котором поместилось около десяти человек. Он плутал среди гор, пробираясь между снежной стеной Безенги и двуглавой вершиной Ушбы. Не прошло и сорока пяти минут, как мы легко приземлились в Местии — сердце Сванетии.

В этой стране небывалого расцвета достигла гражданская авиация. Буквально все, даже самые захолустные районы покрывает густая сеть авиационных маршрутов, которые совершают маленькие самолетики или вертолеты. Цена полетов на самолете не превышает стоимости автобусного билета. Вот почему в этих самолетах перевозят и картошку, а среди пассажиров нередко можно встретить обыкновенных крестьянок с детьми. Пилоты обычно держат штурвал, будучи одеты в одну рубашку и сандалии на босу ногу. Все это действительно смахивает на легкий воздушный автобус. При этом говорят, что на горных трассах гарантирована полная безопасность, самая полная в мире.

Легендарный город Местиа теперь превратился в маленький, но вполне современный центр лесной промышленности и скотоводства. Здесь имеются школы, больницы, общественные здания. Гордость Сванетии составляют очень своеобразные, старинные, немного замшелые башни, которые торчат почти в каждой деревне. Эти

башни представляют собой высокие, приблизительно пятиэтажные сооружения, сделанные из камня и раствора, называемые в этих местах косики.

Сванетия — край небольшой. Ядро ее составляет к востоку от Местиа гора Тетомуридо (4 853 метра), а к западу — Лайла (3 986 метров). Мы много бродили по горным дорогам Сванетии, и в моем сердце навеки осталось бесчисленное множество снежных вершин и сверканье ледяных потоков.

Впечатление об этой сказочной стране еще больше усилили люди.

Неподалеку от Мазери — самого дальнего населенного пункта — я встретил одного настоящего свана, на поясе которого висел кинжал. На вид ему было лет девяносто. «Горы нужно смотреть только на рассвете», — сказал этот сван и предложил мне, совершенно незнакомому чужеземцу, ночлег.

В поселке Бечо я решил сфотографировать вершину Ушбы, которая сверкала в лучах заходящего солнца, как ценнейший бриллиант. В этот момент ко мне подошли старики и молодые очаровательные девушки, которые наперебой угощали водкой и яблоками.

И все это совершенно естественно в сегодняшней Грузии...

Подписано к печати 12 июня 1964 г. 6 печ. листов
Формат бумаги 70 × 108^{1/16}.

Заказ № 1714

Тираж 2300

УД 05519

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ჟურნალი „ლიტერატურნია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Уд. 20/47.

Цена 40 коп.

Энциклопедический
ИНДЕКС
76178